АКАДЕМИЯ НАУК СССР

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

IX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
IX

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТОМ
IX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1954 ЛЕНИНГРАД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. И. АВДИЕВ (отв. редактор), *Д. И. ТИХОНОВ*, *В. И. БЕЛЯЕВ*

О. П. ПЕТРОВА

СОБРАНИЕ КОРЕЙСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОБРАНИЯ

В числе богатейших собраний письменных памятников на восточных языках, хранящихся в Секторе восточных рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР, находится собрание корейских книг-ксилографов, старо-печатных книг и рукописей, превосходящее по своей ценности многие подобные собрания, имеющиеся за рубежом. Корейский фонд Сектора восточных рукописей имеет первостепенное значение для изучения истории Кореи, истории ее культуры, языка и литературы. Деятели передовой русской культуры хорошо понимали значение исследования письменных памятников для изучения народов Ближнего и Дальнего Востока, поэтому собирание восточных рукописей в России началось еще в XVIII в. После организации Азиатского музея, 11 ноября 1818 г., первыми фондами которого явились коллекции восточных книг, рукописей и монет петровской Кунсткамеры, собирание восточных рукописей приняло более широкие размеры, но далекая Корея тогда была еще недоступна для изучения. Первые корейские ксилографы и рукописи поступили в Россию через Китай и были включены по признаку языка в китайские фонды: в Корее в силу ее многовековой вассальной зависимости от Китая и того влияния, которое оказывала китайская культура на страны Дальнего Востока, государственным языком был принят китайский. Вся литература — научная, философская, а также художественная — писалась на китайском языке до 1895 г. Все официальные отношения обслуживались также китайским языком.

Согласно каталогу библиотеки Азиатского департамента Министерства иностранных дел на 1844 г., в составе китайского фонда ксилографов и рукописей этой библиотеки уже в то время имелись уникальные корейские памятники, такие, как первая корейская медицинская энциклопедия „Сокровищница восточной медицины“ („Тонъи богам“), издания 1613 г. Энциклопедию эту начали составлять по королевскому повелению в 1596 г. Над составлением ее работала комиссия из лекарей под руководством лекаря Хе Чжуна.

Американские власти в Южной Корее в 1950 г. заявили об „утере“ печатных блоков этой энциклопедии, хранившихся в одной из стариннейших библиотек Кореи в городе Чончжу. „Потерянные“ американцами печатные доски (блоки) были вырезаны в 1613 г.; этим годом датируется первое издание, один из экземпляров которого и был приобретен Азиатским департаментом и ныне хранится в Секторе восточных рукописей. Эта 25-томная энциклопедия с диагностикой болезней и рецептурой лекарств для каждой болезни чрезвычайно интересна и по настоящее время.

Ряд очень ценных исторических трудов также уже имелся в составе коллекции корейских книг и рукописей библиотеки Азиатского департамента, например, „Извлечения из анналов Кореи“ („Тонса хёган“), „Краткая история Кореи“ („Тŏнгук саряк“), „Хронологические таблицы по истории Кореи с древнейших времен“ („Тонгук ёкто чхон мок“) и др. Во всех этих трудах представлена история Кореи с древнейших времен до конца XIV в., т. е. до конца правления династии Корё.

В 1864 г. собрания ксилографов и рукописей на многих восточных языках были переданы из Азиатского департамента в Азиатский музей Академии Наук. В числе их в музей поступили указанные выше памятники корейской литературы. Они послужили основанием корейского собрания в составе китайского фонда Азиатского музея. До 1907 г., к сожалению, новых крупных поступлений корейских рукописей и ксилографов в фонды Азиатского музея не было. Собрание пополнялось только отдельными экземплярами и нерегулярно. Правда, в протоколах Общего собрания Академии Наук за 1906 г. в § 48 отмечено, что „от императорского Русского Географического общества поступило весьма ценное собрание корейских и японских книг из упраздненного Комитета Дальнего Востока“, но были ли в числе этих книг корейские рукописи и ксилографы или же это были только современные печатные издания, — установить не удалось.

В протоколах Историко-филологического отделения Академии Наук за 1908 г. (§§ 3 и 159) упомянуто о поступлении коллекции Дмитревского со ссылкой на протокол ИФО № IX 23 V 1907, § 183, в котором зафиксирована переписка с директором департамента личного состава и хозяйственных дел Министерства иностранных дел о приобретении от вдовы консула Дмитревского собрания книг в количестве 318 изданий на европейских языках и 411 изданий на китайском языке с каталогом, составленным в 1900 г. профессором Подставиным (Владивосток). В число китайских изданий этого собрания вошли и корейские издания и рукописи.

Павел Андреевич Дмитревский (1850—1899), российский генеральный консул в Шанхае, был, по свидетельству современников, исключительным знатоком стран Дальнего Востока. Двадцать семь лет он пробыл на дипломатической работе в Китае. Незадолго до своей смерти он был командирован из Шанхая в Сеул для исполнения обязанностей поверенного в делах в Корее, где он скончался и похоронен 21 августа 1899 г. в Сеуле.

Изучая историю Кореи, Дмитревский собирал сведения о Корее из китайских и корейских источников. На основании их он составил книгу, изданную на русском языке в Ханькоу в 1883 г., под заглавием „Географическое описание Кореи. Перевод с китайского". В 1886 г. П. А. Дмитревский был избран в действительные члены Русского Географического общества. В „Записках" Общества по общей географии в 1884 г. (т. XII, № 4) была опубликована его работа „Записки переводчика, составленные переводчиком при окружном управлении на острове Цусима Отано Кигоро в 1794 г." (330 стр.), отмеченная золотой медалью Русским Географическим обществом по Отделению этнографии и статистики.

С большим знанием дела подбирал книги для своего собрания П. А. Дмитревский. В него вошли ксилографы и рукописи на китайском, корейском, японском и маньчжурском языках. Из-за отсутствия в стенах Азиатского музея специалиста-кореееведа коллекция Дмитревского была влита в основном в китайские фонды Музея, значительно обогатив собрание корейских книг и рукописей.

П. А. Дмитревский пользовался большим авторитетом в Корее. Корейская королева Мин, возглавлявшая антияпонскую дворцовую группировку и убитая за это японцами, подарила Дмитревскому прекрасное панно „Дикие гуси", хранящееся в Секторе восточных рукописей Института востоковедения, с надписью „Подарок королевы Мин". Это панно

было приобретено Академией Наук вместе с коллекцией ксилографов и рукописей у вдовы Дмитревского.

В фонды Азиатского музея восточные книги и рукописи поступали путем приобретения их от разных лиц как в России, так и за границей. Так была приобретена разнообразная и чрезвычайно ценная по своему содержанию коллекция корейских книг и рукописей известного востоковеда, английского дипломата В. Г. Астона (1841—1911). Затем в Азиатский музей поступали книги и рукописи как дар от разных лиц, в том числе и от корейского генерального консула в Петербурге Ли Бом Чжина.

Рукописи и ксилографы корейского фонда написаны на трех языках: корейском, китайском и японском. Выделить фонд по одному языковому признаку нельзя, ибо написанные по-китайски корейские произведения исторического, научно-философского характера, а равно произведения художественной прозы и поэтические произведения принадлежат корейскому народу.

Во время вторжения в Корею в 1592—1598 гг. японцы разграбили корейские книгохранилища и вывезли памятники корейской литературы в Японию, во многих случаях став единственными их обладателями. Поэтому японские переиздания корейских памятников часто являются единственными источниками, откуда можно почерпнуть сведения по истории корейского народа; по этому признаку они включены нами в состав корейского фонда.

Собрание корейских письменных памятников Института востоковедения по своему содержанию может быть разделен на следующие разделы: язык, литература, история, философия, право, справочный и архив.

ЯЗЫК

Изучение истории корейского языка находится в зачаточном состоянии. В Корее нет письменных памятников на корейском языке ранее XV в. Даже корейское произношение классического китайского языка, корневой состав которого являлся и является основным источником для создания корейской научной и технической терминологии, до XV в. остается неизвестным. В свое время западные ученые, например Джемс Скотт, высказывали предположение, что корейцы передавали из поколения в поколение китайское произношение, которое они получили от своих первых учителей. Безусловно, произношение китайского языка, языка иностранного в Корее,

который долго сохранялся в письменных формах, изменялось несравненно медленнее, чем произношение разговорного народного языка, но памятники написаны древними идеограммами, которые не несут с собой звуков. Кроме того, корейцы приспособили произношение китайского корневого состава к звуковой системе собственного корейского языка, согласно собственным произносительным привычкам; приспособление это шло на протяжении многих веков. Только в XV в. появляется литература, написанная корейским алфавитом онмун, который прежде всего служил транскрипционными знаками для передачи произношения китайских иероглифов, так как письменным языком был китайский. В корейском фонде Сектора восточных рукописей нет ни одного памятника, написанного на корейском алфавите, старше XVI в. Вообще же памятники XV в. на корейском алфавите насчитываются единицами. Учеными Корейской Народно-Демократической Республики предприняты только первые шаги по лингвистическому изучению их. По истории грамматического строя корейского языка пока еще ничего не сделано даже в описательном отношении. Это — задача молодого поколения как корейских ученых, так и советских кореееведов-лингвистов.

В самой Корее история изучения морфологии и лексики корейского языка начинается лишь с конца XIX в. в связи с деятельностью корейских просветителей. Основоположниками современного корейского языкознания являются Ли Бон Ун, написавший первую работу о корейском языке в 1897 г., и Чу Си Гён, произведения которого по грамматике, фонетике и орфографии корейского языка появились в начале XX в.

Корейское собрание Сектора восточных рукописей имеет ряд ценнейших рукописей и ксилографов, важных для изучения проблемы формирования корейского национального языка. Таковыми являются:

1. Руководство по корейскому языку. Рукопись. 4 тома. Датируется 1840—1850 гг. Корейские фразы с переводом на японский язык. Составлена коллегией японских переводчиков в Пусане. Представляет образец живого разговорного языка.

2. Корейско-японские диалоги. Рукопись. Составлены коллегией японских переводчиков в Пусане на литературном корейском языке. Хотя рукопись не имеет датировки, но можно предполагать, что она относится к тем же годам, что и предыдущая, и сохраняет образцы литературной речи как феодальной Кореи первой половины XIX в., так и дореформенной Японии.

3. Рассказы и диалоги на корейском разговорном языке. Рукопись. Составлены преподавателем корейского языка Пак Чхон Сиком и другими корейцами в 1883—1884 гг.

4. И-он (易言).[1] Корейский разговорник. Рукопись. Составлен преподавателем корейского языка Ким Чже Гуком на корейском разговорном языке в 1887 г.

5. И-он (易言). Один том из 4 частей. Серия популярных очерков о европейской цивилизации, собранных из китайских книг. Первое корейское издание не имеет ни даты, ни автора, но при сопоставлении с одноименным разговорником, составленным Ким Чже Гуком, можно датировать восьмидесятыми годами прошлого века.

6. Корейские рассказы. Рукопись. Составлены преподавателем Ким Чже Гуком на бытовом разговорном, а не на литературном языке, в 1885 г.

7. „Японо-корейские фразы и диалоги“ 交隣須知 (кōриндзути). Рукопись. 4 тома. Имеет колофон: 嘉水七年寅 五月十九日 14 июня 1854 года.

8. „Введение в корейский язык“ 韓語入門 (канго нюмон). 2 тома. Японо-корейский текст 1880 г.

9. „Очерк грамматики корейского языка“ 善隣通語 (дзэнрин-цӯго). 2 тома. Японо-корейский текст 1880 г.

10. Ключевой иероглифический словарь (по 214 ключам) 全韻玉篇 (чонун окпхён). 2 тома, издан в конце XVIII в. Интересен тем, что в него внесены от руки киноварью корейские чтения китайских иероглифических знаков и их перевод на корейский язык. Таким образом, словарь дает представление и о корейской лексике (в определенном объеме) в письменном корейском языке.[2]

В корейском фонде имеется фототипическое японское издание памятника XVI в. словаря 訓蒙字會 (хунмон чахё). Это предметный словарь, составитель которого Цой Се Чжин

---

[1] Названия памятников, которые не могут быть переведены на русский язык без специальных (часто довольно обширных) пояснений, даются в настоящей статье только в транскрипции и иероглифическом написании.

[2] В корейском фонде имеется второй экземпляр этого словаря издания 1850 г. В этом экземпляре нет сделанных от руки переводов на корейский язык значений китайских иероглифических знаков, но в самом тексте словаря даны корейские чтения китайских иероглифических знаков, как, впрочем, они даны и в первом экземпляре, в котором они, сверх того, еще раз повторены внесением их от руки вместе с переводами.

(崔世珍) отобрал минимум китайских знаков (всего 3360) для начального обучения китайской письменности и снабдил их чтениями в онмуне, а также, по возможности, и корейскими значениями. Словарь интересен в фонетическом отношении.

Для фонетистов, интересующихся историей фонетических изменений китайских корней в процессе их кореизирования, представят интерес следующие рукописи и ксилографы.

1. Тональный словарь китайского языка для корейцев, расположенный по четырем тонам, но четвертый тон дан в приложении, поэтому словарь носит название „Тональный словарь по трем тонам" санун сонхю (三韻聲彙), составитель Хон Ге Хый (洪啓禧). В фонде имеется двухтомное издание 1751 г. с предисловием Ким Чжэ Ро. В японских источниках имеется указание, что существует издание из трех томов, в котором третий том повторяет содержание двух первых томов, но расположен по ключевой системе.

2. „Элементы китайского языка" 萃語類抄 (хоа'о рюсо). Один том. Без даты и автора. Корейская транскрипция китайских звуков. Китайско-корейский вокабулярий.

3. То же. Руководство для изучения китайского разговорного языка. Китайские фразы с корейской транскрипцией и переводом.

4. „Руководство по китайскому языку" 老解 (нохэ). 2 тома. Издание подвижным шрифтом, 1670 г.

5. То же 老乞大 (нокольдэ). Один том 1795 г. Разговоры на китайском языке. Пособие, принятое на государственных экзаменах по китайскому языку для чиновников.

6. 萃音啓蒙 (хоаым кемон). Один том из двух частей 1883 г. Автор Ли Чжи Гу (другое его имя Ын Хон 應憲) из Кымсана. Пособие по современному китайскому произношению, написанному корейским алфавитом, с приложениями 1000 иероглифов с корейским произношением, списка фамилий, циклических знаков; названий созвездий.

7. „Китайский разговорный язык в обработке для детей". 萃音啓蒙諺解 (хоаым кемон онхэ). Один том из двух частей. Без даты и автора. Ксилограф: Корейская транскрипция китайских звуков и корейский перевод.

Более старый корейский язык представлен в религиозных книгах по даосизму и буддизму, сохранявшихся в буддийских монастырях.

К таким книгам-ксилографам относятся книги по даосизму — „Толкования книги о вере и почитании" (敬信錄諺釋).

Один том, с колофоном: „Вырезана в 1796 году в 8-ю луну. Доски хранятся в буддийском храме Пуль Амса на горе Чхонбосан, в округе Янчжу". Достаточно оснований думать, что книга эта значительно старше указанной даты и существовала долгое время в виде рукописи.

Буддийская книга „История чудес" (靈驗傳) содержит разъяснения о богине Коан Ым (Гуан Инь) и дает историю чудес, происшедших благодаря почитанию этой богини. Хотя эта книга не имеет ни даты, ни автора, но, повидимому, является также одним из образцов архаических текстов на корейском языке.

ЛИТЕРАТУРА

Феодальная Корея, во многом подражавшая Китаю, и в области литературы следовала его примеру.

Корейские прозаические произведения, написанные на китайском языке, называются: чип (集)— собрания; ко (稿)— черновые наброски; юго (遺稿)— черновые записки, оставшиеся (в наследие) после такого-то автора. Такие прозаические произведения составляют наибольшую часть корейской феодальной литературы, отражавшей воззрения феодальных ученых и знати. Под названием „чип" и „ко" публиковались или собрания сочинений одного автора или отдельные его труды. Собрания сочинений содержат самые разнообразные работы автора. В них можно найти и поэтические произведения (стихи) и разные официальные документы, принадлежащие перу этого автора (прошения, донесения и другие официальные бумаги), частную переписку автора и сочинения церемониального порядка, официальные и частные адреса — чон (箋), эпиграммы — мён (銘), панегирики посмертные и биографические — чимун (誌文), чичжан (誌狀), хэнчжан (行狀); траурные сочинения — эмун (哀文), молитвы — чемун (祭文); предисловия — се (序), послесловия — пхаль (跋), трактаты, изъяснения, комментарии. Часто подобные собрания заканчиваются биографией автора.

В корейском фонде литература этого рода представлена особенно богато. Она начинается тридцатитомным изданием 1546 г. собраний сочинений ученого Ли Хоана (李滉), более известного под именем Ли Тхё Ге, под названием „Тхё Ге чжип" (退溪集).

Ли Хоан, по прозвищу Кен Хо (景浩), имел другое литературное имя — Тхё До Он (退陶翁), по наименованию горы То Сан (陶山), куда он удалился, чтобы писать свои философские труды. Он был потомком рода, блиставшего при династии Корё, родился в Онкери (温溪里) в 1501 г., умер в 1571 г. Этот знаменитый корейский ученый имел многочисленных учеников. Собрание сочинений одного из учеников Ли Хоана Лю Сон Нёна (柳成龍) состоит из десяти томов и носит название Се э чжип (西匡集). Лю Сон Нён по прозвищу И Ген (而見) родился в 1542 г. в Пхунсане (豐山). Его работы ценны тем, что в них имеются сведения, относящиеся к японскому вторжению Хидэёси в Корею.

Интересно также восьмитомное собрание, изданное в 1794 г. в честь великого корейского флотоводца Ли Сун Сина, разбившего и уничтожившего японский флот во время японского вторжения Хидэёси в конце XVI в., под заглавием „Чхунмугон чонсо“ (忠武公全書), с полным описанием жизни и военных подвигов Ли Сун Сина.

Большое значение для историков корейской литературы представляют также „Избранные произведения корейской литературы“ 東文選 (Тонмунсон) в 46 томах. Это собрание корейской литературы на китайском языке. Компиляция его была предпринята Се Го Чжоном (徐居正) в 1478 г. по повелению короля. В послесловии к нему, датированном 1478 г., составитель описывает возникновение корейской литературы на китайском языке, учреждение литературных экзаменов и постоянный рост и развитие этой литературы на китайском языке, хотя, добавляет он, китайско-корейский стиль совершенно отличается от собственно китайского стиля во времена разных династий. В этих 46 томах собрано 130 книг различных авторов от Цой Чжи Уона (崔致遠) до Ха Рюна (河崙).

Имеющееся в фонде издание является старейшим из существовавших в Корее. Основной корпус этой антологии составлен Се Го Чжоном из 133 книг, объединен в 46 томах. В двадцатых годах XVI в. другой автор, Син Ён Гэ дополнил издание еще 21 книгой. Этого дополнения в имеющемся издании нет, таким образом, перед нами несомненно издание антологии XV в.

Подобно китайской литературе в корейской жанр романа был совершенно исключен из списков канонической литера-

туры и не считался достойным серьезного чтения. И тем не менее, жанр романа на корейском языке постепенно стал развиваться, он интересен как источник создания корейского литературного языка.

В корейском фонде романы на корейском языке представлены рядом многотомных рукописей.

1. „История двух семей Ха и Чжин“ (河陳兩門錄) в 25 томах. Исторический роман из эпохи китайской Сунской династии.

2. „Чудесная встреча двух запястий“ (雙釧奇逢). Роман в 22 томах. Без даты и автора.

3. „Запись о путешествии в Корею“ (東遊記). Роман в 6 томах. Без даты и автора.

4. „Добавление к истории династии Суй“ (隋史遺聞). Исторический роман в 12 томах. Без даты и автора.

5. „История вознагражденного благодеяния“ (報恩記偶錄). Роман в 18 томах. Без даты и автора.

Все эти романы интересны для изучения корейского литературного языка и культуры вообще.

Совершенно особо стоит так называемая популярная литература, представленная в фонде как специально подобранным собранием из 29 книжек, переплетенных по-европейски в 7 томах, так и отдельными ксилографами.

Книжки дешевой популярной литературы, написанные на корейском алфавите онмун, были единственным чтением, доступным для народных масс. Эти тоненькие книжки в 20 или 30 листов, напечатанные на самой скверной сероватой бумаге со всевозможными дефектами, изданы ксилографическим способом с резных деревянных досок из мягкого дерева тоже плохого качества, от чего печать их получилась нечеткой (рис. 1). В них нет ни вкладных листов, ни титульного листа, ни указаний на место издания и название издательства. Год издания и имя автора, как правило, также отсутствуют. Большинство популярных книг написано курсивным письмом, без соблюдения каких-либо правил орфографии. Каждый автор пишет так, как находит нужным, так что индивидуальные и провинциальные диалектные особенности четко прослеживаются в каждой из таких книжек, содержащей по одному произведению. В этих книжках нет никакой пунктуации, нет никаких знаков для того, чтобы отличить, где одно слово кончается и начинается другое. Новая часть или параграф отмечаются не отступом в печати, но кружком или словами „перемена темы“.

Для тех, кто знает лишь обычную общепринятую форму начертания корейских букв, принятую в печати, корейское

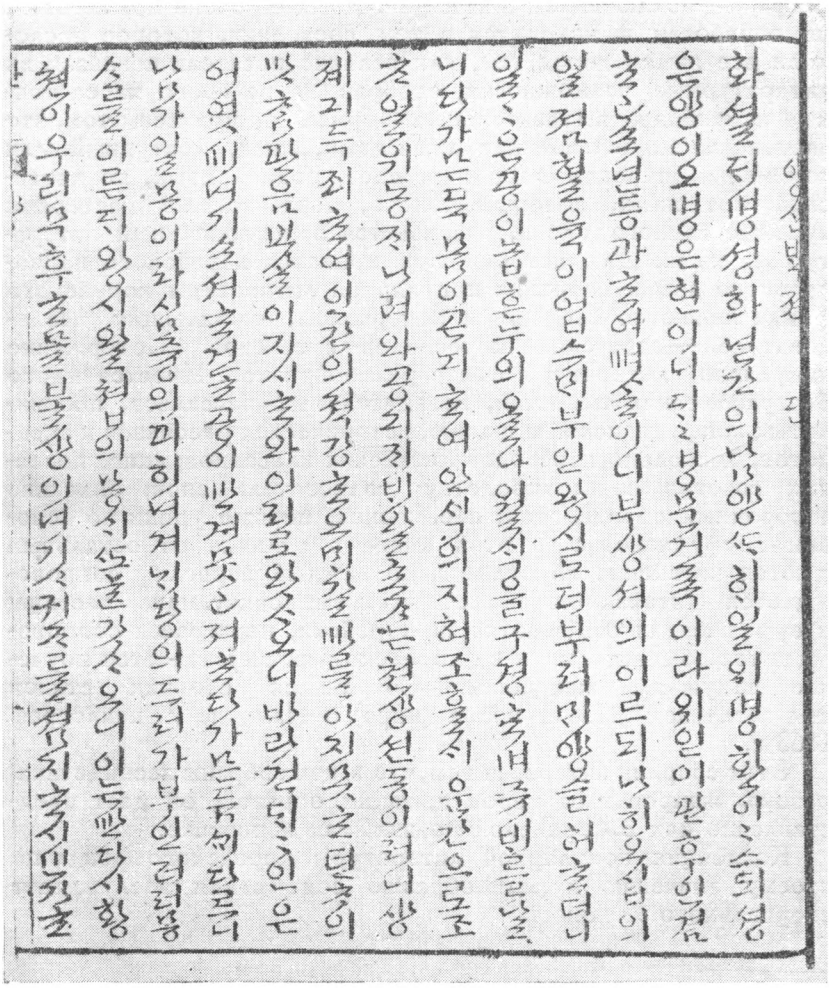


Рис. 1. Страница из книги корейской популярной литературы „Повесть о Ян Сан Бэке".

курсивное письмо представляет для чтения большие затруднения, ибо имеет множество сокращений: буквы пишутся

слитно, так что трудно отличить, где кончается одна и начинается другая.

В книжках популярной литературы нет ни одного иероглифа, за исключением пагинации. Язык ее очень примитивен, не обработан и находится в том состоянии, которое проходили все языки перед тем, как великие писатели показали их литературные возможности, отобрав из речевого хаоса точные и наиболее выразительные формы. И, при всем том, это настоящий корейский народный язык, язык, доступный для понимания широких народных масс, родной язык, не китайский, тот язык, который теперь, обработанный мастерами художественного слова, развивается в национальный литературный язык. Для истории формирования корейского национального языка собрания популярной литературы корейского фонда являются бесценным материалом, ожидающим исследователей — советских кореведов-лингвистов. Содержание популярной литературы самое разнообразное. Имеется много биографических повестей, назидательных рассказов, проникнутых конфуцианской моралью, исторических рассказов и анекдотов, несколько переводов китайских классиков; книга полезных советов по домоводству; толкователь снов; описание похоронных обрядностей; письмовник; первые уроки по основам конфуцианства (в этой книге в отличие от остальных даются китайские иероглифы, но каждый иероглиф сопровождается китайско-корейским чтением; связующие частицы и суффиксация отмечаются по-корейски, параграфы сопровождаются комментариями на корейском языке). Имеется поучение замужним женщинам. Сохранился сборник стихов под заглавием „Песни покоя (мира) в Намхуне“,[1] ксилограф 1863 г.

Этот сборник интересен тем, что в нем собраны песни (стихи) разных жанров и размеров и, таким образом, он дает представление как о корейской поэзии, так и поэтике.

Коллекция популярной литературы корейского фонда по своему значению и разнообразию содержания заслуживает специального изучения.

---

[1] Намхун (南 董) — название одного из дворцов легендарного императора Шунь (舜), согласно литературной традиции правившего в 2255—2205 гг. до н. э. Заглавие имеет аллегорический смысл: анонимный автор спокойствие, царящее в императорском дворце Намхун, избирает символом мира всей Кореи.

ИСТОРИЯ

Исторические труды в корейском фонде также имеют исключительный интерес для советских кореееведов-историков и дают подлинные материалы для изучения истории Кореи. Отметим следующие капитальные издания.

1. „Исторические записи о трех государствах (Силла, Когурё и Пэкче)“ 三國史記 (самгук саги), в 8 томах из 50 книг. Настоящий труд был составлен по повелению короля корейским ученым Ким Бу Сиком (金富軾) (1075—1151), написавшим его на основании древних корейских записей и китайских династийных хроник и закончившим его в 1145 г. Это наиболее древний корейский источник по истории Кореи.

Книги 1—12 содержат историю государства Силла.
Книги 13—22 — историю Когурё.
Книги 23—28 — историю Пэкче.
Книги 29—31 — хронологические таблицы.
Книга 32 — трактат по жертвоприношениям и музыке.
Книга 33 — трактат о средствах передвижения, одежде и жилищах.
Книги 34—37 — трактат по географии.
Книги 38—40 — трактат об управлении.
Книги 41—50 — биографии.

В послесловии к изданию, написанном Ким Го Ду (金居斗), сообщается, что первое издание этих исторических записей было долгое время утерянным, пока, наконец, губернатор Сим Хё Сэн (沈孝生) нашел рукописную копию его и вместе с несколькими другими лицами предпринял переиздание.

Переиздание было осуществлено в году (甲戌), который по шестидесятилетнему циклическому исчислению может быть и 1394 годом и 1454 годом, но более вероятно, что переиздание было сделано в 1394 г., ибо чин куоннонпангоса (勸農防禦使), которым в переиздании именуется Ким Го Ду, существовал только в начале династии Ли, т. е. в последние годы XIV в. или в первые годы XV в.

Экземпляр этого издания, имеющийся в корейском фонде Сектора восточных рукописей, является сборным: 1, 2, 3 и 5 тома — рукопись, 6 том — ксилограф, 4, 7, 8 тома напечатаны подвижным шрифтом. Повидимому, существовал дефектный неполный экземпляр, который и был дополнен

списком соответствующих томов с другого, полного экземпляра этого издания.

Судя по характеру шрифта, которым отпечатаны тома 4, 7 и 8, время издания их можно датировать началом правления династии Ли (начало XV в.), потому что впоследствии этот тип шрифта больше не применялся.

2. Вторым по времени составления памятником по истории Кореи является „Историческое наследие трех государств“ 三國遺事 (самгук юса), написанный бонзой Иль Ён (一然) в XIII в.

В корейском фонде имеется только фототипическое издание этого памятника, воспроизведенное Киотоским университетом, в пяти книгах.

3. „История династии Корё“ 彙纂麗史 (хючхан нёса), в 22 томах из 48 книг. Автор Хон Нё Ха (洪汝河), — род. в 1620 г., ум. в 1674 г., — использовал для своего труда более раннюю работу „История Корё“ 高麗史 (Корёса), которую расширил и внес в нее исправления. После смерти автора произведения хранились его учениками и передавались из поколения в поколение. Только через сто с лишним лет после смерти автора они были опубликованы на средства ученых провинции Кёнсандо, родины Хон Нё Ха стараниями Чон Чжан Но, выходца из рода Хон. План этого исторического труда снят с „Ши-цзи“ и истории Сыма Цяня. Содержание следующее.

Книги 1—6 — история правлений.
Книга 7 — трактат по астрономии.
Книга 8 — трактат о пяти элементах.
Книги 9—10 — трактат по географии.
Книга 11 — трактат о церемониях.
Книга 12 — трактат о музыке.
Книга 13 — одежда, средства передвижения.
Книга 14 — о государственных экзаменах для чиновников.
Книга 15 — об администрации.
Книга 16 — о торговле и ремеслах.
Книга 17 — об армии.
Книги 18—19 — о законах.
Книга 20 — жизнь королев, принцесс и членов королевского дома.
Книга 21 — биографии двух узурпаторов из семьи Син.
Книги 22—37 — биографии знаменитых государственных деятелей.
Книги 38—42 — разные биографии.

Книги 43—46 — биографии мятежников.

Книги 47—48 — заметки о варварах: киданях, маньчжурах, японцах (заметки о последних составляют книгу 48).

В фонде имеется весь труд, за исключением второго тома.

4. „Краткая история Кореи“ 東國史略 (тонгук саряк) с древнейших времен до 1392 г. Авторы: Куон Гын (權近), Ли Чхом (李詹) и Ха Рюн (河崙). Составлена в годы правления короля Тхэ Чжона (1400—1418). В фонде находится рукопись — недатированный список с этого издания.

5. „Извлечения из анналов Кореи“ 東史會綱 (тонса хёган). История Кореи, начиная с образования трех древних государств до правления короля Кон Мина (1389—1394), составленная по корейским архивным данным и китайским источникам. 14 томов из 27 книг. Автор Лим Сан Док (林象德), по прозвищу Ихо (彝好), литературный псевдоним Но Чон (老村), родом из Начжу. Напечатаны подвижным шрифтом.

6. „Корейские анналы“ 東國通鑑 (тонгук тхонгам). Анналы начинаются с древнейших времен и кончаются правлением короля Кон Мина династии Корё. Они состоят из 57 книг, составлены в 1485 г. ученым Се Го Чжоном (徐居正) и ученым Цой Бу (崔溥) по образцу анналов Сыма Гоана (司馬光). „История трех древних корейских государств“. Предисловие датировано 1485 г. (成化乙巳) и подписано Ли Гык Тон (李克敦), наставником наследного принца.

В корейском фонде хранится только неполный экземпляр этого издания (напечатанного подвижным шрифтом), состоящий из девяти томов. Изложение обрывается на шестом году правления короля Кон Мина (恭愍王), т. е. на 1357 г.

Имеются также два полных японских издания этих анналов: одно чрезвычайно редкое киотоское издание 1667 г. в 57 томах, другое издание 1883 г. в 30 томах из 56 книг.

7. „Драгоценное зерцало династии Ли“ 國朝寶鑑 (кукчо богам), в 26 томах из 82 книг. История династии Ли была составлена в 1781 г. В нее вошли три предшествовавших истории этой династии: „Кукчо богам“, составленная историком Син Сюк Чу (申叔舟) в 1457 г.; „Сенмё богам“, составленная в 1684 г. ученым Ли Дан Ха (李端夏) для годов правления короля Сен Чжо и „Сюкмё богам“,

составленная в 1730 г. ученым Юн Сю и ученым Ли Док Сю (李德壽) для годов правления короля Сюк Чжона. Для истории правлений других королей были использованы разные анналы и частные записи.

Первое предисловие датировано 1782 г. и написано королем Чон Чжоном; затем следует посвящение труда и список состава редакционной комиссии. Послесловие написано составителем Ким Чжон Сю (金鍾秀). „Кукчо богам" было переиздано с дополнениями в 1848 г. В этом издании предисловие написано королем Чоль Чжоном в 1848 г., посвящение труда и послесловие Куон Дон Ина (權敦仁) датированы тем же 1848 г.

В корейском собрании имеются два издания 1848 г.: одно неполное в 22 томах кончается правлением короля Ён Чжона и второе полное, состоящее из 26 томов в 82 книгах. Во втором издании том 10 отсутствует.

8. „История годов 1775—1777" 明義錄 (мёный рок), 3 тома, 1777 г. Напечатана подвижным шрифтом в королевской книгопечатне.

Вводный том содержит „Дневник павильона Чонхенгак" (尊賢閣日記), в котором жил наследный принц, впоследствии ставший королем Чон Чжоном. В дневнике рассказывается о событиях, которые имели место во дворце 6 марта 1755 г. и 16 апреля 1776 г.

Том 1 повествует о событиях с 10 января 1776 г. по 8 августа того же года. Том 2 — о событиях с 10 августа до 15 мая 1777 г. Послесловие датировано 11 мая 1777 г. (上之元年夏匹月庚子) и подписано Ким Чжон Сю (金鍾秀), комендантом крепости Канхоа (江華).

В фонде имеется также рукопись без указания даты и автора, представляющая корейский перевод означенного труда, написанная онмуном на тончайшей бумаге.

9. „Сокращенное изложение генеалогических записей королевского дома" (珥睿源系譜紀略), в 8 томах. В корейском фонде 7 томов. Том 1 начинается предисловием короля Чон Чжона с датой 1783 г., с печатью королевской библиотеки и надписью: „Первое издание этой работы было в 1679 г.".

В этом же томе помещены: общее введение, со сведениями о первом издании, распределении издания между членами королевского дома и высшими чиновниками, размещении экземпляров издания по провинциям; отмечены издания и их даты.

Далее, том 1 состоит из описания происхождения королевского дома, таблицы имен королей, начиная с Мок Чо, истории королей и королев с обозначением их имен, прозвищ, литературных псевдонимов, родственной связи, места и даты рождения, титулов и почетных имен, которые они получали при жизни и посмертно, даты восшествия на трон, смерти; местонахождения гробниц; имен детей.

Тома 2—8 являются описанием потомков каждого короля по мужской и женской линиям до шестого колена. Среди членов королевской фамилии отмечаются наиболее прославленные своими делами.

Корейцы написали по истории своей страны большое число работ, из которых одни написаны по частной инициативе, другие по повелениям королей. Генеалогии, биографии, истории философских школ, описания преследований, направленных против ученых, описания заговоров, войн, особенно много работ по нашествию японцев в конце XVI в.; описания нравов и обычаев, управления, сношений с „варварами", мемуары, дневники разных лиц — все эти документы, безусловно не равной ценности, в совокупности представляют материалы, могущие осветить историю страны на протяжении свыше полутора тысяч лет.

К таким материалам относятся:

1. „Историческая хроника города Пхеньяна" (平壤志), в 2 томах, автор Юн Ду Сю (尹斗壽), написана в 1590 г. В собрании хранится правительственное издание 1837 г.

2. „Историческая хроника Пхеньяна" (продолжение) (平壤續志). Автор Юн Ю (尹游), потомок Юн Ду Сю, написал этот труд в 1730 г. В собрании хранится ксилограф 1837 г.

3. „Архивные документы о развитии просвещения в провинции Пхёнан" (關西寶典錄), в 2 томах из 3 книг. Правительственное издание 1800 г.

4. „Дневник пребывания в Намхане" (南漢日記). Автор Сок Чи Ён (石之珩). Описание событий во время бегства короля от маньчжур в крепость Намхан в 1637 г. Недатированная рукопись в 4 томах.

5. Отчет о семи военных экспедициях корейцев против японцев, маньчжур и других в XV в. (國朝征討錄). Рукопись без указания даты и автора.

Материалами по истории корейско-японских отношений являются японские издания:

1. 善隣國寶記 (дзэнринкоку-хōки), 3 тома, 1857 г. Автор бонза Сю Хō. Собрание извлечений из книг, написанных по-китайски, о японо-корейских отношениях с древних времен до середины XV в.

2. 螢蠅抄 (кэйёсё), в 6 томах. 1849 г. Автор Ханава Хокиити. Собрание исторических извлечений о японо-корейских отношениях во времена нашествия монголов Хублай хана.

3. 朝鮮物語附 (тёсэн моногатаридзукэ), один том, список с рукописи, датированной 1658 г., об японо-корейских отношениях после похода Хидэёси.

4. 桑韓塤篪集 (сōкан кэнтисю̄), 10 томов, Киото, 1720 г. Запись на китайском языке бесед между японскими учеными и корейскими послами.

5. 仙槎筆譚 (санса хицудан), один том, Эдо, 1748 г. Запись беседы с корейцем, посетившим Японию в 1748 г.

6. 倭朝唱酬集 (вакан сё̄сюсю̄). Собрание стихов японо-корейского стихотворного турнира на китайском языке, состоявшегося между корейскими послами и 39 японцами в Осака 21 августа 1682 г. В стихотворной форме делаются политические намеки, и с этой стороны собрание представляет интерес для историков японо-корейских отношений.

7. 善隣風雅 (дзэнрин фӯга), 2 тома, Киото, 1748 г. Запись бесед с корейскими послами, прибывшими в Японию в апреле 1748 г.

8. 善隣風雅後編 (дзэнрин фӯга гохэн), 2 тома, Киото, 1748 г. Продолжение предыдущего.

9. 雞林唱和續集 (кэйрин сёва дзокусю̄), 10 томов, Эдо, 1714 г. Запись бесед с корейскими послами, прибывшими в Японию в 1711 г.

10. 骨董錄 (коттороку), 1 том, 1727 г. Рукопись. Обзор посещений корейских посольств Японии за время с 1602 по 1711 г.

11. 朝鮮見聞錄 (тёсэн кэмбунроку), 2 тома, 1875 г., автор Сада Хаку, заметки о Корее.

12. „Корейские новости“ 朝鮮新報 (тёсон симпō), комплект газеты, издававшейся японцами в Корее в 1882 г.

Таким образом, и исторический отдел корейского фонда имеет довольно много ценных первоисточников для кореееведов-историков.

ФИЛОСОФИЯ

Традиция передает, что конфуцианство проникло на Корейский полуостров еще во времена трех древних государств. В Пэкче, например, „Луньюй" был известен в начале V в. и оттуда конфуцианскими проповедниками был завезен в Японию. Шу-цзин был известен в Силла в середине VII в., а в конце этого века, согласно преданию, ученый Соль Чхон для облегчения чтения китайских классических книг приспособил „Иду"[1]. В начале VIII в. изображение Конфуция было помещено в Академии Наук в Кёнчжу. При династии Корё организовывались конфуцианские школы в столице и городах страны, печатались с досок и распространялись конфуцианские канонические книги. Государственные экзамены для чиновников по китайскому образцу были учреждены в 958 г. Однако такое распространение конфуцианства было чисто административным, охватывало только правящие верхи корейского общества и не являлось господствующей идеологией.

Только с начала XIV в. в Корее конфуцианство постепенно становится основной идеологической надстройкой, порожденной феодальным базисом. С XV в. при династии Ли наступает расцвет конфуцианства как государственной религии и как философской системы. Короли обретают в конфуцианстве исключительное орудие власти. Опираясь на конфуцианские доктрины, короли стремились закрепить их в сознании народных масс, на которые в то время значительно большее влияние имел буддизм, как религия исключительно гибкая, быстро ассимилировавшая древние народные верования и суеверия.

Для укрепления конфуцианства в народных массах, по повелению короля Се Чжона, было издано двойным текстом на китайском и корейском языках Самкан хэнсильдо (三綱行實圖)—произведение, содержащее описание доблестных поступков тех, кто придерживается трех основных доктрин конфуцианства: преданности государю, сыновнего долга и супружеской верности. Таким образом, Се Чжон использовал вновь изобретенную корейскую письменность для внедрения конфуцианства в народные массы и борьбы с буддизмом как народной религией.

---

[1] „Иду" — особый вид письменности, в которой китайские иероглифические знаки использовались для изображения служебных слов и частиц корейского языка и читались чисто фонетически.

С середины XVI в. началась стабилизация конфуцианства. В среде корейских конфуцианцев слагается несколько направлений, представители которых, образуя неоконфуцианские школы, пытаются возводить на трон своих ставленников. К моменту закрытия страны для внешних сношений в XVII в. конфуцианство в Корее было облечено в несравненно более строгие формы, чем когда-либо в Китае. Поэтому для изучения конфуцианской философии того времени большое значение имеет изучение произведений корейских конфуцианцев, а также их комментариев к китайским каноническим произведениям и произведениям китайских конфуцианцев.

В корейском фонде Сектора восточных рукописей хранится довольно значительное количество конфуцианских произведений. Имеются китайские классические книги по конфуцианским доктринам с переводами на корейский язык и подробными толкованиями. Таковы:

1. „Великое учение“ 大學諺解 (тэхак онхэ), с толкованиями, один том, ксилограф 1880 г.

2. „Малое учение“ 小學諺解 (сохак онхэ), с толкованиями, 6 томов, 1797 г.

3. „Учение о следовании середине“ 中庸諺解 (чунён онхэ), один том, ксилограф 1880 г.

4. 孟子 (Мэн-цзы). 7 томов, ксилограф 1884 г.

5. „История школы неоконфуцианских философов братьев Чэн“ 新校延平答問 (синкё чонпхён таммун), 2 тома, ксилограф 1554 г.

6. „Вновь вырезанная книга «Долга и Установлений» с рисунками и комментариями“ 新什儀禮圖解 (синкан ыйрэй тохэ), 16 томов, ксилограф. Имеет послесловие, датированное 1536 г., за подписью Хан Нэ Дон (漢內童), воспитателя наследного принца.

7. „Шу-цзин, книга исторических преданий“ 書傳 (сочжон), 10 томов, ксилограф 1880 г.

8. „Полное собрание сочинений неоконфуцианцев, братьев Чэн Као и Чэн И“ 二程全書 (ильчон чонсо), 14 томов, ксилограф 1606 г. Его содержание: комментарии канонических и классических книг; философия — метафизика и натур-философия; обзор конфуцианства и учений конфуцианских мудрецов, изложение истории и ересей и работы на другие темы.

9. „Изложение «Великого учения»“ 大學衍義 (тэхак хэныи), 12 томов из 43 книг. Корейское переиздание китайского издания 1527 г., набранное подвижным шрифтом.

10. Рукописный сборник XVIII в. по истории конфуцианства в Корее, состоящий из рукописей: 1) „Запись о расколе партии“ 分黨記; 2) „Истоки партийной полемики“ 黨論源流; 3) „История короля Тан Чжона“ 莊陵志; 4) „История года Муо 1496 г.“ 戊午史禍; 5) „Диалоги Хоан Гана“ 黃江帥弟問答; 6) „Беседа самого с собой У Ама 3-го месяца 11 дня года кихэ“ (1659 г.) 考廟己亥三月十一日尤菴獨對說話; 7) „Дневник в городе Чонып, июнь 1689 г.“ 廿邑日記. В рукописи сборника дается описание отдельных этапов политической борьбы конфуцианских партий за время со второй половины XV в. до конца XVIII в.

Многие конфуцианские доктрины изложены и в других собраниях сочинений корейских ученых в разделе „Литература“, например в указанном выше тридцатитомном собрании сочинений философа чжусианца XVI в. Ли Хоана, более известного как Ли Тхё Гё (李退溪). Как философ он имел многочисленную школу учеников и его называют корейским Чжу Си по тому влиянию, какое он оказывал на умы не только современников, но и отдаленных потомков.

ПРАВО

Чрезвычайно интересны памятники по истории права и правовым нормам феодальной Кореи. Среди них можно назвать:

1. „Великое уложение законов“ 大典通編 (тэчжон тхон пхён). Свод основных законов Кореи, в пяти томах, 1785 г. Составитель его Ким Чжи Ин (金致仁) в основу этого свода положил собрание основных законов XV в. 經國大典 и новое издание основных законов 1744 г., дополнив его всеми законами и указами, вышедшими после 1744 г. В собрании хранится ксилограф 1848 г.

2. „Великое уложение“ 大典會通 (тэчжон хётхон). Свод основных законов Кореи, содержащий все законы и указы за 500 лет правления династии Ли. В основу свода положен предыдущий свод законов XVIII в., к которому добавлены законы и указы за 90 лет, прошедших со времени издания его. Составил этот свод по королевскому повелению ученый Чо Ду Сун (趙斗淳). Свод состоит из 5 томов.

3. „Справочник по уголовным делам для судей“ 欽欽新書 (хымхым синсо), рукопись, список с издания 1822 г.,

состоит из 30 книг. Составитель его Чон Як Ен (丁若鏞) был председателем Тайного совета, впоследствии приговорен к смертной казни как христианин. Работа интересна классификацией преступлений и принципами этой классификации.

Изложению примеров, извлеченных из корейских архивов, посвящено 15 книг из тридцати; в последних трех книгах справочника составитель излагает свои собственные взгляды на преступления и наказания.

4. „Исправленный и дополненный справочник по судебно-медицинской экспертизе“ 增修無寃錄諺解 (чынсю муюннок онхэ). Составитель его ученый Се Ю Рим (徐有隣) перевел в 1790 г. китайский справочник, написанный при династии Юань в начале XIV в., на корейский язык и дополнил его согласно требованиям времени. Подлинник был напечатан в 1792 г. подвижным шрифтом. В фонде хранится ксилографическое переиздание в двух томах из трех книг.

5. „Правила о вспомоществовании“ 字恤典則 (чахюль чончхык). Во время правления короля Чон Чжо в конце XVIII в. в стране было много голодающих, просивших милостыню, и беспризорных детей, вследствие чего и были изданы указанные правила, которыми определялись наказания за нищенство и устанавливались строгие правила, в каких случаях люди имели „право“ просить милостыню. Текст правил написан по-китайски с переводом на корейский язык, на онмуне. Ксилограф 1783 г.

ЛИТЕРАТУРА СПРАВОЧНОГО ХАРАКТЕРА

К этого рода литературе относятся прежде всего энциклопедии, из которых особо важное место занимают:

I. „Корейская энциклопедия“ 東國文獻備考 (тонгук мунхон биго).

В корейском фонде имеется каллиграфически выполненная рукопись этой энциклопедии в 45 томах, состоящих из 91 книги. Рукопись эта является списком с издания, напечатанного подвижным металлическим шрифтом, датируемого 1770 г. (рис. 2). Это печатное издание состоит из 40 томов в 100 книгах и охватывает 13 разделов, как указывает французский кореевед М. Куран в „Корейской библиографии“ (1894 г.) в описании его под № 2112, в т. II, стр. 441—443. М. Куран перечисляет следующие разделы:

1. Астрономия, книги 1—5.
2. География, книги 6—22.

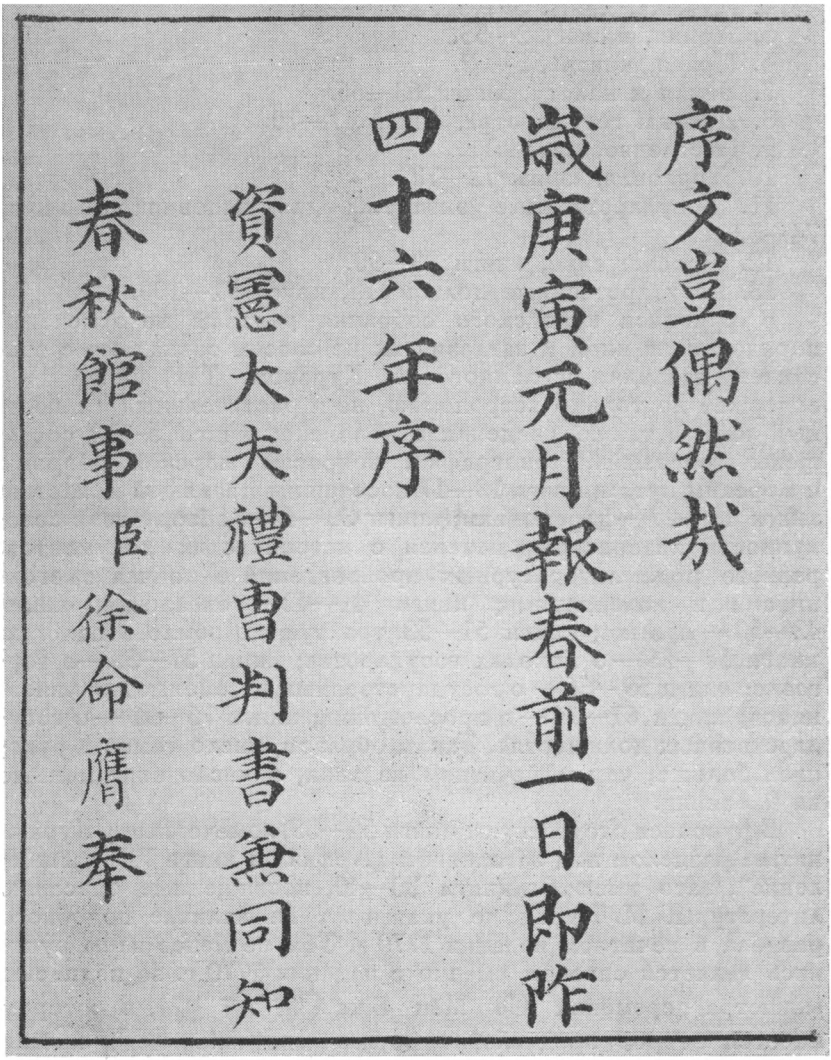


Рис. 2. Колофон корейской рукописи, списка с энциклопедии Мунхон биго, изд. 1770 г.

3. Церемонии, книги 23—38.
4. Музыка, книги 39—51.
5. Армия, книги 52—55.
6. Право, книги 56—62.
7. Земля и налоги, книги 63—66.
8. Доходы государства, книги 67—70.
9. Население, книга 71.
10. Торговля, книги 72—73.
11. Государственные экзамены для чиновников, книги 74—82.
12. Просвещение, книги 83—90.
13. Государственные должности, книги 91—100.

В рукописи корейского собрания разделы не отмечены, порядок книг иной и заглавия их не совсем совпадают с описанием издания, сделанного М. Кураном. Так, книги 1—4 содержат не только астрономию, но и растительный и животный мир, а также сведения о человеке; книги 5—12 посвящены географии, топографии, вопросам морской обороны и морским путям; книги 13—17 посвящены правящей династии; книги 18—29 — церемониям; книги 30—40 — обзору всей совокупности литературы, начиная с исторических документов, разного рода литературных произведений и кончая ежегодниками и календарями; книги 41—42 — генеалогии, книги 43—50 — музыке; книги 51—53 трактуют о земле и налогах; книги 54—56 — о доходах государства; книги 57—58 — о торговле; книги 59—66 — о государственных экзаменах для чиновников; книги 67—74 — о просвещении; книги 75—91 — о государственных должностях. Таким образом, число томов в рукописи больше, чем в печатном издании, а число книг меньше на 9 единиц.

В рукописи отсутствуют книги 52—55, помеченные у Курана пятым разделом под заголовком „Армия“ и книга 71 — „Население“, зато имеются книги 30—40, посвященные описанию литературы. М. Куран не указывает на наличие подобного раздела в печатном издании 1770 г. Тем не менее наша рукопись является списком именно с издания 1770 г. за подписью министра церемоний Се Мён Ына (徐命膺), в котором имеется второе предисловие короля, составленное в начале лета того же года (庚寅立夏前一日又序), т. е. 1-й день лета 1770 г., за подписью того же Се Мён Ына.

Кроме того, в отдельных частях рукописи этой энциклопедии встречаются также вводные статьи, составленные королем в 1770 г. и переписанные Се Хо Сю (徐浩修) и отметка

о том, что предисловие к „Церемониям“ переписано Ким Чжон Сю (金鍾秀), на это же ссылается М. Куран в своем описании печатного издания 1770 г. Не располагая экземпляром издания 1770 года, мы не имели возможности сличить с ним текст имеющейся рукописи и установить точно, какие именно изменения внесены в ее текст.

Как уже отмечалось, в рукописи отсутствует раздел „Население“; зато в дополнение к рукописи в собрании имеется том 29 подлинного издания 1770 г. (содержащий книги 69, 70, 71), в который входят два раздела: „Доходы государства“ и „Население“. Особенно интересны сведения о росте населения по годам, приводимые в этом томе энциклопедии, начиная с 1395 по 1753 г., когда в Корее насчитывалось 7 298 732 жителя.

II. „Сокровищница восточной медицины“ 東醫寶鑑 (тонъи богам). Медицинская энциклопедия, состоящая из 25 книг, ксилограф 1613 г. Энциклопедию эту начали составлять в 1596 г. Над ней работала специальная комиссия лекарей под руководством лекаря Хе Чжуна (許浚). Она закончена только в 1611 г. Это была первая корейская медицинская энциклопедия в полном смысле этого слова, охватывающая многие отрасли медицины: внутренним болезням посвящено 4 книги; хирургическим — 4, разным болезням (повальные болезни, женские, детские и другие болезни) — 11 книг; фармакологии — 3; акупунктуре — 1 книга. В энциклопедии имеется диагностика болезней, дается рецептура лекарств для каждой болезни с детальной дозировкой и описанием способа употребления. Корпус энциклопедии составлен чрезвычайно систематично.

Предисловие к энциклопедии датируется 1613 г. и подписано двумя начальниками лекарского приказа: Ли Хый Хен (李希憲) и Юн Чжи Ми (尹知微). В нем сообщается о смерти Хе Чжуна в 1610 г. и о повелении короля лекарскому приказу обеспечить выпуск издания. Полное оглавление энциклопедии помещено в двух книгах. Энциклопедия была первоклассной для своего времени и поэтому переиздавалась в Китае. В фонде имеется и китайское переиздание ее в 11 книгах, каждое из которых разделяется на две части. Ксилограф конца XVII или начала XVIII в.

III. „Введение в медицину“ 醫學入門 (ыхак иммун), в 19 томах. Корейское издание 1818 г. Китайское издание этого справочника датируется 1575 г. Завезен он был в Корею

японцами во время вторжения Хидэёси в конце XVI в. В конце 19 тома справочника имеется надпись крупными иероглифами: „Просмотрено лекарским советом королевских лекарей и напечатано с изменениями в 1818 г.“.

Справочник интересен своими сведениями по китайской фармакопее.

IV. Корейское переиздание китайской административной энциклопедии 經濟類編 (кёнчже рюпэён) 1604 г., в 50 томах из 100 книг, с изложением содержания в предметном порядке. Вследствие вассальных отношений с Китаем, феодальная Корея, подражавшая во всем Китаю, заимствовала от него многие административно-правовые институты, поэтому корейскому королевскому правительству и многочисленным чиновникам необходимы были соответствующие справочные издания. Такие издания предпринимались по тому времени в широких масштабах. Так было выполнено переиздание знаменитой китайской энциклопедии XIV в. китайского ученого Ма Дуань Линя, состоящее из 348 книг, набранное подвижным шрифтом. Это редчайшее корейское переиздание имеется в нашем фонде. Оно свидетельствует о развитии книгопечатания в Корее в этот период.

V. „Правила экзаменов на чин гражданских и военных чиновников“ 兩銓便攷 (янчжон бёнго), в 2 томах, королевское издание 1865 г., содержащие много самых разнообразных сведений по феодальной иерархии, описание военно-бюрократического устава, сведения о военном искусстве и о корейской армии, о системе государственного управления и т. д.

Вообще справочная литература старой феодальной Кореи может быть полезной для кореееведов во всех отраслях научного кореееведения, потому что она сообщает самые разносторонние сведения о Корее: исторические и этнографические, описывает нравы, обычаи, быт, литературу и искусство, военную защиту страны, административное устройство и уголовные законы, дает сведения о мерах, весах и т. д. Отличительной чертой корейских энциклопедий является то, что все материалы во всех частях их расположены в строгом хронологическом порядке.

В собрании представлены также и другие материалы. Имеются копии писем корейского короля императору Цзя Цину. Среди них письмо от 22 ноября 1813 г. с сообщением о прибытии к берегам Кореи парусного судна с шестью иностранцами, — копии докладов королю, представлявшиеся мини-

страми и другими высшими чиновниками 答刂子謄錄 (чапча чхомнок).

Разнообразное и ценное собрание письменных корейских памятников Института востоковедения Академии Наук СССР в настоящее время приобретает особенно большое значение. Неисчислимо велики потери, понесенные корейским народом в отношении культурно-исторических ценностей и памятников литературы, уничтоженных и разграбленных американскими захватчиками. Полностью разграблены или уничтожены ценнейшие экспонаты, хранившиеся в Национальном музее, в музее Чангевон и музее Сеульского университета, а также знаменитые классические картины, хранившиеся в картинной галлерее сожженного американцами дворца Доксу. Полностью разграблена или сожжена ценнейшая историческая литература, хранившаяся в Государственной библиотеке, библиотеке Сеульского университета, где находилась знаменитая летопись XIV—XIX вв. „Летопись правления династии Ли", 李朝實錄 (личо силлок), состоящая из 4000 книг. Похищены в монастыре Хэинса деревянные печатные блоки периода Корё (X—XII вв.), свидетельствовавшие о высоком печатном искусстве Кореи того времени. Разграблена одна из четырех старинных библиотек в городе Чончжу, в провинции Северная Чолладо, где имелось много ценнейших памятников корейской литературы. Сожжены сотни тысяч томов книг Центральной Государственной библиотеки, библиотеки Университета имени Ким Ир Сена, библиотек различных учреждений, книжных магазинов и частных библиотек. Уничтожен Пхеньянский музей и многие исторические памятники в окрестностях Пхеньяна. А сколько погибло исторических памятников архитектуры, скульптуры и письменности от бомбежек и во время военных действий!

К счастью, в собраниях СССР сохранены многие выдающиеся памятники корейской литературы. Они бережно хранятся в одном из величайших хранилищ литературных памятников народов Востока — хранилище восточных рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР. Ученые народно-демократической Кореи будут работать вместе с советскими кореeведами над сохраненными для науки письменными памятниками культуры Кореи.

Р. Р. ОРБЕЛИ

СОБРАНИЕ ГРУЗИНСКИХ РУКОПИСЕЙ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОБЩИЙ ОБЗОР

Собрание грузинских рукописей Института востоковедения привлекает к себе неизменный интерес со стороны специалистов-грузиноведов, изучающих историю культуры грузинского народа.

За весь длительный период своего существования, с конца 30-х годов XIX в. и до настоящего времени, это собрание никогда не оставалось вне поля зрения исследователей. Несколько поколений ученых, не только грузиноведов, но и византинистов, арменистов, иранистов, индологов, специалистов в различных областях гуманитарных наук, работало и работает над исследованием и описанием его отдельных списков и коллекций.

Научная литература, связанная с собранием, обширна. Многочисленные статьи, капитальные исследования, публикации текстов, в которых использованы грузинские рукописи Азиатского музея — Института востоковедения, занимают значительное место в фонде кавказоведной литературы.

Что касается каталогов, то первый был составлен в 1844 г. грузиноведом Д. И. Чубинашвили (1814—1891), под руководством академика М. И. Броссе (1802—1880), и опубликован на французском языке, без грузинского текста, в издании академика Б. А. Дорна (1805—1861).[1] Чрезвычайная краткость

---

[1] Catalogue des manuscrits géorgiens, conservés dans le Musée Asiatique de l'Académie des Sciences (составитель каталога не назван): B. Dorn. Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. St.-Petersburg, 1846, стр. 736.

и неполнота сведений обесценивают этот простой перечень девяноста двух названий, приведенных к тому же в переводе, но исторический интерес он безусловно сохраняет. Рукопись каталога в виде большой переплетенной тетради хранится как архивный документ при собрании. Она написана, впрочем, рукою не только Д. И. Чубинашвили, но и академика Х. Д. Френа (1782—1851), с примечаниями М. И. Броссе на полях.

Второй каталог, составитель которого не известен, относится, по всем данным, к 1879 г. Это перечень на русском языке грузинских рукописей и печатных книг, вписанный в большую переплетенную тетрадь. Этот каталог не был издан и хранится как архивный документ.

Третий, очень краткий, каталог, на карточках, был составлен в 1938 г. двумя грузиноведами, научными сотрудниками Института востоковедения А. Г. Кобахидзе и, ныне покойным, Б. Т. Руденко.

История собрания отражена в двух сборниках, изданных в 1846 и 1920 гг. Оба они служат очень полезными источниками для истории всех коллекций Азиатского музея, в том числе и грузинских рукописей. Так, уже упоминавшийся сборник Б. А. Дорна, помимо каталога, содержит ряд статей М. И. Броссе и других авторов, а также отдельные сведения о поступлениях грузинских рукописей за первые семь лет существования коллекции. Статья Н. Я. Марра „Кавказ“,[1] единственный очерк истории собрания, отмечает несколько этапов этой истории, содержит характеристики отдельных списков и критику описаний и каталога. Этим и ограничивается литература, в которой можно найти обобщенные сведения о собрании в целом. Цель данного обзора состоит в том, чтобы раскрыть содержание коллекции грузинских рукописей Института востоковедения на фоне основных вех истории ее сложения.

Первая грузинская рукопись стала собственностью б. Азиатского музея, вероятно, в год его основания (1818), куда была передана из Библиотеки Академии Наук. Следующее поступление состоялось в 1829 г., но специальное собирание грузинских рукописей для Азиатского музея началось с конца 30-х годов XIX столетия. С этого времени одно приобретение за другим обогащало первоклассную коллекцию. С 80-х годов комплектование собрания грузинских рукописей проходило

[1] Азиатский музей Российской Академии наук. 1818—1918. Краткая памятка, Пб., 1920, стр. 91—99.

менее интенсивно, пополнение его шло главным образом за счет отдельных поступлений. Внимание было переключено на исследование наличных материалов, что нашло отражение в изданных и неизданных работах ряда исследователей. Последнее поступление грузинской рукописи состоялось в 1949 г.

В настоящее время собрание насчитывает 337 рукописей (томов и отдельных листков) и 706 документов (из них 65 оригиналов и 641 копия. В число документов входят и письма, 62 оригинала и 29 копий).[1]

Собрание связано с именами целого ряда видных собирателей и знатоков рукописей. В состав его входят коллекции, части коллекций и отдельные экземпляры, принадлежавшие грузинским и русским ученым и библиофилам.

Поступления коллекций происходили в следующие годы: Петрэ Кебадзе — 1837—1839, 1851—1852, 1884 гг. (три рукописи, принадлежавшие Кебадзе, входят в коллекцию М. И. Броссе); Платона Иоселиани — 1838—1890 гг., (две рукописи, принадлежавшие Иоселиани, входят в коллекцию А. М. Шёгрена); Николая Палавандишвили — 1838 и 1884 гг. (одна рукопись, принадлежавшая Палавандишвили, входит в коллекцию М. И. Броссе); Георгия Авалишвили — 1841 г.; Теймураза Багратиони (в нее входят несколько рукописей Давида Багратиони) — 1847 г.; М. И. Броссе — 1884 г. (включает два экземпляра и ряд копий с рукописей Баграта Багратиони); А. М. Шёгрена — 1890 г. (в 1890 г. была разобрана и включена в собрание); Н. Н. Муравьева-Карсского — в период с 1905 по 1917 г.

Все приобретения грузинских рукописей для Азиатского музея — Института востоковедения происходили или за счет покупок, или за счет дарения прежними владельцами, или путем специальных заказов копий с оригиналов и интересных списков.

В 1923 г. 88 рукописей, в большинстве первостепенного научного значения (среди них ряд очень ценных автографов), в связи с постановлением Президиума ВЦИК,[2] были переданы Азиатским музеем Грузии. Это было актом помощи братской республике в деле пополнения ее научной базы древними памятниками истории ее культуры.

После передачи Грузии чрезвычайно ценной части рукописей, собрание, однако, в значительной мере сохранило свое

[1] Часть копий переплетена в тома, но в данном случае учитывается не количество томов, а количество текстов.

[2] От 29 августа 1922 г.

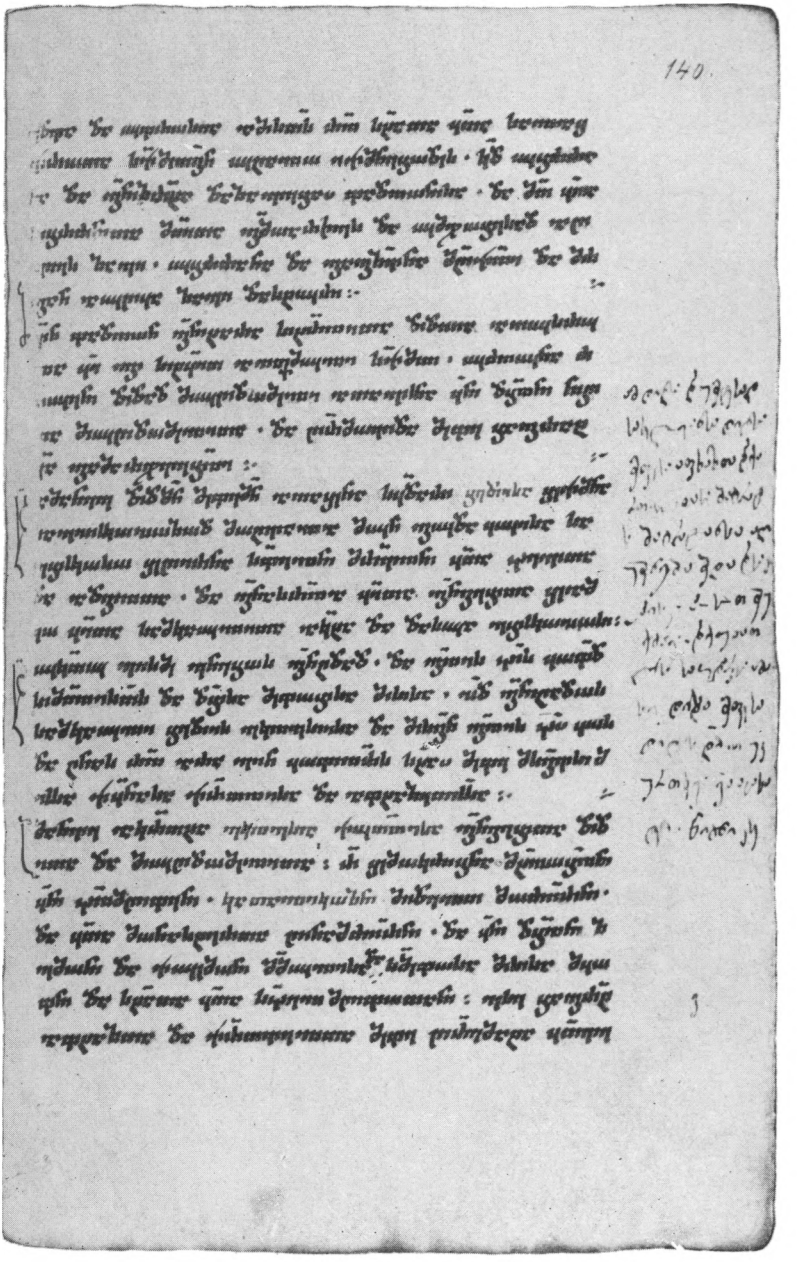


Рис. 1. „Жизнь Грузии“ (М 24), стр. 140.

общее содержание. Это произошло вследствие того, что многие сочинения в свое время были представлены несколькими списками, кроме того, в собрании остались некоторые автографы и древние рукописи, ценные как в хронологическом, так и в историко-филологическом отношении. Совершенно особый историко-филологический интерес вызывают многие рукописи коллекции Теймураза Багратиони (1782—1846) и среди них поэтические сборники первой трети XIX столетия. Исторические и филологические труды Теймураза, ученого и поэта, его трактаты 30-х и 40-х годов оказываются как бы связующим звеном между грузинской наукой того времени и русским кавказоведением.

Рукописи собрания, начиная с датированной 1038 годом и вплоть до середины XIX столетия, охватывают различные отрасли знания в сочинениях и большой хронологический период переписки памятников, характеризуя культуру грузинского народа со многих сторон.

Кроме того, в Институте востоковедения хранится научный архив академика М. И. Броссе, первого и многолетнего собирателя грузинских и армянских рукописей для Азиатского музея. Архив М. И. Броссе, помимо рукописей его трудов, научной переписки и других материалов, содержит переводы и исследования текстов и описания рукописей настоящего собрания.

Таким образом, собрание грузинских рукописей Института востоковедения оказывается органически связанным с литературным наследием крупного ученого-грузиноведа, одного из основоположников научного кавказоведения в России.

Эта особенность собрания в настоящее время представляет интерес не только по существу, так как во многом архивные материалы М. И. Броссе не потеряли значения и для современной науки, но и с точки зрения истории русского кавказоведения, первоначальных его путей и источников, и деятельности отдельных ученых, профессионалов и любителей, при участии трудолюбивых помощников. Сюда же неизбежно присоединяется и группа списков 30—40-х годов прошлого века, сделанных по заказу Броссе специально для Азиатского музея.

Как и все рукописные коллекции Института востоковедения, собрание грузинских рукописей отражает частицу истории самого Института, одного из старейших учреждений Академии Наук СССР. В стенах именно этого учреждения была заложена основа русского кавказоведения, создана его первая школа, с ним связана деятельность видных ученых-

кавказоведов, которыми много было сделано для сохранения памятников грузинской культуры.

В целом собрание грузинских рукописей и богатый архив М. И. Броссе отражают значительный этап в развитии научного изучения стран Закавказья, в первую очередь Грузии, период за несколько десятилетий прошлого столетия. Поэтому с полным правом можно сказать, что собрание грузинских рукописей Института востоковедения имеет самостоятельную ценность.

СОДЕРЖАНИЕ РУКОПИСЕЙ

Сочинения, входящие в состав собрания грузинских рукописей Института востоковедения, охватывают широкий круг отраслей знания. Среди них представлены: история, география, путешествия, археология, законодательство, философия, художественная литература (письменная и фольклор), литературоведение, языкознание (грамматики и словари), история христианства и христианской церкви, новый завет, богословие, агиография и церковные книги, математика, астрономия, артиллерия, военные уставы, химия, медицина, ветеринария, астрология.

История

Историография представлена рядом летописей, из которых, в первую очередь, следует назвать „Жизнь Грузии" („Картлис цховреба"). Составление этой летописи в свое время приписывалось ее первому редактору царю Вахтангу VI (1675—1737). Позднейшие исследования текста различных редакций и обнаруженные в отдельных рукописях хроники, которые, как было доказано, входят в состав „Картлис цховреба", опровергли это предположение и начало ее составления было отнесено к VII в. н. э. В собрании Института востоковедения имеется два полных списка летописи и два фрагмента вступительной части. Один из полных списков переписан в первой четверти XVIII в., содержание его охватывает период с древнейших времен до 1318 г. (М 24, колл. Теймураза) (рис. 1). Второй список — копия текстов четырех рукописей, заканчивается описанием событий начала XVII в. Время его переписки — 1839 г. (М 18).[1] Фрагмент грузинского

[1] Тексты обеих рукописей использованы в публикации Броссе: M. Brosset. Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX siécle. 1-re partie, Histoire ancienne, jusqu'en 1469 de J. C., 1-re livraison. St.-Pétersbourg, 1849, тт. I—II, текст и французский перевод. В дальнейшем цитируется: M. Brosset. Histoire de la Géorgie.

текста интересен приведенными в нем хронологическими данными.[1] Судя по всем палеографическим особенностям, он мог принадлежать рукописи М 24 (соответствующая часть текста в ней имеется в виде вставки) и, во всяком случае, он переписан тем же писцом и в то же время (Н 56, колл. Броссе). Второй фрагмент „Картлис цховреба" — русский перевод, сделан в 70-х годах XVIII в., в Петербурге. Рукопись XVIII в. (Н 1).[2]

Труд сына Вахтанга VI — Вахушти Багратиони ([1696]—1722) — „История и география Грузии" вошел в собрание грузинских рукописей с самого начала его образования. В настоящее время Институт располагает: тремя полными списками труда (М 10, Н 10 и М 14), одним списком извлечений из исторической части (Е 70, колл. Броссе) и одной рукописью — автографом Давида Чубинашвили, содержащей труд Вахушти в сокращенном виде (Е 60, колл. Броссе).

Все эти списки сделаны в первой трети XIX в. Из них наиболее ценна копия с автографа, снятая в 1826 г. каллиграфом Осэ Габашвили (М 10)[3] по заказу царицы Анны Матвеевны Имеретинской (ум. в 1836 г.). Эта копия замечательна не только своей внешней стороной, но и большой точностью передачи текста автографа, и может считаться достоверным его повторением.

История Грузии освещена в этом труде со времен древности до 1745 г. Первая часть заканчивается описанием события 1469 г. — разделения Грузии, а последующие излагают историю отдельных царств и княжеств, на которые Грузия распалась. Помимо истории, труд Вахушти содержит географическое описание (дополненное картами), а также сведения этнографические и археологические. Наука высоко оценила это сочинение, занявшее почетное место в историко-географической литературе, посвященной странам Закавказья.

Летописи Грузии авторов XVIII в. Сехниа Чхеидзе и Папуны Орбелиани представлены в собрании двумя списками грузинского текста и одним русским переводом. Труд Чхе-

---

[1] Использован в статье: M. Brosset. Sur une inscription géorgienne de l'église patriarcale de Mtzkhétha. Bull. de l'Académie, t. XXIII (1877), col. 510.

[2] Содержание фрагмента соответствует тексту в издании „Histoire de la Géorgie" т. I, тексты, стр. 15—33, т. II, переводы, стр. 15—45.

[3] M. Brosset. Monographie géorgienne de Moscou. (1. Monuments religieux. 2. Sepultures. 3. Archives. 4. Manuscrits). Bull. sc. de l'Académie Imp. des Sc. de SPb., t. IV (1838), col. 279—302, 328—336. Описание рукописи: M. Brosset. Histoire de la Géorgie, тт. I—II (публикация части текста).

идзе охватывает период с 1653 по 1673 г., Орбелиани — с 1737 по 1757 г. Уникальная рукопись XVIII в. (Н 1) содержит Летописи Чхеидзе и Орбелиани в переводе на русский язык. Перевод был сделан в 1777 г. по заказу академика И. Гюльденштедта (1745—1781), за счет Академии Наук, поручиком Варфоломеем Саварсамидзе и регистратором Петром Григорьевым и тогда же переписан.[1] Эта рукопись, так же как ее уникальный грузинский оригинал,[2] хранилась в Библиотеке Академии Наук и оттуда впоследствии перешла в Азиатский музей. Копии грузинского оригинала имеются в списках: 1843 г. — Симона Табидзе (Е 62, колл. Броссе)[3] и 1838 г. — Теймураза Багратиони (Е 30). Последний снабжен многочисленными примечаниями переписчика.

Рукопись-сборник Теймураза (Е 30) содержит также „Историю царя Ираклия II" Омана Херхеулидзе (XVIII в.) за годы с 1759 по 1795 с лакунами, полный текст сочинения (1722—1795 гг.) имеется в копии с экземпляра князя Ираклия Мухранского, снятой в 1838 г. Симоном Табидзе (Е 66, колл. Броссе).[4]

„Летопись Грузии" Фарсадана Горгиджанидзе (1626 г.— нач. XVIII в.), доведенная до 1703 г., представлена в собрании двумя списками, из которых один относится к 1841—1843 гг. (М 23, колл. Теймураза), а второй к 1843 г. — копии с экземпляра Платона Иоселиани, снятые С. Табидзе (Н 41, колл. Броссе).[5]

„Краткая «Жизнь Грузии»" католикоса Антония I (1720—1788 гг.) написана в 50-х годах XVIII в. Касаясь в начале вопроса о происхождении грузинского народа, основное внимание автор уделяет истории отдельных царствований Багратидов. Сочинение заканчивается описанием деятельности Вахтанга VI. В Институте востоковедения хранятся два списка сочинения, оба XIX в. Первый переписан Симоном Табидзе в 1835 г. (Е 22, колл. Теймураза), второй в 1838 г.

---

[1] Критику перевода см.: M. Brosset. Histoire de la Géorgie, т. VI, 1857, стр. 5—6.

[2] В настоящее время рукопись 2304 Гос. Музея Грузии им. С. А. Джанашиа.

[3] Тексты рукописи использованы в публикации Д. И. Чубинашвили: Histoire de la Géorgie, т. IV, Histoire moderne, depuis 1469, jusqu'en 1800 de J. C., St.-Pétersbourg, 1854. Перевод на французский язык Броссе: там же, т. VI, 1857.

[4] Там же, т. IV. Перевод на французский язык: там же, т. VI.

[5] Там же. Исследование текста, частичный перевод его на французский язык и история рукописи (оригинала) — там же, т. V, 1856, Addition VI, стр. 509—577.

частично переписан Броссе (Е 61, колл. Броссе). Оба снабжены примечаниями владельцев.

В собрании имеются три исторических сочинения Давида Багратиони. Из них наиболее раннее 90-х годов XVIII в. — краткая „История Ассирии, Персии, Греции, России, Рима и Грузии". Часть исторических очерков, объединенных автором в одном сборнике, основана главным образом на трудах Роллена и Кревнера, переведенных на русский язык В. К. Тредиаковским. Из трех списков Института востоковедения интересен экземпляр 1795 г., который дополнен рядом приписок автора, среди них записью о событиях 1796 г. в России и в Закавказье (С 11, колл. Теймураза). Два остальных списка относятся к 1798—1799 гг. (С 29, колл. Броссе) и к 40 гг. XIX в. (С 37, колл. Броссе). Второй труд — „Краткая история о Грузии со времен первого во оной населения", на русском языке, над которым Давид работал с 1801 по 1817 г., имеется в собрании в одном списке (М 25, колл. Теймураза). Рукопись Института востоковедения содержит третью, расширенную редакцию сочинения, написанную для А. П. Ермолова.[1] В тексте много собственноручных дополнений автора, в конце рукописи — краткие сведения о грузинских писателях и грузинском книгопечатании.[2] Бумага 1817 г. Третий труд Давида, осуществленный им совместно с его братом Багратом (1776—1842) — „Новая история Грузии" — охватывает период с 1744 по 1842 г. Первая часть, до 1819 г., написана Давидом.[3] Институту востоковедения принадлежат три списка сочинения, несколько различных по редакции в отношении полноты. Все три переписаны Иосифом Назаровым в 1841 и 1842 гг. (М 16, М 17, Е 67, колл. Броссе). Кроме того, из второй части, написанной Багратом, имеется фрагмент-автограф, недатированный, 1820—1821 года. Содержание его посвящено событиям 1820 г. (Н 52, колл. Броссе).

Новейшая история, современная Давиду и Баграту, изложена авторами не только как очевидцами, но и как участниками крупнейших политических событий конца XVIII—начала XIX в. в Грузии.

---

[1] Рукопись первой редакции 1801 г. — Архив Академии Наук СССР. Фонд П. Г. Буткова, № 99, опись 2, № 38. — Вторая редакция издана — СПб., 1805. Две первые редакции написаны для С. А. Тучкова.

[2] Цитируются в работе: А. А. Рогава. Народное просвещение в Картли-Кахети эпохи Ираклия II и Антоний I. Тбилиси, 1950 (на грузинском языке).

[3] См. публикацию Чубинашвили: Histoire de la Géorgie, т. IV.

В числе трудов Баграта Багратиони в Институте востоковедения хранится также рукопись-автограф 1828 и 1829 гг., которая содержит два сочинения: „Историю русско-персидской войны" 1826—1828 гг. и краткую „Историю русско-турецкой войны" 1828—1829 гг. К рукописи приложены печатные экземпляры документов на русском и грузинском языках (Н 37, колл. Броссе). Работа автора над текстом продолжалась вплоть до 1834 г., о чем говорят датированные дополнения. В указанных сочинениях Баграт Багратиони выступает главным образом как историк современных ему событий.

Исторические работы Теймураза Багратиони содержат преимущественно исследования по истории Грузии, над которыми Теймураз работал с 10-х годов XIX в. и до конца своей жизни.

В собрании Института востоковедения имеется десять автографов Теймураза, законченных трудов и фрагментов. Среди них „Краткая история Грузии" (Н 28, колл. Теймураза) 1815—1830 гг.; „Ответы гг. Сен-Мартену и Броссе по вопросам грамматики, истории и хронологии", 1832 г. (Е 52, колл. Броссе) и статьи о наименованиях Грузии, написанные за время с 1833 по 1838 г. (Е 82, Е 91 и Е 54, колл. Броссе).

Труды Платона Иоселиани историка, археолога, лингвиста, одного из первых грузиноведов, связавших свою деятельность с русской наукой, нашли отражение в ряде рукописей данного собрания. Исторические работы, обе на русском языке, основаны преимущественно на данных предшествующих историков — грузинских, армянских, персидских, арабских, греческих, римских, русских и западноевропейских нового времени, с привлечением и фольклорных материалов. Две рукописи, автографы 1838 г., содержат сочинения: „Звания достоинств грузинского царского и других владетельных домов" (Е 132 и Е 133, колл. Броссе) и „Историческое и географическое описание древней Грузии" (Н 17). „Историческое и географическое описание" написано специально для Академии наук. „Звания достоинств", кроме автографа, имеются и в недатированной копии, содержащей расширенную редакцию, но не имеющей конца.

Вопросам генеалогии посвящено три исторических труда. „Генеалогическая таблица грузинских царей", с краткой историей Грузии, составленная в 1824 г. Давидом Туманишвили, поступила в Азиатский музей в 1838 г. Эта рукопись заключала в себе много новых для того времени данных и дала возможность исследователям осветить ряд вопросов

совершенно по-новому (Р 9, колл. Палавандишвили). Второй труд, неизвестного автора, написанный, видимо, в 1803—1804 г., представляет перечень грузинских царей с указанием генеалогических связей (Е 78, колл. Броссе). „Известия о грузинских царевичах и царевнах", на русском языке, содержат генеалогические данные и интересные сведения о состоянии потомков Ираклия II на русской службе в первой половине XIX в. „Известия" написаны за время с 1839 по 1841 г., вероятно Теймуразом Багратиони (Н 32, колл. Теймураза).

Документальная часть исторического раздела в собрании, за исключением нескольких единиц, представлена в копиях. Подавляющее большинство копий снято специально для Азиатского музея, за время с 1838 по 1848 г., отдельные номера скопированы в 50-х годах прошлого века, а некоторые еще в XVIII столетии. Оригиналы хранились в Тбилисской синодальной конторе, в грузинских монастырях, в архивах Москвы и других хранилищах. Многие тексты имеют параллельный русский перевод.[1]

В целом документы, на грузинском, персидском, турецком, греческом и русском языках, охватывают период с XIV в. и до 30-х годов XIX в. Происхождение и содержание их связаны с внутренней жизнью Грузии, с ее взаимоотношениями с Византией, восточными соседями и Россией.

Вопросы земельной собственности и монастырского хозяйства и другие стороны внутренней жизни Грузии, ее отдельных царств и княжеств отражены в следующих документах: „Дарственная грамота царя Александра I Мцхетскому собору, от 1398 г., с французским переводом на полях (Р 7, колл. Броссе, дар П. Г. Буткова);[2] жалованные грамоты грузинских

[1] О документах данного собрания см. описания, исследования и упоминания в работах Броссе: Archéographie géorgienne. Bull. sc., t. IV (1838); Correspondance avec la Géorgie. Bull. sc., t. IV; Rapport sur différents documents géorgiens envoyés à l'Académie par M. G.R. Eugène, exarque de Géorgie. Bulletin hist.-phil. de l'Académie des Sc. de SPb., t. I (1844) (= B. Dorn. Das Asiatische Museum); Rapports sur un voyage archeologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847—1848. St.-Pétersbourg, 1849, 1850, 1851, 2-e rapport; Rapport à S. E. le Prince Vorontzof, sur les chartes géorgiennes. Bull. hist.-phil., t. V (1848); Rapport de M. Brosset sur les voyages exécutés... par M. Dimitri Meghwineth-Khoutsésof, Bull. hist.-phil., t. X (= Mélanges Asiatiques, t. II; на русском языке — „Кавказ", 1852, №№ 35—37); Notice sur un document géorgien du XVII s., Bull. hist.-phil., t. XIV (1856) (= Mélanges Asiatiques, t. III; на русском языке „Кавказ", 1856, №№ 98—99); Etudes sur les chartes: Histoire de la Géorgie, t. VI, Addition XVI, стр. 441—562 и другие работы.

[2] Об этом документе и его датировке см: M. Brosset. Histoire de la Géorgie, т. II, стр. 680, прим. 3. — Русский перевод текста по

царей и князей церквам, монастырям и частным лицам, с XIV по XVIII в. включительно, 44 грамоты с русскими переводами, часть в копиях Платона Иоселиани (Н 16 и Н 13) и многие другие документы (К 15, колл. Броссе; Р 10; Н 8, Н 3; Н 6).

Кроме того, имеется серия документов о сношениях Грузии с Россией на протяжении почти двух столетий: „История сношений Грузии с Россией с 1586 по 1740 г." (книга I — Н 2, книга II — Н 7); „Собрание документов по истории сношений Грузии с Россией с 1587 по 1674 г." (на русском языке — Н 4, на русском, грузинском, турецком и персидском языках — Н 5); трактат 1783 г., заключенный между Ираклием II и Екатериной II, и другие документы, касающиеся присоединения Грузии к России (Н 25, колл. Теймураза); письма князя Павла Потемкина Ираклию II,[1] монаха Евфимия грузинскому послу в России Гарсевану Чавчавадзе и другие, всего 29 писем (М 20).

В коллекции Броссе есть копии некоторых документов и среди них ранние: „Духовная мелетинского царя Арчила Вахтангеевича к государю Петру Великому" (Е 130), письмо царя Константина III королеве испанской Изабелле (Е 127), 1465 г. (Е 11),[2] гуджар Георгия VIII Мцхетскому собору 1448 г. (Е 95), а также два подлинных письма Ираклия II царевне Анне, от 1770 г. (Е 90).[3]

Сочинения по хронологии делятся на два вида памятников: хронологические указатели и исследования и описания грузинского (гражданского и церковного) летосчисления. В последних приводятся данные греческого, римского и других летосчислений, сведения из астрономии и астрологии и т. д.

Особый интерес представляет наиболее раннее из них — таблица, входящая в состав рукописи XIV—XV в. Помимо содержания, рукопись представляет интерес давностью со-

---

данному списку см.: Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею, т. I, Тифлис, 1866, стр. 1—3.

[1] Перевод на французский язык с комментариями, см.: M. Brosset. Lettres du comte Paul Potemkin au roi Eréclé II. Histoire de la Géorgie, т. VI, Addition XVII, стр. 563—576.

[2] История этого документа, перевод его на французский язык и комментарии см.: M. Brosset. Règne de Constantiné III. Histoire de la Géorgie, т. V, Addition I, стр. 407—411.

[3] Перевод на французский язык с комментариями, см.: M. Brosset. Lettres du roi Eréclé II. Histoire de la Géorgie, т. VI, Addition XII, стр. 354—379.

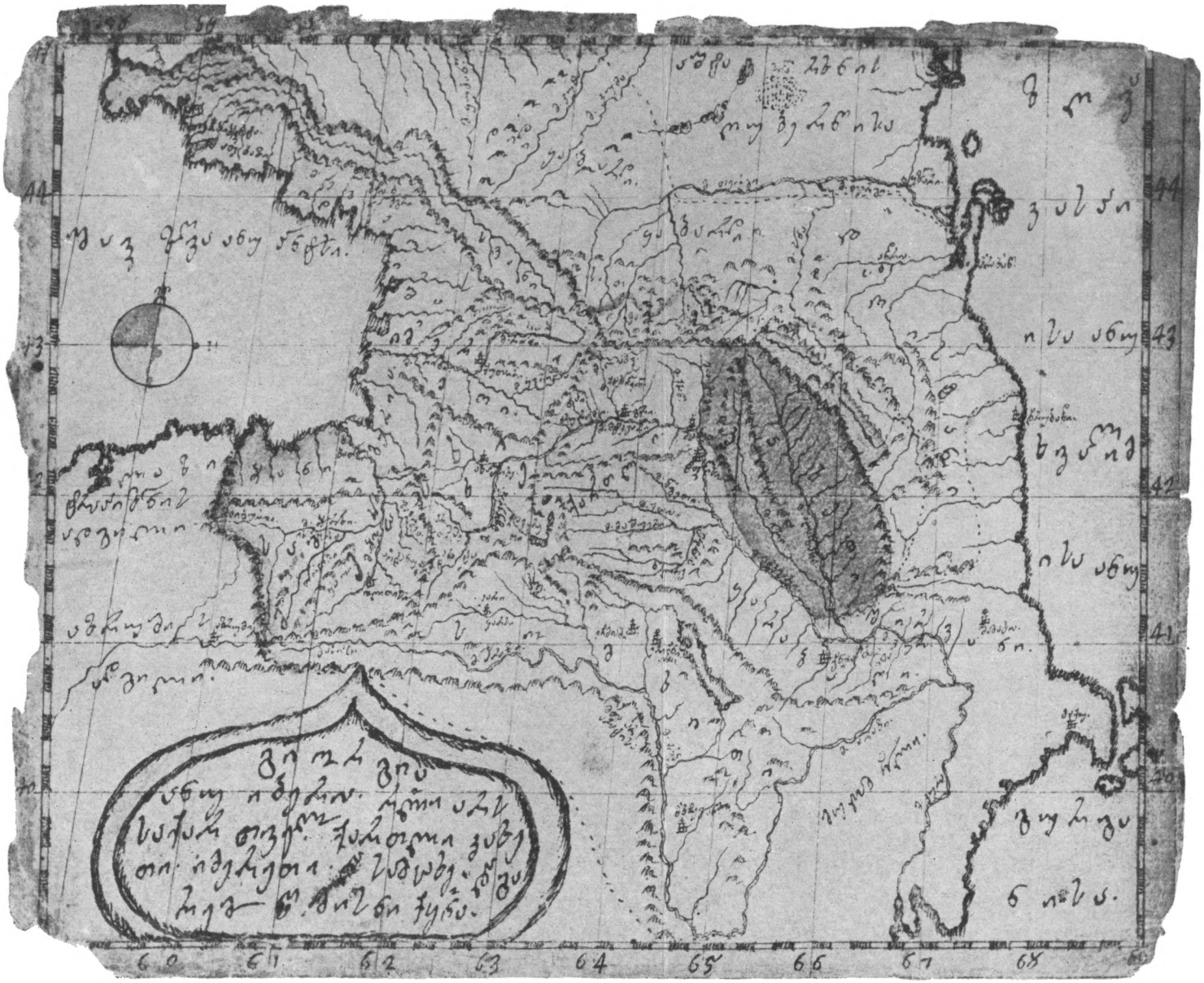


Рис. 2. Карта Грузии, составленная Вахушти Багратиони.

ставления и переписки таблицы[1] (С 24, принадлежала И. И. Срезневскому).

Два хронологических указателя завершают эту группу памятников. Составители их не известны. Первый составлен, видимо, в начале XVIII в. Он называет 48 событий, происшедших в Грузии (38 дат) за время с 1392 по 1703 г.[2] Текст его имеется в двух списках — 1838 г. (Е 30, колл. Теймураза) и 1843 г. (Е 62, колл. Броссе), а в уникальном сборнике XVIII в., содержащем грузинские исторические сочинения в переводах на русский язык, имеется перевод и этого указателя (Н 1). Второй указатель (1803—1804 г.) перечисляет 61 событие в Грузии и Иране (48 дат) за период с 1692 по 1801 г. (Е 78, колл. Броссе).

Всеобщая история представлена в собрании двумя сочинениями. Труд грузинского автора, Давида Багратиони, уже упоминался. „Хронограф", свод хроник византийских и новогреческих хронистов был переведен с греческого и русского языков на грузинский в конце XVII в. Багратом Сологашвили, царем Арчилом II (1647—1713) и группой их помощников. Рукопись Института востоковедения, переписанная Онисимом и Ефремом Гарсеванашвили, относится к началу XVIII в. (М 22, колл. Теймураза). Это первый чистовой экземпляр „Хронографа" на грузинском языке, послуживший оригиналом для всех остальных списков.

„История Александра Македонского" Квинта Курция переведена в XVIII в. Антонием I. Списки Института востоковедения представляют том второй перевода (книги VI—X), оба переписаны в конце XVIII в. (М 28, колл. Теймураза и М 50, колл. Броссе).

„История князей Орбелиан" представляет компиляцию шестьдесят пятой главы из труда „История области Сюник" армянского историка Степаноса Орбелян (XIII в.) и трудов других, главным образом армянских историков от V до XVIII в. Перевод на грузинский язык и компиляция были сделаны Асланом Атабековым. Рукопись данного собрания датирована 1826 г. (Р 1, колл. Кебадзе).

---

[1] Таблица исследована Броссе в работе: De la chronologie technique géorgienne, ecclésiastique et civile. Bull. de l'Académie, t. XXII (1875) = Mélanges Asiatiques, t. VIII). О рукописи см. стр. 63.

[2] Текст опубликован в 1949 г. по списку, ранее принадлежавшему Азиатскому музею: Описание грузинских рукописей Государственного Музея Грузии, т. IV, Тбилиси, 1949, № 2304 (на грузинском языке). Перевод на французский язык: см. M. Brosset. Histoire de la Géorgie, т. VI, стр. 3—5.

Истории Ирана посвящены два сочинения. Труд Мирзы Мехди Астерабади „История Надир шаха“ в 1802 г. был переведен с персидского на грузинский язык Давидом Багратиони. Экземпляр Института востоковедения переписан Иосифом Назаровым в 1841 г. (М 15). Это же сочинение „История о персидском шахе Надире“, в переводе с грузинского языка на русский, представлено списком, подготовленным для печати в 1816 г. Переводчик Автандил Туманишвили (М 40, колл. Теймураза). Второе сочинение, „Краткая история Персии“ кавалера Пиколи, написанное, видимо, в 1813 г., охватывает период с древнейших времен до 1733 г. С какого языка и кем сделан перевод — неизвестно. Переписчик Симон Табидзе время переписки не датировал, но по ряду данных это должен быть 1835—1836 г. (М 31, колл. Теймураза).

История России освещена в кратком очерке, входящем в состав „Всеобщей истории“ Давида Багратиони, которая уже упоминалась и в монографии „Поход Наполеона в Россию и его отступление“, которая переведена с русского языка в 1823—1824 гг. И. Базлидзе (список 1824 г. М. 6, колл. Кебадзе).

География и путешествия

Среди сочинений географического содержания первое место, по научному их значению, принадлежит трудам Вахушти Багратиони. Списки его „Истории и географии Грузии“ уже были названы ранее.

„Карты Грузии и сопредельных стран“, составленные Вахушти в 1745 г., без топографической съемки, но тем не менее точно, были неоднократно использованы позднейшими географами и картографами. Из числа тридцати одной карты Института востоковедения семь экземпляров начерчены Вахушти собственноручно, копии же сняты с автографов, и их безукоризненное выполнение заслуживает самой высокой оценки.

Все автографы не датированы. Один из них — карта Грузии, размером 16.5×21 см, тончайший чертеж с надписями на грузинском языке. М. И. Броссе получил его в дар от Г. А. Розенкампфа (Е 100, колл. Броссе) (рис. 2).

Рукописный атлас, содержащий 22 „Карты Грузии и сопредельных стран“, размером 45×35 см, представляет копию, сделанную по заказу Анны Имеретинской. Приписка копииста

недавно расшифрована[1] и установлено, что эта высоко научная работа выполнена Майей (Марией) Петровной Чиковани. Бумага атласа датируется 1823 г. В 1838 г. рукопись стала собственностью Азиатского музея (Р 4).[2]

Следующая группа карт Вахушти состоит из восьми единиц, представляющих авторские копии с оригиналов, заказанных замечательному грузинскому географу Россией для Военного штаба (Р 15).

Кроме трудов Вахушти, в составе данного собрания находятся „Историческое и географическое описание древней Грузии" Платона Иоселиани (Н 17) и несколько переводов с русского языка. Факт перевода этих сочинений на грузинский язык представляет интерес, быть может, более всего с точки зрения истории грузинского просвещения XVIII—начала XIX в. и связи его с литературой на русском языке. Все эти сочинения анонимны. Одно из них — „География, или краткое описание земного шара" в 1730 г. переведено Гавриилом Геловани с русского текста, который, в свою очередь, был переводом с латинского. Маленькая рукопись XVIII в., принадлежащая Институту востоковедения, содержит описание отдельных стран Европы, Азии, Африки и Америки (В 2, колл. Кебадзе).

К числу историко-географических сочинений принадлежат три описания путешествий, совершенных в XVIII в. Сулханом Саба Орбелиани, Тимотэ Габашвили и Ионой Гедеванишвили. Все три описания написаны самими путешественниками и входят в золотой фонд оригинальной грузинской литературы.

Сулхан Саба Орбелиани (1658—1725), ученый, писатель и переводчик, один из выдающихся деятелей грузинской культуры, в 1713—1716 гг., имея дипломатическое поручение к Людовику XIV, посетил Париж, Рим, Флоренцию, Сицилию и другие города Италии. В 1716 г., через Константинополь, он вернулся на родину. Встречи, впечатления, описания городов и природы нашли отражение на страницах его труда.

В Институте востоковедения имеется один список „Путешествия" С. Орбелиани, не датированный, но несомненно

---

[1] И. В. Матурели. Одна из копий картографических трудов Вахушти Багратиони. (К истории грузинской картографии). Труды Кутаисского Гос. педагогич. института, т. X, 1950—1951 (на русск. языке).

[2] M. Brosset. Registre des cartes géorgiennes manuscrits, acquisés par le Musée Asiatique. Bull. sc., t. III (1838) (= B. Dorn. Das Asiatische Museum).

относящийся к XVIII в. В конце текста помещены примитивные чертежи: сосуда для хранения зерна, прялки, жаровни и другие, с пояснениями автора (Е 69, колл. Броссе).

Митрополит Тимотэ Габашвили (ум. в 1764 г.), высокообразованный деятель грузинской церкви, посол царя Александра Имеретинского ко двору Анны Иоанновны (1738 г.), в 1755—1757 гг. совершил путешествие, описание которого вошло в литературу под заглавием „Путешествие по святым местам". Памятник отражает культурную деятельность и историю грузинских монастырей в Греции, Сирии и Иерусалиме, содержит многие сведения из истории грузинского народа, описания церковных и монастырских строений и географических пунктов.

„Путешествие" Габашвили представлено в собрании тремя списками, из которых два относятся к XVIII столетию, а один к XIX. Наиболее полный экземпляр переписан в 1787 г. Давидом Месхишвили, ректором Телавской семинарии. Рукопись украшена семью прекрасными миниатюрами в красках: изображениями Марии с младенцем и грузинских царей — Мириана (IV в.), Вахтанга I (нач. VI в.), Баграта Куропалата (кон. X в.) и Леона (XVI в.), восходящими к фрескам Иерусалимского собора. В совершенно другой манере, черными чернилами на синем фоне, изображены философы Платон и Аристотель (Е 13, колл. Палавандишвили).[1] В 1838 г. с текста этого списка Симоном Табидзе была снята копия (Е 68, колл. Броссе). Третий список, без начала и без описания путешествия Габашвили от Тбилиси до Батуми не имеет ни иллюстраций, ни украшений, переписан, вероятно, ранее 1787 г. (Е 31, колл. Теймураза).[2]

Иона Гедеванишвили (1737—1821), митрополит, в начале 80-х годов XVIII столетия побывал на Афоне, в Египте, на Синае, в Палестине, Греции, Австрии, Польше и Молдавии и, проехав через Киев, закончил путешествие в Москве. В 1805—1807 гг. он описал свое путешествие в сочинении „Путешествие по Востоку". Сочинение содержит сведения исторические и этнографические, описания городов, быта монастырей, в частности Киево-Печерской лавры, замечания по поводу

[1] По этому списку „Путешествие" издано Платоном Иоселиани (Тбилиси, 1851).

[2] Списки использованы Броссе для публикации фрагмента из „Путешествия", см.: M. Brosset. Histoire de la Géorgie. Additions et eclaircissements à l'Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'en 1469 de J. C. St.-Pétersbourg, 1851, Addition X. — Список Е 31 упоминается А. С. Хахановым в „Очерках по истории грузинской словесности" (вып. III, М., 1901).

социального неравенства в странах, которые посетил автор. В собрании Института востоковедения имеется два списка „Путешествия". Первый входит в состав сборной рукописи, принадлежавшей Теймуразу и переписанной им самим за время с 1819 по 1843 г., но текст „Путешествия" переписан неизвестным почерком (Е 23, колл. Теймураза). Второй список составляет отдельную рукопись, копию, снятую в 1841 г. Георгием Майсурадзе с экземпляра Баграта Багратиони (Е 56, колл. Броссе). Кроме того, эта рукопись содержит стихотворный маршрут, послание к католикосу Антонию II и некролог Ионы.

Все три „Путешествия", помимо своих литературных достоинств, представляют памятники, имеющие значение исторических источников.

Археология

К середине XIX в. собрание грузинских рукописей Азиатского музея было пополнено многочисленными памятниками исторического содержания. Историография, документы, материалы, собранные в результате археологических разысканий, вызывали особый интерес со стороны первых исследователей культуры грузинского народа, работавших в Петербургской Академии Наук.

Приобретение материалов археологического характера происходило через посредство местных грузинских деятелей — экзарха Евгения, Платона Иоселиани, Давида Дадиани и относится, главным образом, к 40-м годам XIX в. Таким образом, историографическая литература дополнялась документацией и данными эпиграфики, и в Академии Наук сосредоточивался материал, широко освещавший историю грузинского народа.

Надписи Кутаисского собора, Гелатского и Шемокмедского монастырей и многих других замечательных памятников архитектуры из различных областей Грузии представлены в сборных единицах: Н 12, от экзарха Евгения, и Н 29.

Но большую ценность для Азиатского музея имели также и образцы грузинской стенной живописи, скопированные и доставленные в Академию Наук в те же годы. К ним относятся фрески Иерусалимского и Мцхетского соборов и других грузинских архитектурных памятников.

Копии с изображений грузинских царей Мириана, Вахтанга I, Баграта Куропалата и Леона на стенах Иерусалим-

ского собора[1] входят в серию эпиграфических материалов (Н 12).[2]

Шестнадцать копий с изображений святых грузинской церкви и некоторых выдающихся исторических личностей были сняты в Имеретии (Е 12, колл. Иоселиани).

Копии фресок Мцхетского собора выполнены художником Росси, под руководством Иоселиани, и аннотированы последним на грузинском языке. Аннотации переведены на французский академиком Броссе. В числе изображений — портреты царей Вахтанга Горгасала (V в.), Александра I, восстановителя Мцхета (XV в.), Вахтанга VI (XVIII в.), две фигуры танцующих девушек и др. Все копии выполнены акварелью (Н 15, колл. Иоселиани).[3]

Философия

Философская литература представлена в собрании рядом памятников, преимущественно не оригинальных грузинских, а переведенных, комментированных и переработанных грузинскими учеными. Это сочинения философов античной древности и первых веков нашей эры, а также армянских и, наконец, западноевропейских XVII—XVIII вв. Данный подбор философских трудов характеризует направление грузинской литературы XVIII в. — ее новый подъем и просветительские задачи, т. к. большинство этих переводов и переработок сделано в XVIII в. Антонием I, Гайозом Нацвлишвили (1746—1819) и Давидом Багратиони.

Первый перевод „Элементов теологии“ Прокла Диадоха, сделанный грузинским философом Иоанном Петрици (XII в.), впоследствии был утрачен и восстановлен лишь в XVIII в. Иоанном Орбелиани и Филиппом Кайтмазишвили по армянскому переводу, который был сделан в XVII в. с грузинского текста Иоанна Петрици. Единственный список „Элементов“ в нашем собрании (С 4, колл. Иоселиани)[4] относится к середине XVIII в. и имеет обширный колофон.

---

[1] См. „Путешествие по святым местам“ Тимотэ Габашвили, рукопись Е 13.

[2] M. Brosset. Rapport sur différents documents géorgiens envoyés à l'Académie par M. G. R. Eugéne; он же. Rapports sur un voyage. 6-e rapport.

[3] Упоминаются Броссе в Rapports sur un voyage... 1-r rapport.

[4] A. Sjoegren. Manuscrit géorgien offert en don au Musée Asiatique. Bull. sc., t. III (1838) (=B. Dorn. Das Asiatische Museum).

Две рукописи философского содержания, принадлежавшие Давиду Багратиони, хранят на себе следы занятий их владельца: на полях, в тексте и на отдельных присоединенных листах сделаны приписки и дополнения, в одном случае составлен маленький словарик философских терминов.

Одна из них (С 15) содержит два сочинения и представляет, в сущности, две рукописи, переписанные во второй половине XVIII в. и переплетенные в один том. Первое сочинение — Порфирий „Введение к «Категориям Аристотеля»", второе — Аристотель „Категории" (эта часть датирована в колофоне 1760 г.). Переводчик Антоний I.

Вторая философская рукопись имеет заглавие „Книга диалектики". Список представляет полный перевод философского сборника, изданного в 1728 г. в Константинополе на армянском языке. Сборник содержит „Логику" армянского философа Симеона Джугаеци (XVII в.), „Книгу существа" Давида Непобедимого (VI в.), компиляцию положений этого автора, изложенных им в двух трудах — „Определение философии" и „Анализ «Введения Порфирия»", и „Философские вопросы греческого философа Мелитоса и ответы Мосеса Афинского, армянина". Рукопись не датирована, но, по всем данным, переписана в конце XVIII в. Переводчик не известен (С 7). „Категории" Аристотеля имеются также в списке 1767 г. (С 19) с дополнениями переводчика в отдельном томике первой четверти XIX в. (С 21), обе рукописи из коллекции Теймураза.

„Риторика" Мхитара Себастаци, выдающегося деятеля армянской культуры XVIII в., переведенная и переработанная Антонием I, находится в одном экземпляре второй половины XVIII в. (С 31, колл. Броссе). Этот труд, стоящий собственно на грани философии, грамматики и литературоведения, связан с ораторской деятельностью Антония I и с его интересами в области обогащения и усовершенствования грузинской литературной речи.

Философские сочинения Марка Аврелия и „Велизарий" Мармонтеля, в переводе Гайоза Нацвлишвили входят в состав одной рукописи и в других списках собрания не повторяются. Рукопись не датирована, но переписана, видимо, в конце XVIII в. (М 14). Тем же Гайозом переведено с русского сочинение под заглавием „Китайская мудрость". Перевод издан в Москве в 1784 г. Печатный экземпляр Института востоковедения имеет ряд приписок (С 10, колл. Теймураза).

Несколько сочинений философского содержания связано с именем Давида Багратиони. Переработка „Категорий" армян-

ского автора XVII в. Симеона Джугаеци, сделанная в форме вопросов и ответов, составляет отдельный томик 1791 г. и принадлежала самому Давиду (С 17, колл. Теймураза). В двух рукописях отражена работа Давида над сочинениями Ансильона. Одна из них, принадлежавшая самому Давиду, содержит „Эстетические рассуждения" Ансильона (М 35, колл. Теймураза), другая — „Опровержение примечаний на книгу г-на Ансильона под заглавием «Естетические рассуждения»" Феофилакта, на русском языке (М 26, колл. Теймураза). Перевод „Рассуждений", как и многие другие переводы, был сделан Давидом с русского языка. „Грамматика грузинского языка" Давида Багратиони представляет не только лингвистический, но и философский труд, так как дополнена целым рядом философских рассуждений на тему о языке Е 26, колл. Теймураза).

Рукопись, датированная 1844 г., содержит „Диспут Кларка с Лейбницем", переписку двух философов в переводе с французского языка Ильи Багратиони (1790—1854), сделанном по просьбе его брата Теймураза. Тексты оригинала и перевода изложены параллельно (К 7, колл. Теймураза).

В этом же разделе следует упомянуть подлинные письма грузинских литературных деятелей — Захарии и Осэ Габашвили, Гайоза, Петрэ Ларадзе и других — царице Анне Матвеевне Имеретинской. Переписка относится к периоду 1799—1829 гг. и, наряду с вопросами литературы, просвещения и другими, затрагивает ряд философских тем (К 16, колл. Броссе).

Законодательство

Среди памятников юридической литературы в собрании имеются рукописи, отражающие грузинское и русское законодательство и одна рукопись, содержащая труд французского автора.

„Свод законов" Вахтанга VI, прозванного Законодателем, сыграл в жизни грузин исключительно важную роль. Огромное значение этого свода заключалось в систематизации и введении единых законов на всей территории Грузии.

Полный кодекс Вахтанга VI, состоящий из семи частей, имеется в двух списках первой четверти XIX в. Первый переписан Тарасием и Иваном Хмаладзе и датирован 1819 г. (М 23, колл. Теймураза, ранее Давида), второй Николаем Багиновым, на бумаге с филигранями 1824 г. (Н 36, пост. в 1928 г.). Обе

рукописи переписаны каллиграфически и красиво переплетены. Седьмая часть кодекса, содержащая Уложение самого Вахтанга, представлена недатированной рукописью XVIII в. (Е 42).

Рукопись, озаглавленная „Свод грузинских законов, относящихся до гражданского уложения, составленный по плану проэкта гражданского уложения, изданного Комиссией составления законов в 1825-м году" (на русском языке), содержит извлечения из всех семи частей Свода Вахтанга и отражает следующий после Вахтанга этап в истории грузинского законодательства (Н 44, колл. Броссе).

К этому основному памятнику грузинской юридической литературы присоединяются: „Дастурламаль" Вахтанга VI (в русском переводе „Придворный економ"), роспись царских доходов и расходов, и памятник более ранний, того же содержания, относящийся к царице и восходящий к имени царя Георгия V (1318—1346). Оба памятника соединены в одной рукописи 1841 г. (Е 64, колл. Броссе).

Сочинение Давида Багратиони „Обозрение Грузии по части прав и законоведения", на русском языке, представляет описание государственного устройства Грузии за время с 1783 по 1801 г. Кроме того, эта рукопись, датированная 1813 г. (Н 19, колл. Теймураза),[1] содержит „Законы" Давида, написанные с целью изменить грузинское законодательство в связи с присоединением Грузии к России. „Законы" представляют критическую переработку кодекса Вахтанга.

Здесь же уместно отметить перевод Давида, сделанный им с русского языка, „О духе законов" Монтескье. Автограф переводчика 1813—1815 гг. (Н 26, колл. Теймураза).

Законодательство Российского государства в грузинских рукописях данного собрания связано с именами царя Алексея Михайловича, Петра I и Екатерины II.

„Уложение" Алексея Михайловича, переведенное на грузинский язык сыном Вахтанга VI царевичем Бакаром (1700—1750 гг.) и внуком Вахтанга Леваном, входит в собрание в одном списке 1762 г. (М 39, колл. Теймураза). Перевод русского уложения на грузинский язык был сделан по приказанию Вахтанга VI и имеет прямую связь с его деятельностью в области законодательства.

„Регламент" Петра I переведен на грузинский Василием Чиладзе. В собрании имеется один список 1803 г., переписанный переводчиком (Н 14, колл. Теймураза).

---

[1] Цитируется в работе: А. А. Рогава. Народное просвещение в Картли-Кахети эпохи Ираклия II и Антония I.

„Наказ Екатерины II Комиссии о сочинении проекта нового уложения", изданный в 1770 г., составляет содержание рукописи 1838 г. Русский текст сопровожден параллельным грузинским переводом Георгия Чугунова или Георгия Авалишвили, точно переводчик не установлен (М 51, колл. Броссе).

Большой интерес представляет рукопись, содержащая труд по мусульманскому праву („Джāми' ʿаббāсӣ") персидского автора Бехā ад-дин Мухаммеда ʿАмили (1546—1621). Перевод на грузинский язык был сделан историком Фарсаданом Горгиджанидзе по приказу Шах-Аббаса II. Рукопись-автограф, датированная 1691 г., содержит интересные записи переводчика, как автобиографического характера, так и касающиеся истории перевода (М 27, колл. Теймураза, ранее Давида).[1]

Рукопись, содержащая „Номоканон" Иоанна Постника и „Законы VI Вселенского собора" (С 1), как связанная с историей церкви, упоминается в соответствующем разделе данной статьи. К ней имеется дополнение, рукопись 1829—1830 г.: „Перевод оглавления с сокращенного греческого Номоканона, переложенного на грузинский язык". Извлечение из труда Г. А. Розенкампфа; на русском языке (Е 1).

Художественная литература

Грузинская художественная литература широко отражена в собрании Института востоковедения, начиная от произведений авторов средневековья и кончая поэзией зарождающейся школы грузинского романтизма XIX в. Конечно, списки данного собрания далеко не исчерпывают всего богатства грузинской прозы и поэзии, но все же дают некоторое представление о характере творчества отдельных авторов. Помимо оригинальных, самобытных произведений, здесь встречаются и переводы сочинений восточных, русских и западноевропейских авторов.

Лирика представлена преимущественно оригинальными произведениями грузинских поэтов XVII—XVIII вв. и первой трети XIX в., но есть и переводы: с греческого языка ямбов Григория Назианзина (С 19, колл. Теймураза), с русского — стихотворений М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, а также сочинений Ф. М. А. Вольтера.

Множество лирических стихотворений сгруппировано в поэтических сборниках, помещено в рукописях смешанного, но

[1] Упоминается М. Броссе в „Histoire de la Géorgie", т. V, Addition VI.

главным образом художественного содержания, наконец, в отдельных случаях, встречается среди текстов, никак не связанных с художественной литературой. Некоторые стихотворения попадаются в нескольких списках и иногда различны в отношении полноты или редакции текста, если записаны по памяти переписчика.

Но при этом встречается и много имен авторов, творчество которых, хотя бы в малой доле, отражено в рукописях данного собрания. Поэзия, бывшая частью быта, украшением повседневной жизни, литературной привычкой, которой отдавали дань многие, представлена и в настоящем случае произведениями не только прославленных поэтов, но и авторов, не занявших видного места в истории грузинской литературы.

Большое разнообразие в этом отношении представляют рукописи, принадлежавшие Теймуразу Багратиони и переписанные, за исключением отдельных номеров, его рукой (Е 28; Е 27; Н 28; Е 131, колл. Броссе). Время переписки этих текстов охватывает период с 1810 по 1846 г., т. е. до года смерти Теймураза. Некоторые тома скомпанованы из тетрадей, написанных в разное время и переплетенных позднее. Все эти рукописи отражают литературные занятия Теймураза уже в петербургский период его жизни. Характерной особенностью их является обилие приписок, записей Теймураза, могущих иметь историко-литературный интерес. Кроме того, именно эти сборники охватывают своим содержанием наибольший период истории грузинской поэзии, так как в них встречаются и стихотворения, написанные еще в XVII столетии и поэзия XVIII в., и лирика школы грузинского романтизма XIX в.

Мы не приводим исчерпывающего перечня массы лирических стихотворений в нашем кратком обзоре, останавливаясь лишь на некоторых из них.

Поэзия XVII в. представлена сочинениями царей Теймураза I ([1591]—1663) и Арчила II (Е 23; Е 27; Н 48, колл. Броссе; М 19).

XVIII век нашел свое отражение в наибольшем числе произведений. Стихотворения знаменитого народного поэта-певца Саят-Новы встречаются в двух сборниках Теймураза (Е 23, Е 131) и в отдельной, недатированной рукописи XVIII в. (Н 21, колл. Теймураза).[1] Эта последняя рукопись содержит стихи Саят-Новы не только на грузинском, но и на армян-

[1] Упоминается Н. Я. Марром в статье „Кавказ" (Азиатский музей, Краткая памятка, Пгр., 1920).

ском, персидском и турецком языках (в грузинской транскрипции), т. е. широко характеризует творчество поэта. Стихотворения Вахтанга VI (Е 23; Е 131, М 4, колл. Кебадзе),[1] Давида Гурамишвили (М 34, колл. Теймураза; Н 43, колл. Броссе), Бесариона Габашвили (Е 23; Е 131, М 5; М 8, колл. Кебадзе), Антония I (Е 23; Е 131, Е 65, колл. Броссе), Давида Месхишвили (Е 131; Е 23; Е 79, колл. Броссе), Мамуки Бараташвили (Е 87, колл. Броссе), Петрэ Ларадзе (Е 23; Е 131; Е 63, Н 19, колл. Броссе), Дмитрия Орбелиани (М 8), царевен Мариам и Кетеван (Е 23, Е 131) и ряда других авторов, творчество которых относится к XVIII в., отразились на страницах рукописей, время переписки которых иногда близко ко времени их жизни, но в большинстве случаев падает на XIX век.

Поэты, жившие на рубеже двух веков и в XIX в. — Дмитрий Туманишвили (Е 23, Е 131), Григорий Дадиани-Гегечкори (Е 23; Е 27; Е 135; Е 93), Дмитрий Багратиони (Е 125, колл. Броссе; Е 59, колл. Броссе; Е 14, колл. Палавандашвили), Иван Муратов (М 9, колл. Кебадзе), Александр Чавчавадзе (Е 131; Е 56, колл. Броссе), Соломон Размадзе (С 33; Е 63; Н 28, колл. Теймураза), Давид Мачабели (Е 51, колл. Броссе),[2] Дмитрий Мегвинет-Хуцесишвили (С 32, колл. Броссе) и многочисленные члены семьи Багратиони — Давид, Иоанэ, Теймураз, Илья, Вахтанг, Леван, Дмитрий, Григорий (сборники Теймураза) представлены в отдельных рукописях и в сборниках; стихотворения Иоанэ и Теймураза Багратиони встречаются и в других списках (Иоанэ — С 33, Е 63).

Из переводов произведений русской поэзии нужно отметить: М. В. Ломоносова — главы XL и XLI книги Иова, в переводе Давида Чолокашвили (XVIII в.). Текст Д. Чолокашвили представляет частично перевод сочинения Ломоносова, а частично самостоятельное поэтическое произведение по мотивам книги Иова (Е 27, колл. Теймураза).

Ода Г. Р. Державина „Бог“, русский текст и параллельно вольный грузинский перевод Мириана Багратиони (1776—1834), по подстрочнику И. Базлидзе, входит в состав сборной рукописи из коллекции Теймураза (Н 27). Данный текст датирован 1825 г. Кроме того, в рукописи Теймураза

[1] О поэтических произведениях Вахтанга VI по данной рукописи см.: Т. А. Чкониа. Фрагменты из сочинения Вахтанга VI. Литературные разыскания, т. VI, 1950 (на груз. языке).

[2] О стихотворении Д. Мачабели по данному списку см.: М. Я. Чиковани. Новые архивные материалы по истории грузинской культуры и литературы. Литературные разыскания, т. III, 1946 (на груз. языке).

(Е 23) его же рукой переписано стихотворение „Державин на охоте". Под текстом — приписка Теймураза, в которой сказано, что стихотворение представляет перевод, сделанный Григорием Дадиани (Гегечкори). Время записи стихотворения — 15 февраля 1837 г.

Переводы стихотворений А. С. Пушкина, современные жизни поэта, принадлежат перу двух грузинских литературных деятелей — Теймураза Багратиони и Соломона Размадзе (1798—1862).[1] Стихотворение „В дверях Эдема ангел нежный" (1827 г.) — текст, подстрочник и стихотворный, почти эквиритмичный перевод, датировано переводчиком Теймуразом 1830 г. (январь), т. е. перевод был сделан через три года после написания оригинала. Другие листы испещрены приписками Теймураза, так же как и примыкающие к тексту стихотворения „О муза пламенной сатиры" (1830 г.). Русский текст этого стихотворения приведен в грузинской транскрипции и к нему отдельно составлен словарик. Параллельно, в два столбца и на обороте помещены два варианта грузинского стихотворного перевода. Переводчик не назван. Автограф Теймураза. В переводах Соломона Размадзе представлены пять стихотворений Пушкина и два фрагмента — из „Евгения Онегина" и „Братьев разбойников". Переводы переписаны набело, без русских текстов, в отдельной, недатированной тетради, вплетенной в сборник. В их число входят: „Пробуждение" („Мечты, мечты, где ваша сладость", 1816 г.), „Демон" („В те дни, когда мне были новы", 1823 г.), „Пророк" (1826 г.) и из „Братьев разбойников" (1821—1822 г.) — начало, от „Не стая воронов слеталась" до „Кого убийство веселит, Как юношу любви свиданье" (Н 28, колл. Теймураза).

Эпос представлен целым рядом оригинальных и переводных произведений, время вхождения которых в грузинскую литературу относится к XII, XVII и XVIII вв.

Сочинения литературных предшественников гениального Руставели, поэтов также XII в. — Шавтели и Чахрухадзе — соединены в одной иллюстрированной рукописи начала XIX в. (М 5). Поэмы „Абдул-Мессия" Шавтели и „Тамариани" Чахрухадзе[2] были началом новой эры в истории грузинской поэ-

[1] Данные переводы упоминаются в статье: К. Д. Дондуа. Пушкин в грузинской литературе. Сб. „Пушкин в мировой литературе", Л., 1926.

[2] Данный список „Тамариани" использован в статье М. С. Махатадзе „О взаимоотношении «Витязя в тигровой шкуре» и «Тамариани»" (Труды Кутаисского Государственного педагогического института, т. VIII, 1948, на груз. языке).

зии, началом отхода от церковно-книжной традиции и утверждения светской тематики, обогащения грузинского стихосложения новыми метрами, новыми поэтическими образами и литературными приемами. Все это нашло свое полное выражение в творчестве поэта-философа Шота Руставели.

Поэма „Витязь в тигровой шкуре" Руставели входит в состав собрания в шести списках и двух экземплярах первопечатного издания. Шесть единиц принадлежит коллекции Броссе. Печатные экземпляры, изданные в Тбилиси в 1712 г. Вахтангом VI, имеют ценность не только как образцы первого издания поэмы, но и как носители литературных приписок и дополнений утраченных частей текста, сделанных от руки (К 10, колл. Теймураза и К 5, колл. Палавандишвили). Приписками характерен этот последний экземпляр. Фрагмент из поэмы, судя по филиграням бумаги, почерку и приписке 1774 г., относится к концу XVIII в., хотя Броссе назвал рукопись „древней". Рукопись без переплета, на 50 листах большого формата, пострадала от сырости, но текст сохранился хорошо (Н 40, колл. Броссе). Другой фрагмент, 52 строфы, переписан в XIX в. Петром Кебадзе (К 1, колл. Кебадзе), а полный список 1823 г., сделанный Асланом Сафаровым, снабжен рядом примечаний рукою того же Кебадзе, причем текст списка Аслана Сафарова соответствует изданному в 1712 г. (М 48, колл. Броссе).[1] С того же образца сделана неполная копия Симона Табидзе, датированная 1839 г. (М 47, колл. Броссе). Полный список, 1811 г., был подарен Броссе И. Шопеном и неполный, недатированный — Сулханом Бараташвили (Е 74 и Е 75, колл. Броссе).[2]

Продолжение „Витязя в тигровой шкуре" под заглавием „Омаииани", написанное в XVII—XVIII вв. неизвестным автором, представлено в рукописи, принадлежавшей ранее поэту Петрэ Ларадзе, о чем в ней имеется запись (К 2, колл. Кебадзе).

Рукопись начала XIX в., в свое время собственность поэта Дмитрия Багратиони, содержит два произведения — поэму „Арчилиани", посвященную жизнеописанию Теймураза I, и перевод поэмы „Висрамиани" (М 19). „Теймуразиани" — диалог Теймураза I с Руставели, составляет отдельную

[1] Комментарии П. И. Кебадзе использованы М. И. Броссе, Д. И. Чубинашвили и З. М. Палавандишвили во 2-м издании поэмы Руставели (СПб., 1841).

[2] Перечисленные списки упоминаются в статье: А. Г. Кобахидзе. Ленинградские архивные материалы о „Витязе в тигровой шкуре". Тбилиси, газ. „Коммунисти", 1937, № 234 (на груз. языке).

рукопись 1838 г. (Н 42, колл. Броссе). Прозаический вариант „Висрамиани" имеется также в отдельной рукописи 40-х годов XIX в. с началом французского перевода Броссе (Е 71, колл. Броссе), а список поэтического варианта помещен в сборной рукописи, переписанной в 1805 г. (М 7, колл. Кебадзе). Эта же рукопись содержит текст „Иосифа и Зюлейки", Теймураза I, компиляцию на персидские мотивы. „Иосиф и Зюлейка" входит в состав и другого литературного сборника начала прошлого века (М 8, колл. Кебадзе).

Поэма „Дилариани" в обработке Петрэ Ларадзе представлена отдельной рукописью XIX в., повидимому принадлежавшей Теймуразу (М 36).

„Давитиани", сборник произведений Давида Гурамишвили, посвященный междоусобице, царившей в Грузии на протяжении нескольких столетий, и призывающий народ к единению против общего внешнего врага, оказал в свое время большое влияние на сознание грузинского общества XVIII в. Основной темой автору послужили события XVII в. Два списка сборника, переписанные в первой половине XIX в., дополнены отдельными лирическими стихотворениями того же автора (М 34, колл. Теймураза и Н 43, колл. Броссе). В списке М 34 имеется прекрасный чертеж, проект мельницы, составленный Гурамишвили, и его миниатюрный портрет в красках.

Большую ценность представляет список исторической поэмы „Шахнавазиани" Степана Пешанговани, автора XVIII в., лирические стихотворения которого встречаются в одном из сборников Теймураза (Е 23). Поэма написана о царствовании Вахтанга V (Шах-Наваза I), царя карталинского (XVII в.). Список Института востоковедения уникален и поэма в свое время была известна только по этому экземпляру. Рукопись не датирована, но несомненно относится к XVIII в. Броссе предполагал, что это автограф. Текст переписан красивым мхедрули и оформлен рамкой из трехцветных полос. На полях приписки владельцев — потомков Вахтанга V и позднейшие грузиноведа Броссе. Рукопись дефектна, в начале нет двух листов (К 17, колл. Броссе).[1]

Исторической тематике посвящены также сочинения Бесариона Габашвили, Гегечкори и Григория Багратиони, сына Иоанэ. Поэма „Поход имеретинского царя Соломона I в Абхазию" Б. Габашвили представлена четырьмя списками XIX в. несколько различных редакций (Е 23, М 8, Н 62, Е 11, колл.

[1] Историю рукописи и исследование текста см.: M. Brosset. Notice sur une Histoire en vers dur oi Chah-Nawaz 1-er, par Phéchang. Histoire de la Géorgie, t. V, Addition VIII, стр. 601—614.

Иоселиани). „Рухская битва“ Григория Дадиани (Гегечкори) — сочинение 1836 г., описывает тот же поход Соломона I (1735—1782). В собрании имеется только один список этой поэмы (Е 81, колл. Броссе). „История Грузии“ Григория Багратиони (род. в 1790 г.), автограф-черновик, содержит начало эпического произведения, которому предпослано предисловие автора (Е 79, колл. Броссе).

Сатира Захарии Габашвили (ум. в 1824 г.) „Война кошки и мышей“, высмеивающая грузинское духовенство XVIII в. во главе с католикосом Антонием I, представлена в одном списке первой половины XIX в. (Е 23, колл. Теймураза).

Романтическая поэма „Горец“ Давида Мачабели (1814—1873), повидимому, автограф 1842 г., принадлежит коллекции Броссе.[1] Рукопись содержит приписку владельца о крепости Адлер и смерти русского писателя-декабриста А. А. Бестужева-Марлинского (Е 50, колл. Броссе).

Религиозной тематике посвящены: „Ветхий и Новый завет“ в стихах Вахушти, автограф, без начала и даты (Е 99, колл. Броссе); „Панегирик грузинским святым“ Антония I (М 52, колл. Броссе); „Мученичество царицы Кетеван“ Дмитрия Багратиони (Е 80, колл. Броссе) и некоторые другие произведения.

Художественная проза отражена в собрании рядом оригинальных и переводных произведений — повестей сказочного и фантастического содержания, романов и героических повествований.

Сказочная повесть „Русуданиани“, состоящая из 12 главсказок, имеется в одном полном списке, копии, снятой в 1840 г. с экземпляра XVII в. (М 43, колл. Теймураза)[2] и двух фрагментах начала XIX в. и 1841 г. (М 8, колл. Кебадзе и Е 77, колл. Броссе). Два фрагмента „Кал-Важиани“, на трех и восьми листах, входят в состав коллекции Броссе, оба не датированы, но, видимо, относятся к началу XIX в. (Е 126 и Н 53). Далее следуют: „Мириани“ (Е 40, колл. Теймураза), „Караманиани“ в переводе Давида Орбелиани, жившего в XVIII в. (М 30, колл. Теймураза), „Бахтиар-наме“ в пере-

[1] М. Я. Чикобава. Новые архивные материалы по истории грузинской культуры и литературы.

[2] На основании текста данного списка написаны статьи: 1) M. Brosset. Notice du roman géorgien intitulé Rousoudaniani. Bull. sc., t. IV. 2) Исследование „Русуданиани“, текст и перевод одиннадцатой сказки: Н. Я. Марр. Грузинский извод сказки о трех остроумных братьях из „Русуданиани“. Восточные заметки. Сборник статей и исследований профессоров и преподавателей факультета восточных языков имп. С.-Петербургского университета. СПб., 1895.

воде Александра Сулханашвили, список с автографа переводчика, снятый в 1840 г. (Е 58, колл. Броссе), „Тимсариани" в переводе Теймураза II, список 1851 г. (Е 76, колл. Броссе), „Сейланиани", в переводе Иоанэ Багратиони. Экземпляр, повидимому, принадлежал Теймуразу (Н 30).

Сокращенный перевод „Шах-намэ" Фирдоуси, известный в грузинской литературе под заглавием „Ростомиани", был сделан в XVII в. группой переводчиков, среди них Хосроем Турманидзе. Список Института востоковедения интересен как прозаическая версия перевода. Рукопись переписана в XVIII в. (М 15, поступила в 1911 г. от Н. Лордкипанидзе).

„Тысяча и одна ночь", переведенная в XIX в. Георгием Самегурели с русского языка, имеется в списке 1847 г. (Н 34, поступила в 1909 г.).

„Милордиани", приключения английского лорда, перевод с русского языка, принадлежит к серии европейских романов, переведенных на грузинский в XVIII в. (М 4, колл. Кебадзе). Также в переводе с русского, под заглавием „Приключения Телемака, сына Улисса", в грузинскую литературу вошло сочинение Ф. С. Фенелона. Перевод был сделан в XVIII в. артиллеристом Сариданом Чолокашвили с текста „Телемахиды" В. К. Тредиаковского. Текст „Приключений Телемака" занимает отдельную рукопись конца XVIII—начала XIX в. (М 29, колл. Теймураза, ранее Давида Багратиони). „Троянская война и поход аргонавтов", в рукописи, датированной 1791 г., также перевод с русского языка, дополняет раздел художественной прозы еще одним сочинением, восходящим к сюжетам Гомера (Е 34, колл. Теймураза).

В коллекции Броссе хранится подношение Шёгрена — „Две любовные историйки", по заглавию Броссе, так как в рукописи ни заглавий, ни имен авторов нет. Сочинения и переписка их, видимо, относятся к началу XIX в., бумага конца XVIII в. Сюжеты из жизни светского общества, место действия — Москва и Петербург. Второе сочинение имеет параллельный (в два столбца) русский перевод, грузинский текст испещрен помарками, видимо черновик. Вся рукопись на 14 листах, без переплета. Здесь же 4 листка со словарными записями — грузинскими, армянскими и русскими (Е 103).

Сочинение Сулхана Саба Орбелиани „О мудрости вымысла" имеется в собрании в двух списках. Фрагмент входит в состав сборника начала XIX в. (М 8),[1] полный текст пред-

[1] Использован А. Цагарели; см.: Книга мудрости и лжи (Грузинские басни и сказки XVII—XVIII столетий) Саввы-Сулхана Орбелиани. Перевод и объяснения Ал. Цагарели. СПб., 1878.

ставлен в списке 1840 г., снятом С. Табидзе и Г. Майсурадзе (С 28, колл. Броссе).

Очень большую ценность имеют два списка „Калилы и Димны", переведенной с персидского языка Вахтангом VI и С. С. Орбелиани. Перу второго переводчика принадлежит поэтический текст. Оба списка представляют самостоятельный интерес. Экземпляр из коллекции Кебадзе замечателен художественным оформлением, большим числом (I 37) прекрасных красочных миниатюр. Рукопись не датирована, но относится несомненно к XVIII в., вероятно к середине [1] (Р 2). Второй список содержит множество редакционных поправок и замечаний, почему ценен с историко-филологической точки зрения, так как характеризует труд переводчиков. Рукопись переписана каллиграфическим почерком, без украшений, начала и конца нет (М 53, колл. Броссе).

Трагедия А. П. Сумарокова „Синав и Трувор", переведенная П. Кебадзе, единственное драматическое произведение в составе собрания. Рукопись переписана И. Базлидзе и не датирована, но по всем данным относится к первой четверти XIX в. (С 36, колл. Броссе).

Народное творчество отражено во многих грузинских рукописях Института востоковедения. Сванская сказка входит в состав рукописи Теймураза и переписана его рукой (Е 23). Грузинские загадки и пословицы, записанные, повидимому, в 30-х годах XIX в., среди них стихотворные переложения пословиц Дмитрия Багратиони, были включены Броссе в состав его коллекции грузинских рукописей (Е 123—Е 125). Переложения Дм. Багратиони есть также в сборнике его поэтических произведений, списке 30-х годов прошлого века (Е 59, колл. Броссе).[2] Текст азербайджанской частушки в грузинской транскрипции записан Теймуразом Багратиони (Е 23).

---

[1] M. Brosset. Monographie géorgienne de Moscou; он же. Traduction géorgienne an vers et en prose de l'Anvari Sohaili, ou Fables de Pidpai, manuscrit offert à l'Académie par M. Petré Kebadzé. Bull. sc., t. V (1839) (=B. Dorn. Das Asiatische Museum); Н. Я. Марр. Кавказ. Азиатский музей, Краткая памятка, Пгр., 1920.

[2] О фольклорных текстах в рукописях данного собрания и в архиве М. И. Броссе см. работы: М. Я. Чиковани. Новые архивные материалы по истории грузинской культуры и литературы; он же. Грузинский фольклор. Учебник для вузов. Тбилиси, 1946; он же. Грузинские и фольклорные записи в Ленинграде. Труды Тбилисского Государственного педагогического института, т. V, 1948. Все работы на грузинском языке.

Литературоведение

Литературоведение представлено в собрании трудами Теймураза Багратиони.

Наиболее ранней из его работ следует считать „Рассуждение о грамматике и метрике", которое относится предположительно к 1807 г. (Е 39, колл. Теймураза). Остальные работы датируются 30-ми годами. „Ответное письмо господину Броссе о грузинской литературе" и „Трактат о грузинской метрике" составляют одну рукопись 1833 г. Трактат о метрике иллюстрирован поэтическими образцами (Е 53, колл. Броссе). К ним присоединяется исследование 1834 г. „Ответы на различные вопросы по филологии", которое, в частности, освещает вопрос о лексических заимствованиях из языков армянского и персидского (Н 39, колл. Броссе). Все рукописи переписаны Теймуразом собственноручно.

Языкознание

Грамматики грузинского языка и словари по времени их составления охватывают в собрании период с конца XVII до первой половины XIX в.

Наиболее ранней из грамматик является „Грамматика грузинского языка" католикоса Антония I. Этот труд, как и все труды Антония, имел выдающееся значение для своего времени. Написанию его предшествовала длительная и углубленная подготовка автора в области философии, изучения грамматик других языков и исследования литературных текстов. Первая редакция труда относится к 1753 г., в 1767 г. автор значительно его расширил. Антоний стремился создать труд оригинальный, не только систематизирующий грамматические и лексические явления грузинского литературного языка, но и совершенствующий язык, так как развитие культуры речи было одной из задач Антония. При всей искусственности ряда построений, „Грамматика" Антония сыграла роль и как первый в то время труд в этой области на грузинском языке, и как начало целого ряда последующих грамматик, которые еще долгое время основывались на ее положениях.

В собрании грузинских рукописей Института востоковедения имеется четыре списка XVIII и начала XIX в. Одна из этих рукописей восходит к редакции 1753 г. (Е 8), остальные содержат текст, составленный в 1767 г.: список 1788 г., принадлежавший последовательно Платону Иоселиани и А. М. Шёгрену (М 44), недатированная рукопись конца XVIII в.,

переписанная Гамалиели (К 9, колл. Теймураза, ранее Давида) и дар Теймураза Броссе — список 1813 г., переписанный Георгием Пачичадзе (М 54, колл. Броссе).

„Грамматика грузинского языка" Давида Багратиони, написанная в самом конце XVIII в., представлена списком начала XIX в. Помимо связи с трудом Антония I она характерна целым рядом философских рассуждений автора на темы о языке, грамматических категориях и пр. В конце списка помещена схема, иллюстрирующая весьма сложные и отвлеченные положения Давида[1] (Е 26, колл. Теймураза).

„Грамматика грузинского языка" Иоанэ Георгиевича Багратиони представлена списком 1829 г. Иоанэ Багратиони, автор русско-грузинского словаря, не свободен от влияния своего старшего предшественника Антония I, но его грамматика не связана со схоластическими отвлечениями Давида и изложена с большей простотой (Е 44, колл. Шёгрена).

Экземпляр „Краткой грамматики грузинского языка" Соломона Додаева, напечатанный в 1830 г. в Тбилиси, имеется в собрании с личной надписью автора Теймуразу Багратиони. Эта компилятивная работа, основанная на трудах предшественников, имеет учебные цели (Е 21).

Собрание имеет в своем составе одиннадцать словарей.

Знаменитый „Словарь грузинского языка" Сулхана Саба Орбелиани, начало составления которого относится еще к XVII в., представлен прекрасным списком XVIII в. Рукопись большого формата, переписанная письмом хуцури, имеет изящную орнаментацию в красках каждой начальной буквы (М 2). Научное значение многолетнего труда С. С. Орбелиани сохраняется до наших дней. Лексика литературного языка и диалектов, дополнения грамматические и литературные, сведения из области астрономии,[2] философская и естественно-научная терминология нашли также в нем широкое отражение.

В собрании хранятся также „Заметки к Грузинскому словарю Сулхана Саба Орбелиани", составленные Николозом Чубинашвили в 30-х годах XIX в. (Н 45, колл. Броссе).

Славяно-грузинский словарь имеет заглавие (сохранилось с дефектом, оборвано): „[Лекси]кон... о-греко-латинский

---

[1] Список упоминается А. С. Хахановым, см. Очерки по истории грузинской словесности, вып. III, 1901, стр. 337.

[2] См. астрономический трактат С. С. Орбелиани, рукопись Е 18, колл. Теймураза.

в пользу мудролюбивому учащихся вразумлению", однако содержанию оно не соответствует. Рукопись не датирована, но относится, видимо, к началу XVIII в. Русский текст переписан типичным почерком XVIII в., грузинский — письмом мхедрули, вероятно другою рукой. Начинаясь с А, словарь доведен до слова „Паметовати" (Е 43, колл. Шёгрена).[1]

От „Русско-грузинского словаря" Иоанэ Багратиони в собрании сохранился только фрагмент, начало, от А до В, автограф 1807 г. (Р 8, колл. Броссе).

Четыре словаря естественно-научной терминологии, составленные в первой четверти XIX в. (Н 38, колл. Броссе, Н 31, колл. Теймураза) — труды Иоанэ и Теймураза Багратиони, представляют значительный интерес с точки зрения терминологии, принятой у грузин в ту эпоху. В этих работах использована не только грузинская терминология, но и термины арабские, персидские, греческие, латинские, еврейские, армянские, татарские и русские.

„Лексикон русско-грузинский" Платона Иоселиани, небольшая рукопись, содержащая, однако, полный словарь от „А" до „фиты", была поднесена автором в дар академику Шёгрену. Надпись рукой Иоселиани датирована 1838 г. (Е 10, колл. Шёгрена).

К этому нужно добавить, что в ряде рукописей встречаются маленькие словарики и отдельные заметки лингвистического характера.

История христианства и христианской церкви

Из числа списков Евангелия, литургических, агиографических и богословских сочинений следует отметить следующие списки.

Два Четвероевангелия, недатированные, но, по всем данным, относящиеся к XIII—XIV вв., оба на пергамене, могут быть отмечены как экземпляры замечательные своим оформлением. Рукопись Е 45 (поступила в 1873 г.) отличается полнотой текста и четырьмя прекрасными миниатюрами — изображениями евангелистов. Список Н 33 колл. Муравьева-

[1] Архив и коллекция рукописей акад. А. М. Шёгрена, умершего в 1855 г., были разобраны только в 1890 г., и тогда же рукописи вошли в собрание. Однако рукопись Е 43 уже упоминается в каталоге Д. Чубинашвили, составленном в 1844 г., где, к тому же, указано, что лексикон этот — сочинение Ф. Поликарпова (B. Dorn. Das Asiatische Museum, стр. 741). В рукописи этих сведений нет.

Карсского имеет богатый переплет с металлическими украшениями, к которому припаяны шесть крестов, висящих на цепочке.

Списки памятников коллекции Георгия Авалишвили отличаются значительной давностью. Время их переписки колеблется между XI и XIII вв., а в большей части между XI и XII вв. Вторая чрезвычайно важная особенность этих рукописей состоит в том, что в них отражена эпоха всестороннего подъема и расцвета культуры грузинского народа, расцвета литературы и, в частности, времени деятельности замечательных грузинских переводчиков — Евфимия (963—1028) и Георгия (1014—1068) Афонских. Рукописи коллекции Авалишвили очень близки ко времени жизни этих выдающихся деятелей. При этом отдельные экземпляры представляют и особый историко-филологический интерес. Две рукописи датированы. Первая — 1038 г., содержит толкование Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна, в переводе Евфимия, палимпсест (М 13); вторая — 1040 г., труды Григория Назианзина и труды Григория Нисского, в переводе Евфимия и Ефрема Малого (Р 3). Текст толкования имеет ценные приписки, касающиеся культурной жизни грузинских монастырей и их литературной деятельности. Переводы трудов Григория Назианзина и Григория Нисского, представленные в рукописи Р 3, известны только по этому списку. Остальные древние рукописи коллекции не датированы. Все рукописи достаточно хорошей сохранности, большинство их на пергамене.

Замечательна „Кормчая книга" Иоанна Постника, рукопись, содержащая также и законы VI Вселенского Собора, в переводе Арсения Икалтоели и Евфимия, список XIV в. (С 1). Данный экземпляр, один из древнейших списков этого памятника, имеет свою интересную историю. Он был обнаружен в 1829 г. в Вологде археографом членом-корреспондентом Академии Наук П. М. Строевым (1796—1876) и тогда же передан им Академии. В рукописи недоставало начала, конца и ряда листов в середине. Недостающие части пергаменной рукописи были дополнены Теймуразом Багратиони копией (на бумаге), снятой в том же 1829 г. Георгием Тертерашвили со списка 1810 г., принадлежавшего ректору Телавской семинарии Давиду Месхишвили (1745—1824). Кроме того, рукопись была дополнена предисловием — автографом Теймураза. В таком виде она дошла до наших дней.[1]

[1] M. Brosset. Catalogue des livres géorgiens tant imprimés que manuscrits. Recueil des actes, стр. 133; Г. А. Розенкампф. Обозре-

Большую ценность представляет рукопись — палимпсест, ранее принадлежавшая академику И. И. Срезневскому. Это сборник XIV—XV вв., сочинений агиографического и богословского содержания, среди них апокрифов, содержащий также хронологическую таблицу. Переписан на пергамене двумя переписчиками Иоанэ Цопайшвили и Даниэлом Хамбашуром. Рукопись дефектна, не имеет начала и конца и части листов в середине (С 24).[1]

Математика и астрономия

Точные науки представлены несколькими сочинениями математического и астрономического содержания.

Одно из них — труд, переведенный с персидского языка под заглавием „Наука о творении", объединяет математические вычисления и астрономические наблюдения и имеет известную связь с астрологическим учением о зодиаках. Два печатных экземпляра этого сочинения, изданного в 1721 г. в Тбилиси, различны между собой количеством рукописных дополнений и примечаний, которые, повидимому, внесены самим переводчиком — Вахтангом VI (Е 19 и Е 20, колл. Теймураза). Экземпляр Е 19 весь испещрен приписками и дополнениями, чертежи сделаны от руки, часть из них на отдельных листках наклеена на страницы книги.

Рукопись, имеющая заглавие на русском языке „О содержаниях и пропорциях", в каталоге Теймураза озаглавлена иначе: „Арифметические и геометрические пропорции, прогрессии и несколько геометрических правил". Последнее заглавие соответствует содержанию более точно. Рукопись не содержит никаких указаний об авторе, каталог же при-

ние Кормчей книги в историческом виде. Второе тиснение с многими переменами и прибавлениями, начатое сочинителем, а по кончине его изданное В. А. — СПб., 1839, стр. 497—516; Михаил Сабинин. Полное жизнеописание святых грузинской церкви, ч. II. СПб., 1872, стр. 144; M. Brosset. Notice sur un Nomokanon géorgien manuscrit du Musée Asiatique de l'Académie Imp. des Sciences, N 103 a. Bull. de l'Académie, t. XIX (1847) (= Mélanges Asiatiques, t. VII); Н. Заозерский и А. Хаханов. Номоканон Иоанна Постника в его редакциях грузинской, греческой и славянской. М., 1902.

[1] M. Brosset. Notice sur un manuscrit géorgien palimpseste appartenant à M. Sreznevski. Bull. hist.-phil., t. XVI (1859) (= Mélanges Asiatiques, t. III); M. Brosset. Note sur un manuscrit grec des quatre Evangiles, rapporté du Souaneth-Libre et appartenant au comte Panin. Bull. de l'Académie, t. XV (1870) (= Mélanges Asiatiques, t. VI); M. Brosset. De la chronologie technique géorgienne, ecclésiastique et civile. Bull. de l'Académie, t. XXII (1875) (= Melanges Asiatiques, t. VIII).

писывает авторство сочинения Теймуразу. Однако более вероятно, что это перевод с русского и что Теймураз в данном случае только переводчик. Рукопись в два столбца, слева текст русский, полный, справа грузинский, местами прерывающийся, незаконченный. Не датирована, но переписана, несомненно, в XIX в., до 1835 г. (К 6, колл. Теймуразa).

Трактат по астрономии Сулхана Саба Орбелиани „Циклы солнца и луны" снабжен многочисленными таблицами и чертежами. Красиво оформленная рукопись переписана в 1820 г. Теймуразом и дополнена его приписками (Е 18, колл. Теймуразa).

Рукопись без даты содержит „Астрономические таблицы" Улуг-бека, в переводе Вахтанга VI,[1] с собственноручными примечаниями переводчика и его же автобиографическими и историческими приписками (М 12, колл. Авалишвили). Этот том дополняется астрономическими вычислениями Вахтанга, сделанными на основании данных Улуг-бека. Автограф, без даты (К 3).

На страницах сборной рукописи, преимущественно богословского содержания, занесены записи Теймуразa о циклах планет и различных астрономических наблюдениях (Н 27, колл. Теймуразa).

В коллекции Броссе хранится перевод с русского языка, сделанный Платоном Иоселиани: „О кометах четвертого десятилетия XIX в.". Рукопись относится к 1832 г. (Е 129, колл. Броссе).

Химия

Химия отражена в собрании автографом Вахтанга VI, что дополняет сведения о его научных занятиях в области точных и естественных наук. Маленькая рукопись содержит записи о приготовлении царской водки и некоторые другие замечания, относящиеся к методике приготовления химических веществ (Е 121, колл. Броссе).

Медицина

Медицина, собственно народная медицина, отражена в четырех лечебниках конца XVIII и первой четверти XIX в.

Лечебник 1785 г. состоит из трех частей и содержит описания способов лечения и приготовления лекарств в домашних условиях (Е 46, поступила в 1923 г.).

[1] Упоминается Н. Я. Марром в статье „Кавказ".

Лечебник первой четверти XIX в. (бумага 1803 г.), составленный на основании французских, русских и персидских источников, содержит описания различных симптомов болезней, способы лечения медицинскими и магическими средствами и приготовления лекарств. В начале рукописи помещены изображения двенадцати знаков Зодиака, в красках. Переписана рукопись безграмотно (Е 25).

Лечебник, имеющий заглавие „Разные наставления и лечение болезней человека", в рукописи большого формата (486 листов текста), без начала и конца, переписан в Петербурге. Лечебник содержит описание симптомов и методов лечения различных заболеваний внутренних, нервных, глазных и прочих, а также гигиенические советы (К 23, поступила в 1920 г.).

В разделе о сочинениях медицинского содержания должны быть еще раз упомянуты словари, содержащие названия лечебных растений и медицинские термины — грузинские, армянские, арабские, персидские, латинские и др. (Н 31, колл. Теймураза, Р 8, колл. Броссе и др.).

Артиллерия и военные уставы

Все рукописи собрания, содержание которых посвящено вопросам артиллерии, имеют отношение к Давиду и Теймуразу Багратиони, их службе в артиллерии и интересам к ней.

Курс „Артиллерии", переведенный Давидом Багратиони с русского (2-го) издания 1795 г., вышедшего в Петербурге,[1] переписан в 1799 г., с прекрасно выполненными чертежами орудий и графиками (К 8, колл. Теймураза).

Маленькая рукопись, первой четверти XIX в., содержит труд под заглавием „Практика артиллерийских маневров, их цель и применение". Автор — Теймураз Багратиони. Рукопись — автограф, имеет в тексте многочисленные чертежи и вычисления (С 8, колл. Теймураза).

Сочинения по теории и практике артиллерии не исчерпывают всего числа текстов, связанных с военным делом: к ним присоединяются три военных устава — Петра I, Павла I и Ираклия II.

Устав Петра I, касающийся и артиллерии, представлен в переводе архимандрита Гайоза рукописью 1784 г. Переплет

[1] Краткие артиллерийские записки для наставления унтер-офицеров в новоучрежденных артиллерийских батальонах, сочиненные при артиллерийском и инженерном кадетском корпусе. 1-е изд., СПб., 1789; 2-е изд., СПб., 1795.

более поздний и при расклейке его, что было сделано недавно в связи с описанием рукописи, обнаружилось, что он состоит из отдельных листков, с записями Теймураза Багратиони исторического, филологического и автобиографического содержания (Е 29, колл. Теймураза).

Устав Павла I в переводе Годерзия Фиралова представлен автографом переводчика, датированным 1807 г. К рукописи имеется 11 приложений на отдельных подклеенных листах с планами дислокаций войск, парадных маршей и пр. Часть планов печатная, из русского издания Устава (К 14, колл. Броссе).

Устав войск Ираклия II (1716—1798) скопирован в 1848 г. с оригинала, принадлежавшего Ялгузидзе. Копия снята Георгием Майсурадзе (Е 97, колл. Броссе).

Каталоги рукописей

Изучение памятников грузинской письменности и систематическое собирание их для Азиатского музея вызывали необходимость близкого знакомства собирателей с библиографией, с содержанием других коллекций, с особенностями грузинского письма.[1] Этим объясняется наличие, главным образом в материалах М. И. Броссе, каталогов рукописей, которые в настоящее время представляют лишь исторический интерес как перечни сочинений, составлявших библиотеки отдельных лиц и монастырей.

В Институте востоковедения хранятся: „Реестр грузинских книг", дополненный сведениями о грузинских переводчиках, автограф Давида Месхишвили (Н 46, колл. Броссе; копия — М 21); два каталога грузинской библиотеки Афонского монастыря (Е 48 и Е 49, колл. Броссе); „Каталог библиотеки князя Ивана Грузинского" (Н 9) и „Каталог библиотеки царевича Теймураза" Багратиони, автограф Теймураза от 1835 г. (С 38, колл. Броссе).

В заключение следует подчеркнуть ценность данного собрания рукописей как для специальных научных разысканий, так и для истории кавказоведения в России.

---

[1] См. обзор библиографии и каталогов в статье: M. Brosset. De la littérature romanesque géorgienne. Bull. de l'Académie, t. XXIV (1877) (= Mélanges asiatiques, t. VIII).

З. И. ГОРБАЧЕВА

ТАНГУТСКИЕ РУКОПИСИ И КСИЛОГРАФЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВВЕДЕНИЕ

Среди большого рукописного богатства Института востоковедения Академии Наук СССР тангутская коллекция занимает довольно значительное место по обилию памятников. Она насчитывает несколько тысяч единиц хранения, превосходя количественно все зарубежные тангутские коллекции вместе взятые. По своему же научному значению коллекция Института уникальна, так как включает в свой состав памятники светского содержания, вообще отсутствующие за рубежом.

В науке ценнейшее собрание Института востоковедения известно лишь по отдельным небольшим статьям и заметкам, далеко не полно характеризующим научное значение коллекции. К ним относятся: статьи А. И. Иванова, С. Ф. Ольденбурга и В. К. Котвича под общим названием „Из находок П. К. Козлова из Хара-Хото“,[1] статьи А. И. Иванова „Страница из истории Си-Ся“,[2] „Документы из города Хара-Хото“,[3] издание им же буддийского трактата „Восхождение Майтрейи на небеса Тушита“,[4] частичная публикация важного для расшифровки и изучения тангутской письменности тангуто-китай-

---

[1] Известия Русского Геогр. общ., т. XLX, вып. 8, стр. 463—477.
[2] Известия Академии Наук, 1911, стр. 831—836.
[3] Там же, 1913, стр. 811—816.
[4] Литографированное издание Восточного факультета Петербургского университета, 1916, стр. 1—27.

ского словаря „Жемчужина в руке“ („Чжан-чжун-чжу“),[1] „Памятники тангутского письма“.[2]

Позднее в изданиях Академии Наук было опубликовано несколько статей о тангутской письменности как в общем плане, так и по узким, специальным вопросам, написанных на основании изучения памятников тангутской письменности, хранящихся в Институте востоковедения.[3] Однако бóльшая часть коллекции остается до сих пор нерасшифрованной. Научной же обработке подверглась чрезвычайно незначительная ее доля. Это ставит перед советскими учеными важную и почетную задачу — возобновить прерванную почти четверть века назад работу над этим уникальным собранием рукописей и ксилографов, ввести его в научный оборот и тем самым обогатить как востоковедение, так и историческую науку.

Настоящая статья кратко подытоживает все ранее опубликованные материалы и дополняет их новыми данными, касающимися в основном характеристики отдельных памятников. Нам представляется целесообразным и своевременным опубликование такого обзора, имеющего своей главной целью привлечь внимание специалистов к коллекции исключительной полноты, не имеющей себе равной в мире и содержащей памятники большого культурно-исторического значения. Надеемся, что статья послужит известным стимулом к возобновлению работы над тангутскими рукописями и ксилографами.

Прежде чем перейти к характеристике коллекции, а также отдельных ее памятников, считаем нужным предпослать некоторые сведения о самих тангутах, их государстве и существовавшей у них письменности.

Сведения о тангутах и их государстве нам дают главным образом китайские летописные данные.

Китайские источники, прослеживая происхождение тангутов, возводят его к тибетским племенам цянам или ди, обитавшим к западу от Китая. Первые сведения о цянах мы встречаем еще у Сыма Цяня (китайский историк III в. до н. э.), который в разделе „Биографий“ („Ле-чжуань“) указывает на их существование в VII—VI вв. до н. э.

---

[1] Известия Академии Наук, 1909, Ivanov, Zur Kenntniss Hsi-Hsia Sprache, стр. 1221—1233.

[2] Там же, 1918, стр. 799—800.

[3] Известия Академии Наук СССР, Отделение общественных наук, № 1, 1931, стр. 7—22; Записки Института востоковедения Академии Наук, т. II, вып. 3, 1933, стр. 129—150; Доклады группы востоковедов на сессии Академии Наук СССР 20 марта 1935 г., М.—Л., 1936, стр. 57—79; Доклады Академии Наук, 1929.

Позднее, в период Хань (III в. до н. э.—III в. н. э.), цяны разделились на 13 отдельных ветвей, из которых, как уже доказано китайскими авторами, именно дан-сянские цяны явились предками тангутов.[1]

Автор IX в. Ли Янь-шоу, в свое время побывавший среди цянов, писал: „Дан-сянские цяны — потомки племен сань-мяо... Они обитают на территории, граничащей на востоке с Линь-тао, на западе с Бин-си..., с юга на север они занимают территорию в несколько тысяч ли. Живут они в горных долинах. Каждая семья составляет род; большие роды насчитывают до 5000 всадников, мелкие до 1000. Они стригут воловью шерсть и катают из нее войлок, из которого сооружают жилища. Одеваются в меховые одежды, убранные украшениями. Цяны очень воинственны, но законов у них нет. Военные живут все вместе и не несут никаких повинностей... Цяны занимаются скотоводством и потребление у них общее, земледелия же не знают вообще... Они не имеют письменности, по временам года высчитывают время. Раз в три года собираются на сход, где закалывают и приносят в жертву волов и баранов. Смерть стариков старше 80 лет не оплакивают, о смерти же детей сожалеют...“.[2]

К IX в. относятся сведения „Новой истории Тан“ („Синь Тан-шу“) о столкновениях дан-сянских цянов с китайскими войсками: „Дан-сянские цяны в годы правления Юн-хэ (827 г.) нападали на границы (Китая) и часто производили грабежи. Но так как они были плохо вооружены и боялись правительственных войск, то предпочитали обменивать лошадей на латы, и баранов на луки и стрелы“.[3]

В этом же источнике имеются данные, свидетельствующие о том, что цяны неоднократно перекочевывали из района нынешней провинции Ганьсу в провинцию Шэньси. Таким образом, китайские источники о дан-сянских цянах — предках тангутов — рисуют нам картину скотоводческого родо-племенного общества. Однако тангуты находились в постоянном общении с феодальным Китаем, и в дальнейшем процесс разложения первобытно-общинного строя тангутов и формирования классового общества развивался под непосредствен-

---

[1] Линь Хой-сян. История китайской нации, т. 2. Шанхай, 1938, стр. 120—122 (на кит. яз.); Люй Чжэнь-юй. Краткая история китайского народа. Шанхай, 1951, стр. 182 (на кит. яз.).

[2] Бэй-ши, цзюань 96б, серия Сы-бу бэй-яо, Шанхай, 1936, стр. 32.

[3] Синь Тан-шу, цзюань 221, ч. I, серия Сы-бу бэй-яо, Шанхай, 1936, стр. 78.

ным воздействием социально-экономических условий, существовавших в Китае.

Китайская феодальная империя времен династии Тан (618—905 гг.), осваивая новые территории, с целью подчинить себе окружавшие тогдашний Китай многочисленные племена, использовала не только силу оружия, но и более гибкие дипломатические методы. Объектом этой дипломатической деятельности стали и тангуты. Согласно свидетельству „Старой истории Тан" („Цзю Тан-шу"), предводитель тангутских племен Бу Лай (из рода си-фэн), покорился Китайской империи. Танский император пригласил Бу Лая ко двору на пир и пожаловал ему область Юэ-чжоу и должность наместника в ней.[1]

Во время Пятицарствия (У-дай, X в.), когда после эпохи феодального расцвета и объединения страны при династии Тан наступил период распада Китая, тангутский правитель Ли Цзи-фэн оказал китайским властям уже сунского времени (X в.) активное содействие в покорении княжества Северное Хань (Бэй Хань) и разгроме его войск. За это Ли Цзи-фэн был представлен ко двору и награжден.

Основателем государства Си Ся, согласно китайским источникам, стал сын Ли Цзи-фэна Ли Юань-хао. Ли Юань-хао захватил северные области провинций Шэньси и Ганьсу и часть земель провинции Суйюань. В г. Нинся он основал столицу и здесь же провозгласил себя в 1038 г. императором, назвав свое государство Си Ся (Западное Ся) или Да Ся (Великое Ся). Он вел войны с Китаем, киданьским государством Ляо, основанном в 967 г., и племенами чжурчженей, обитавшими на севере Китая.[2]

Сведения о тангутах мы находим также у современников тангутского государства Си Ся — Марко Поло и Рашид-ад-дина. Согласно этим данным, географические координаты государства Си Ся с севера на юг были 34—42° сев. широты. С востока оно ограничивалось рекой Хуанхэ, отделявшей государство тангутов от китайских земель в провинции Шэньси, на западе озером Кукунор, на севере областью Хами и рекой Эдзин-голом, хребтом гор Хола-шань и снова рекой Хуанхэ; на юге государство Си Ся граничило с провинцией Сычуань.

---

[1] Цзю Тан-шу, цзюань 190, серия Сы-бу бэй-яо, Шанхай, 1936, стр. 5а.

[2] Иакинф Бичурин. История Тибета и Хухунора. СПб., 1833, стр. 38—67; В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. СПб., 1857, стр. 86—87; Линь Хойсян, ук. соч., стр. 138.

Марко Поло в своей книге упоминает город Езин, отождествляемый теперь с И-цзи-най-лу или Хэй-шуй-чэном („Город Черной реки"). Как теперь выяснено, это и был Хара-Хото, один из главных административных и культурных центров государства Си Ся. О самих тангутах Марко Поло писал: „Народ молится идолам, есть также христиане-несториане и сарацины. У идолопоклонников свой собственный язык".[1] Вся территория, занимаемая в то время государством тангутов, носила уже при монголах название Хэ-си, что в переводе значит „К западу от реки Хуанхэ". Это название встречается в „Истории Юаньской династии", в „Сокровенном сказании" оно заменяется названием Ха-синь. В китайских словарях это название транскрибируется как танут (tanut). Однако следует отметить, что сам термин „танут" встречался еще в китайско-тюркской надписи из Кошо-Цайдама, датированной 734 г.

У Рашид-ад-дина также имеются сведения о тангутах, но они относятся к более позднему времени — завоеванию тангутского государства Чингис-ханом. Однако некоторые сведения имеют значение для общей характеристики.

„Это племя, — пишет Рашид-ад-дин, — большей частью обитало в городах и селениях, но было чрезвычайно воинственно и (имело) большое войско... В стране тангутов много владений, состоящих из городов, селений и крепостей, и она имеет много гор, (идущих) в разных направлениях. Вся (эта страна) расположена у большой горы, которая находится перед ней; ее (страну) называют — Алсай. У окраин этой страны расположен Хитай".[2]

Таким образом, государство тангутов по своему географическому положению находилось в непосредственном соприкосновении на востоке с собственно Китаем и на юго-западе с Тибетом. Тангуты к X в. уже перешли к оседлому образу жизни, имели свои города и занимались земледелием. Согласно китайским источникам, к этому времени территория тангутского государства равнялась более 20 000 ли. Административная система Си Ся имела ряд черт, сближавших ее с устройством соседнего Китая (система чиновничьих рангов, придворный этикет и т. п.), но его сильная военная организация сохранила свою самобытность, унаследованную от ко-

---

[1] И. П. Минаев. Путешествие Марко Поло. Перевод старо-французского текста. СПб., 1902, стр. 74.

[2] Рашид-ад-дин. Сборник летописей, ч. I, кн. I. М.—Л., 1952, стр. 143.

чевого прошлого. Со временем был проведен еще ряд нововведений, продиктованных нуждами возникшего феодального государства.

„Каждая семья их народа называлась юртой (帳 чжан). Мужчина, достигший 15 лет, считался совершеннолетним и если в семье было двое совершеннолетних, одного брали на военную службу... Отважных китайцев приглашали к себе в армию и называли их особым именем чжун-лин-лан. Слабых и неспособных к военной службе отправляли за реку заниматься сельским хозяйством или охранять Су-чжоу".[1]

Согласно тому же китайскому источнику, тангуты „учредили высшую школу, где обучалось сначала 300 человек, а затем до 3000. Они почитали Конфуция за главу и открыли особые школы для подготовки ученых".[2] Эти сведения указывают на значительный уровень цивилизации, которого достигло на определенном этапе тангутское государство.

Государство Си Ся просуществовало более 200 лет. Оно погибло в 1236 г. под натиском монгольских войск.

Тангуты подверглись, как уже указывалось, культурному влиянию феодального Китая. Соприкосновение же с Тибетом привело к проникновению в тангутское государство буддизма, о чем свидетельствует большое количество буддийских рукописей и ксилографов, найденных в Хара-Хото. Буддизм был государственной религией государства Си Ся.

Однако, несмотря на культурные связи с соседними народами, имевшими уже издавна свою письменность, тангуты не восприняли ни китайского, ни тибетского письма. Они создали свою собственную письменность, поступив так же, как до них — кидани и после них — чжурчжени.

Об изобретателе письменности тангутов имеются свидетельства китайских источников, но они разноречивы, и, по существу, этот вопрос остается до сих пор не решенным окончательно.[3]

Китайские источники, указывая на Ли Юань-хао как на основателя тангутского государства, ему же приписывают изобретение тангутской письменности. „История Сунской династии" („Сун-ши") говорит, что письменность тангутов была изобретена Ли Юань-хао в 1038 г., а затем разра-

[1] Сун-ши, цзюань 486, стр. 96а (ксилограф коллекции Института востоковедения, Е 285).

[2] Там же, стр. 98б.

[3] Тангутская письменность и ее фонды. Доклады группы востоковедов на сессии Академии Наук СССР 20 марта 1935 г., стр. 63.

ботана ученым тангутом Е-ли Жэнь-жуном. „История династии Ляо" („Ляо-ши") называет в качестве изобретателя письменности Ли Дэ-мина, отца Ли Юань-хао. Наконец, некоторые китайские источники изобретение письменности приписывают некоему Юй Ци.

В тангутских одах, имеющихся в собрании Института, воспевается некий И-ри как изобретатель письменности, но отожествить его с какой-либо реальной исторической личностью до сих пор не удавалось.[1]

Учитывая свидетельства китайских исторических хроник о том, что Ли Юань-хао знал и тибетский и китайский языки, можно допустить, что именно он и создал тангутскую письменность, используя как тибетское, так и китайское письмо.

Впервые тангутские письмена были обнаружены во второй половине XIX в. в шестиязычной надписи, датированной 1345 г. Английский ученый А. Уайли, частично разобрав надпись, не мог, однако, определить языка, на котором была сделана одна из шести надписей; он предположил, что это чжурчженьское письмо.[2] В 1895 г., после опубликования надписи, за ее дешифровку взялись Э. Шаванн и Г. Деверия. Последний считал, что непонятная надпись сделана на языке государства Си Ся, но это осталось лишь предположением, так как другие тангутские тексты, с которыми можно было бы сличить надпись, отсутствовали. Сомнения были рассеяны только через три года, в 1898 г., когда тот же Деверия опубликовал тангутскую надпись, обнаруженную на стэле храма Да-юнь-сы, датированную 1034 г.[3] В то же время были дешифрованы 40 тангутских знаков Бушелем, который работал над 12 тангутскими монетами.[4] Наконец, в 1904 г. Морис исследовал тангутский перевод саддхармапуṇдарйка-сӯтры, написанной золотом на синей бумаге,[5] дав некоторые итоговые заключения относительно грамматического строя тан-

---

[1] Имеется предположение, что это искаженное имя упомянутого выше Е-ли Жэнь-жуна. Однако это остается пока только гипотезой.

[2] A. Wylie. On an Ancient Buddhist Inscription at Keu-yung-kwan. Journal Royal Asiatic Society, vol. V, 1870, стр. 14—44.

[3] G. Devéria. L'Ecriture du royaume de Si-Hia ou Tangut. Memoirs présentés par divers savants à l'Académie des inscriptions, vol. XI, № 1, Paris, 1898, стр. 147.

[4] S. W. Bushell. The Hsi-Hsia Dynasty of Tangut, their money and peculiar script. Journal of North China Branch Royal Asiatic Society, vol. XXX, 1895—1896, стр. 142—160.

[5] M. G. Morisse. Contribution préliminaire à l'étude de l'écriture et de la lange Si-Hia, Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des inscriptions, vol. XI, № 2, Paris, 1904.

гутского языка. Однако все эти изыскания, основанные на исследовании единичных документов тангутской письменности, не могли раскрыть полностью ни грамматического строя языка, ни его словарного состава, ни, тем более, его фонетики.

Открытия П. К. Козлова в Хара-Хото дали тангутоведению обширный и ценнейший материал не только для изучения языка тангутов, но также для исследования различных сторон их жизни.

Решающее значение для языковых изысканий имел обнаруженный среди рукописей и ксилографов упомянутый выше тангуто-китайский словарь „Жемчужина в руке" („Чжан-чжун-чжу"). Как видно из предисловия к нему, он был составлен с целью облегчения изучения тангутского языка китайцами и китайского тангутами. Поэтому в нем каждому тангутскому идеографу были приданы два китайских, фонетически соответствующих тангутскому чтению.

В 1917 г. было опубликовано общее (не полное) описание словаря[1] и дальнейшее изучение тангутского языка стало невозможным без учета этого памятника. Для сравнительного языкознания этот словарь имел также немаловажное значение.

Следует отметить ведущую роль русских ученых в развитии новой отрасли востоковедения — тангутоведения.

В результате кропотливой работы над словарем „Чжан-чжун-чжу", а также целым рядом рукописей и ксилографов, имевших параллельный с тангутским китайский или тибетский текст, русским ученым удалось более определенно установить грамматический строй языка, уточнить его фонетику, морфологию и синтаксис,[2] расшифровать большое количество тангутских иероглифов. Последнее обстоятельство дало возможность начать составление тангуто-русского словаря.[3]

Труды наших исследователей послужили исходным моментом для работ зарубежных ученых. Так, в 1917 г. в журнале „Тун Бао" появилась работа Лауфера, который на основании публикаций словаря „Чжан-чжун-чжу" исследовал строй тангутского языка и пришел к выводу, что этот язык является языком тибето-бирманской группы (куда относятся языки тибетский, ло-ло, мо-со).[4] Следует сказать, что в исследованиях

[1] Известия Академии Наук, т. XIX, 1917.

[2] См. вышеуказанные статьи, изданные Академией Наук.

[3] В рукописном виде этот словарь, насчитывающий более 2000 слов, находится в Архиве востоковедов Института востоковедения (ф. 69).

[4] B. Laufer. The Si-hsia Language. A study in Indo-Chinese philology T'oung Pao, vol. XVII.

Лауфера о фонетической системе тангутского письма, несмотря на важные выводы общего характера, были допущены существенные ошибки в конкретном транскрибировании того или иного слова. Это снижало научную ценность его трудов и вводило в заблуждение тех, кто следовал за Лауфером.

Английский путешественник А. Стейн, побывав в 1915 г. в Хара-Хото, привез оттуда, уже после П. К. Козлова, некоторое количество тангутских ксилографов и рукописей исключительно буддийского содержания. Они были переданы в Британский музей. Часть ксилографов также буддийского содержания попала в руки француза П. Пельо.

Позднее тангутские рукописи разными путями стали проникать в Китай, где были собраны в Пекинской национальной библиотеке, и в Японию.[1]

В Китае изучением тангутского языка занялись ученый Ло Чжэнь-юй и его два сына Ло Фу-чан и Ло Фу-чэн, а позднее лингвист Ван Цзин-жу.

Оперируя ксилографами и рукописями буддийского содержания, китайские и европейские исследователи занимались только расшифровкой текстов и изучением тангутского языка, так как без этого ни один письменный памятник тангутов не был доступен для изучения и введения в научный оборот.

В результате исследований, Ло Фу-чэн пришел к выводу, что тангутская письменность в основном построена на тех же принципах, что и китайская, в ней имеется та же система ключей.[2] Одновременно к таким же выводам пришли фон-Цах и Бернарди.[3]

В Японии появилось несколько статей о тангутской письменности издания Киотоского университета и библиотеки Тойо Бунко. Таково состояние изучения тангутского языка, изложенное здесь в самом сжатом виде.

ХАРАКТЕРИСТИКА СОБРАНИЯ

Собрание тангутских рукописей и ксилографов Института востоковедения состоит, как уже указывалось, из нескольких тысяч единиц хранения. В отличие от многих других

---

[1] Ван Цзин-жу. Си-Ся янь-цзю, т. I. Пекин, 1932, стр. XI.

[2] Ло Фу-чэн. Си-Ся го-шу люе-шо. Пекин, 1914.

[3] E. von Zach u. E. Bernhardi. Einige Bemerkungen über Si-hia Schrift und Sprache. Ostasiatische Zeitschrift, 1919, № 3—4; E. von Zach. Entzifferung des Turfan Manuscriptes, T. M. 190, des Berliner Museum für Völkerkunde. 1928, № 11.

коллекций Института, комплектование которых проходило постепенно, в течение длительного времени, начиная с 1818 г., года основания предшественника Института востоковедения Академии Наук СССР — Азиатского музея, поступления тангутских памятников отмечены лишь 1908 и 1909 гг.

Первые поступления 1908 г. по своему объему были весьма незначительны. В основном это были рукописи и ксилографы буддийского содержания.

Находка П. К. Козловым в 1909 г. редчайших памятников светского содержания дали науке чрезвычайно ценный материал и открыли широкую возможность научной деятельности в области тангутоведения.

По своему содержанию коллекция делится на две неравные части — буддийскую и небуддийскую. Первая больше по объему, вторая важнее по своему содержанию; впрочем, для расшифровки тангутской письменности первая часть имеет также большое значение.

Буддийская часть собрания состоит из множества сутр, шастр и винай. Но последние представлены значительно меньше, чем сутры. Они имеются лишь в разрозненном и дефектном виде. Среди сутр особенно много экземпляров „Махāпраджнā пāрамитā", „Пу-Сянь-син-юань-пинь" и др. Из шастр и винай представлены „Сӯтрāламкāра", „Буддхāватамсака" и др.

Громадное количество буддийской литературы, которая имеется в нашем собрании и из которой исключительно состоят зарубежные коллекции, говорит о широком распространении буддизма в тангутском государстве. X—XI века были периодом расцвета буддизма в Тибете. Там усиленно переводились буддийские священные книги, трипитака. Широко распространился буддизм в то время и в Китае. Все это оказало свое влияние на тангутское общество. По еще не установленным причинам буддизм стал господствующей религией государства Си Ся и широко пропагандировался там. Некоторые сутры издавались ксилографическим способом в 50 000—100 000 экземплярах (в переводе с тибетского и китайского языков).

Правители государства Си Ся не раз обращались в Китай за буддийской литературой, выменивая ее на предметы тангутского производства.[1]

В коллекции Института имеется ряд изданий сутр различного формата и шрифта, а также и рукописные экземпляры.

---

[1] Ван Цзин-жу, ук. соч., стр. X.

Ряд оригинальных буддийских трактатов носят религиозный, а иногда и проповеднический характер. Они представляют собой интересное сочетание тибетских образцов моральных проповедей и мистики с китайскими историческими фактами в качестве иллюстраций. Таким произведением является, например, „Сборник вдохновенной мудрости“ (рис. 3, *1*, 賢智集 №№ 585,593). Это ксилограф, сброшюрованный

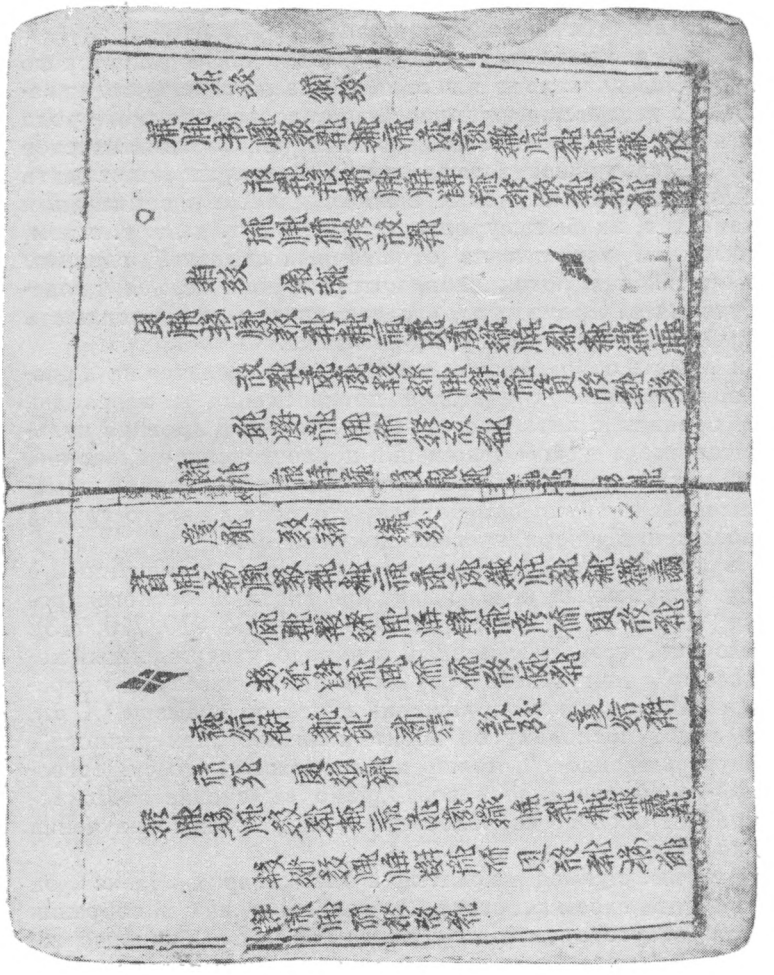


Рис. 1. Измененный и заново утвержденный кодекс законов эпохи „Небесного процветания“, л. 3.

„бабочкой“ (13.5 × 20 см). Составление его относится к 1188 г. Он состоит из проповедей и рассуждений о вреде „мирских наслаждений.

Однако следует отметить, что памятников оригинального содержания несравненно меньше переводных буддийских трактатов и они насчитываются единицами.

Более интересна вторая, небуддийская, часть тангутского коллекции. Она уникальна и весьма ценна по своему содержанию, так как тангутских рукописей и ксилографов такого рода нет ни в одной из зарубежных коллекций. Систематическое изучение и дальнейшее исследование коллекции могут дать в руки исследователей новые важные данные о социальном строе тангутов, их быте, уровне культуры и т. д., т. е. о том, что сейчас нам известно из отрывочных сведений, главным образом китайских источников, которые пока нельзя проверить и уточнить. Кроме того, это даст широкую возможность дальнейшего изучения тангутского языка.

Данная часть собрания (как и буддийская) делится на 2 раздела — оригинальные тангутские произведения и переводы, главным образом с китайского языка. Богатая древняя культура Китая имела в этом отношении первостепенное значение.

По содержанию среди оригинальных произведений намечается несколько групп памятников: это прежде всего группа законоположений и юридических документов.

Здесь несомненный интерес представляет „Измененный и заново утвержденный кодекс законов эпохи Небесного процветания“ (1149—1170) (рис. 3, *2*, №№ 152—204, 210, 710, 713). Не исключено, что „Измененный и заново утвержденный кодекс законов“ тангутского государства был известным отражением китайских законоположений сунского времени (X в.). А кроме того, поскольку он носит название „измененного“, „заново утвержденного“, можно предположить, что существовал какой-то кодекс и до него. Однако выяснение этого вопроса требует особого исследования и специального изучения самого кодекса.

Судя по имеющимся в коллекции экземплярам кодекса, он насчитывает в своем составе 20 книг. Из них в собрании Института отсутствует только книга 16-я. Большинство же остальных представлены в нескольких экземплярах. Так, книга 2-я имеется в двух, 3-я в четырех, 5-я в двух, 9-я в трех, 10-я в двух, 11-я в семи, 13-я в восьми, 17-я в двух, 19-я в двух и 20-я в трех экземплярах.

Все книги напечатаны ксилографическим способом; они различного формата (в среднем 18 × 23 см), сброшюрованы

„бабочкой“ и в общем неплохой сохранности. Лишь единичные экземпляры попорчены и в них отсутствуют начальные или последние листы.

Имеются неполные оглавления к „Измененному и заново утвержденному кодексу законов эпохи «Небесного процветания»“ (№№ 785—787, 789). Одно из них (№785) написано от руки курсивом (22.5 × 27 см). Оно включает все статьи и параграфы содержания кодекса, причем пользование этим оглавлением облегчается тем, что статьи законов напечатаны крупным шрифтом, а параграфы мелким. Остальные три оглавления напечатаны ксилографически (19 × 26, 18 × 26, 17 × 22.5 см). Они дефектны: одно из них охватывает лишь книги 5—10, в нем отсутствуют начало и конец (№ 786); другое содержит книги 11 и 12; отсутствуют последние страницы (№ 787); наконец, третье состоит лишь из фрагментов, а именно, конца 2-й и начала 3-й книг (№ 789).

К рукописям такого же содержания относятся „Новые законы“ (рис. 3, *3*), 新律 (№ 945, № 2565). В фонде имеются рукописи тома XII (14 × 23 см), небрежного стандартного почерка, не имеющая последних страниц, томов XVI и XVII (14 × 22.5 см) без начала.

Рукопись тома II, с очень большим количеством поправок и вставок скорописью и полускорописью (№ 749); VII том рукописи написан стандартным курсивом; попорчены первые листы рукописи (№ 826), и, наконец, рукопись, называемая просто „Законы“ и по содержанию отличная от предыдущих трех. Эта рукопись написана стандартным почерком с некоторыми вставками курсивом (№ 827).

К документам юридического характера, связанным с законодательством тангутского государства, относятся долговые обязательства.

В нашем фонде обнаружено пока два таких обязательства (№№ 954, 955), заверенных подписями поручителей и свидетелей. Дата первого обязательства: „26 число 4 луны года правления Гуан Дин“ (光定), т. е. 1223 год.

Первое обязательство представляет собой рукопись (18 × 26 см), написанную обычным стандартным почерком, переходящим в последних строках в скоропись. Оборотная его сторона покрыта иероглифами, — видимо, ученическими упражнениями в письме.

Второе обязательство — тоже рукопись, датированная двумя годами раньше — 1221 г. (20 × 23 см); написана скорописным курсивом.

Надо полагать, что эти памятники, после тщательного изучения, смогут пролить свет на некоторые вопросы истории тангутского государства, остающиеся до сих пор неясными.

Вторую группу памятников составляют энциклопедии. К этой группе принадлежит прежде всего „Собрание необходимого“ (рис. 3, *4*) (要集, № 124). Это ксилограф, сброшюрованный „бабочкой“ (12.5 × 20 см). Судя по оглавлению, книга охватывает едва ли не все стороны жизни тангутов. В нашем собрании имеется только конец пятой книги (орудия и утварь), вся шестая (музыкальные инструменты) и начало седьмой (цветы). Расшифровка этого памятника облегчается тем, что в его тексте к каждому тангутскому названию придан его эквивалент на китайском языке, причем поясняемое слово дается жирным шрифтом, а пояснения мелким. Общая сохранность ксилографа удовлетворительная.

Большой интерес представляет ксилограф оригинальной тангутской энциклопедии „Море значений“ (рис. 3, *5*), датированной 1182 г. (№№ 143, 144, 145, 684). В энциклопедии 5 томов, каждый из которых разбит на 3 отдела. I том составляют отделы: 1) небесные светила, 2) небесные явления, 3) летосчисление; II том: 1) земная поверхность, 2) флора, 3) минералы, вода, лодки, мосты, поля, сельскохозяйственные орудия; III том: 1) злаки, драгоценности, материи, 2) одежда, еда, напитки, 3) животный мир; IV том: 1) правители страны, 2) религия, учреждения, войска, 3) города, посуда и утварь, орудия, меры и весы, упряжь, музыкальные инструменты; V том: 1) дела людей и градации людей, 2) родство, 3) мужчины и женщины (их отношения друг к другу).

По своей композиции эта энциклопедия во многом сходна с китайскими энциклопедиями обычного типа.

В нашем собрании обнаружены пока только четыре отдельные части этого ксилографа: часть I тома, заключающая в себе конец стихотворного предисловия, оглавление и начало I тома (№ 143); середина II тома (окончание 4-го и начало 5-го отделов) (№ 144); V том дефектный, он содержит лишь окончание 13-го и начало 15-го отделов (№ 145), наконец, имеется конец I тома (№ 684). Сохранность имеющихся частей удовлетворительная.

Большое место в небуддийской части коллекции занимает лексикографическая литература, составляющая ее третью группу. Наличие большого количества литературы такого рода является несомненным признаком внимания и заботы тангутов о своей письменности, ее развитии и распространении.

Собрание Института содержит всевозможные словари, начиная с простых, только перечисляющих иероглифы, и кончая сложными, с подробным описанием фонетики, семантики, структуры иероглифов. Расположение иероглифов в словарях самое разнообразное: по рифмам, тонам и т. д.

Тангуто-китайский словарь „Жемчужина в руке" (рис. 3, *б*) сокр. 掌中鉢 („Чжан-чжун-чжу") имеется в фонде в разных вариантах, что свидетельствует о неоднократном его издании. Этот словарь, частично ранее опубликованный, помог тангутоведам определить как грамматический строй, так, в известной мере, и словарный запас и фонетику тангутского языка.

Поскольку словарь уже введен в научный оборот, мы остановимся лишь вкратце на его характеристике.

В словаре „Чжан-чжун-чжу" всем тангутским иероглифам придана китайская транскрипция, состоящая из двух китайских знаков, которые, по принципу „рассечения" (фань-це) должны давать один моносиллаб тангутский. Такое построение словаря и правильная его расшифровка позволили восстановить фонетику тангутского языка.

В нашем собрании ксилографы словаря имеются в нескольких вариантах:

Часть (середина) словаря (№ 214);

Одна страница предисловия (№ 215);

Наиболее полный вариант словаря, хорошей сохранности, но уже реставрированный (№ 216);

Дублет № 216 (№ 217);

Имеется вариант №№ 214 и 216, однако нумерация листов не совпадает. По всей вероятности, есть кое-какие отличия, ныне еще не выявленные (№ 218);

Фрагмент одной страницы (№ 685).

К такому же типу литературы принадлежит ксилограф, называемый „Гомофоны" (рис. 3, *7*) 同音 (№ 207). Данный словарь тангутских иероглифов расположен по начальным фонемам. Они разделены на 9 классов, причем каждая гомофонная фонетическая группа отделена кружком.

Предисловие и послесловие к словарю дают возможность определить дату составления „Гомофонов" — 24 ноября 1132 г. Сохранность памятника хорошая.

Имеется исправленное и дополненное издание № 207 (№ 208). Ему придано новое предисловие, а также новые группы и разделы. На обороте листов — рукописные объяснения значений иероглифов.

Есть вариант № 206 (№ 209). Отличие его только в том, что кружки, отделяющие одну фонетическую группу от другой, закрашены киноварью и нет рукописных объяснений на обороте листов. Сохранность удовлетворительная.

В большом количестве в собрании Института представлены различные иероглифические сборники.

Ксилограф „Иероглифическая смесь" (рис. 3, *8*) (№ 210) 字雜, представляющий собой список самых обиходных тангутских слов, расположенных тематически, но без объяснений. Книга разделяется на три главы: небо, земля и люди. Каждая глава в свою очередь заключает в себе известное количество слов, объединенных тематически. В нашей коллекции сохранились: 1 глава — последний отдел „Млечный путь"; 2 глава — земля и горы, реки, моря, драгоценности, материи, мужская и женская одежда, деревья, овощи, травы, злаки, лошади, верблюды, коровы, козы, птицы, дикие животные, пресмыкающиеся и насекомые; 3 глава — остались только тангутские фамилии, собственные имена, китайские фамилии, родство, различные отношения между людьми, части тела, жилище, еда, утварь. Сохранность памятников плохая и пользоваться ими очень затруднительно.

„Море иероглифов" (рис. 3, *9*) 文海 — полное название: „Море иероглифов, установленных святым (?)" (№ 211). Это рифмованный тангуто-китайский словарь. Расположен по 97 рифмам ровного тона (пин-шэн); местами встречаются указания на то, что данный иероглиф читается и под другим тоном.

В словаре поясняется структура самого иероглифа (анализ составных частей), значение его и фонетика (по методу фань-це). Указываются иероглифы, имеющие то же чтение. По своей композиции словарь напоминает китайские словари типа „Гуан-юнь". Словарь в удовлетворительном состоянии. Имеется также второй, только далеко не полный экземпляр словаря (№ 212). В нем сохранились рифмы: конец 12-й, 13-я и начало 14-й, конец 17-й, начало 18-й, конец 50-й, 51-й — начало 71-й.

„Смешанные категории моря иероглифов" (рис. 3, *10*) 文海雜類 (№ 213). Этот памятник представляет собой тоже ксилографический тангуто-китайский иероглифический словарь, расположенный по тонам, а внутри тонов по фонемам. Судя по способу пояснений иероглифов, он составлен на основе ксилографа „Море иероглифов" (№ 211); сохранность словаря удовлетворительная.

Особый интерес представляют тангутские фонетические таблицы (рис. 3, *11*) (№№ 620—624). Эти рукописи неболь-

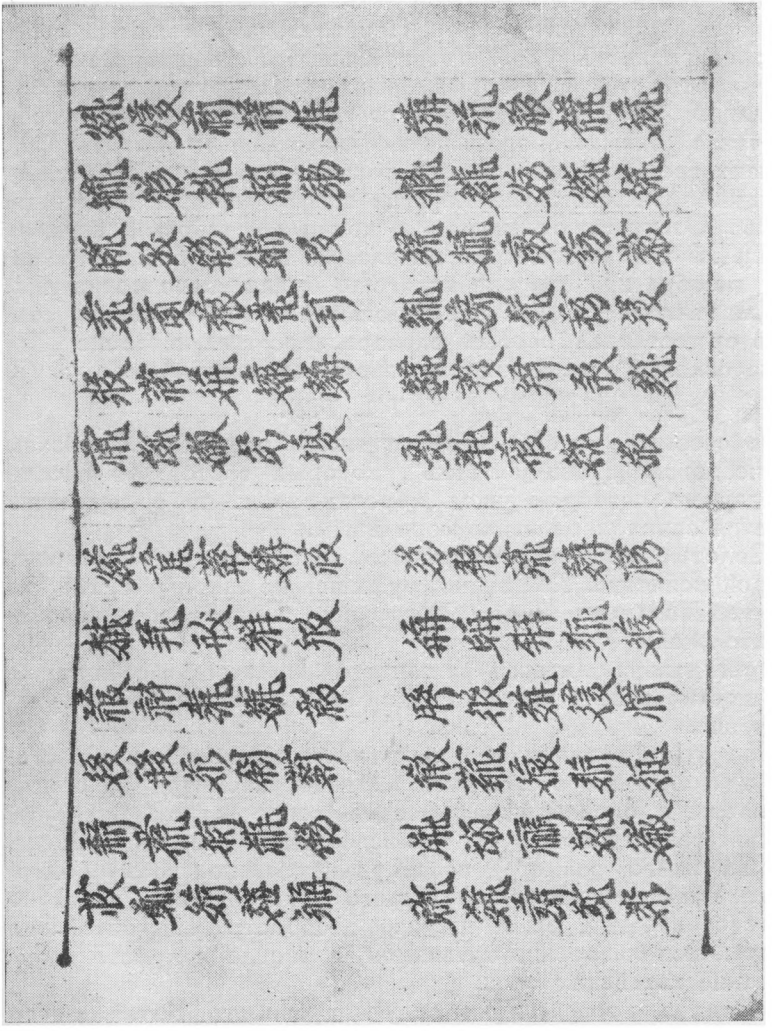


Рис. 2. Фонетические таблицы.

шого размера (10 × 13), сброшюрованные „бабочкой", датированы 1173 г. Они представляют собой перечни иероглифов, расположенных фонетически. Основным из них, наиболее

полным является № 620. Судя по почерку и бумаге, некоторые страницы его (1—7, 12—13) включены позднее; в данном экземпляре нехватает первых двух страниц. На последнем листе наклеена страница с неизвестным письмом (10 знаков) и указана дата (тангутская). Переплетена в кожаный переплет; сохранность удовлетворительная. Есть несколько вариантов этих таблиц. Первый из них — тоже рукопись, но без начала (№ 621). Второй вариант таблиц заключает в себе окончание фонем ровного и начала восходящего тона (№ 622). Вариант третий очень плохой сохранности (№ 623). Между таблицами дополнительно вклеены списки иероглифов данной рифмы. Отсутствуют начало и конец. Четвертый вариант таблиц (№ 624) не имеет ни начала, ни конца. Таблицы написаны на обратной стороне какого-то буддийского сочинения.

Для начального обучения иероглифическому письму у тангутов существовал особый словарь, носящий название „Золотые осколки" и „Крупинки золота на ладони" (рис. *3*, *12*) 新集金碎掌直文 (№№ 741, 742).

По своему замыслу он имеет много общего с китайским тысячесловом „Цянь-цзы-вэнь", который состоит из тысячи ни разу не повторяющихся иероглифов и по содержанию является сочинением этико-моральным.

„Золотые осколки" — рукопись на бумаге, одна сторона которой исписана. Как видно, рукопись не закончена, так как в книге заполнено только 20 страниц. Сохранность удовлетворительная.

Оригинальная литература тангутов включает в себя также оды, поэтические тексты, народные пословицы и поговорки, изречения.

Тангутские стихи и оды представлены в коллекции Института несколькими сборниками. Однако, несмотря на оригинальность и своеобразное расположение строф (тангуты предпочитали не пяти- или семисложные китайские строфы, а стихи иного размера), поэзия тангутов по своему содержанию имеет очень много общего с китайской и частично тибетской поэзией. Были широко распространены китайские сюжеты, использование китаизмов, а иногда и просто заимствование китайских слов.

В стихах, воспевающих седую древность Китая и его легендарных правителей, мы встречаем, например, следующие строки:

„Яо и Шунь были страшно добры —
Не было слышно при них про отцов и братьев дурных.

Вэнь-Ван из Чжоу любил веселиться с людьми,
Дети свои, дети других, лицом ему были равны".

А также такие строки:

„Под августейшим Небом все покорны ему,
На континенте-земле он единый владыка,

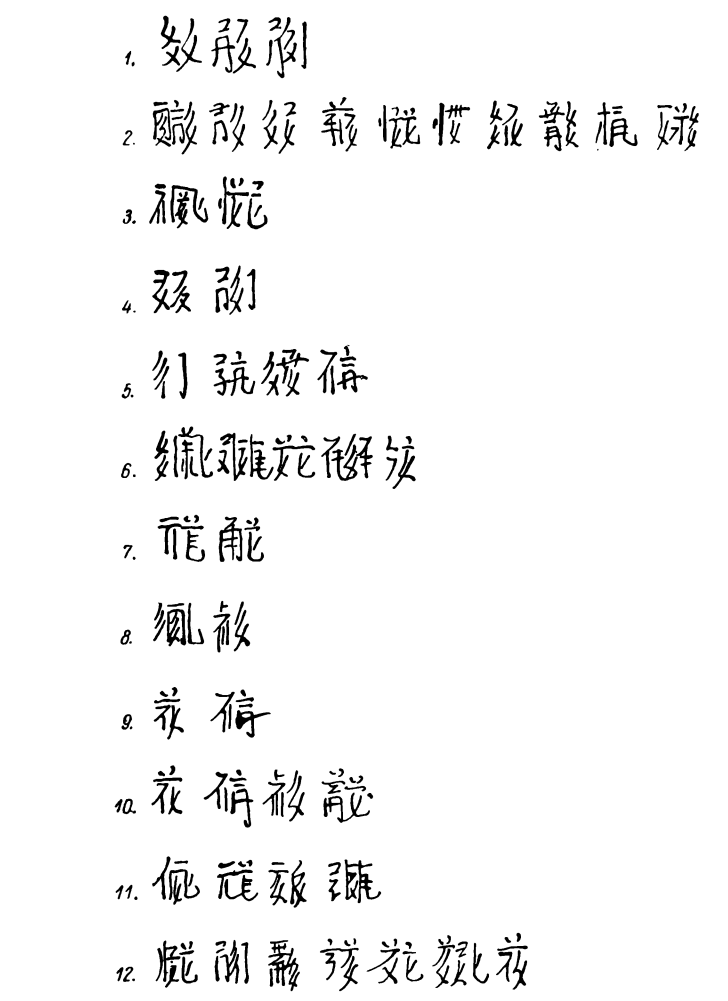


Рис. 3. Тангутские названия основных указанных в статье сочинений.

На царей (всех) восьми направлений гнева не подымает
С народами четырех морей мир совместный берет".[1]

Здесь выражения „восемь направлений", „четыре моря" — типичные китаизмы.

Изречения являлись своеобразным видом поэзии, так как они располагались параллельными строфами и имели одинаковое количество слогов. Эти изречения, не составляя обычно особого сборника, встречаются в разных памятниках. Они, как и пословицы, являются не только выражением народной мудрости, но проливают некоторый свет на общественные отношения тангутов, их быт и занятия. Среди изречений указанного выше сборника „Море иероглифов" мы встречаем, например, такие:

1) „Умный человек женское поведенье в расчет принимает,
Глупый человек женскою наружностью дорожит".
2) „Обладающий скотом не богат,
Обладающий умом богат".
3) „Старший брат род продолжает,
Младшие братья ночуют где попало".

В коллекции имеется лишь один сборник изречений, составление которого относится к 1176 г. Его составитель, судя по предисловию, тангутский ученый Лян Дэ-ян (по фамилии — китаец). Эта книга была отредактирована после его смерти Ван Жэнь-чи; издана в 1187 г. Небезынтересно привести некоторые образцы изречений:

1) „Как муравей ни старайся, на царя-льва похожим не станешь.
Как муха ни прихорашивайся, с златокрылой птицей видом не сравниться".
2) „Нет лучших близких, чем отец с матерью,
Нет мяса вкуснее, чем мясо на костях".
3) „У разумного отца безрассудный сын на отце сидит; отец умрет, он вниз свалится".
4) „У безрассудного отца разумный сын под отцом находится; отец умрет, он вверх вылезет".
5) „(Человек) с жалованьем незначительным на государственной службе ревнителен, жена некрасивая мужу верна".
6) „Неприкрашенные две красоты: молодость и зелень.
Неподмазанные две уродливости: бедность и старость".
7) „Если у богатого скот еще не истощался,

[1] Доклады группы востоковедов на сессии Академии Наук СССР 20 марта 1935 г., стр. 76.

то когда неудачник-сын подрастет, — исчерпать будет нетрудно".

8) „Большое делая, — не торопись.
Далеко отправляясь, — не спеши".

9) „Непреложность смерти железом не свяжешь,
Быстротечность жизни пешком не догонишь".[1]

Несомненно, что эти изречения, так же как и пословицы, в ряде случаев повторяют китайские. Это, в частности, еще раз свидетельствует о большом культурном влиянии Китая на тангутов.

Вторым разделом небуддийской части тангутской коллекции являются переводы, главным образом с китайского языка. Здесь также можно наметить по содержанию ряд групп. Прежде всего это переводы конфуцианского толка.

Конфуцианская литература проникала к тангутам вместе с китайской культурой и в этом отношении собрание Института раскрывает перед нами картину влияния конфуцианства на жизнь тангутского государства.

Среди рукописей и ксилографов обнаружены следующие переводы китайских классических книг этико-морального содержания:

1) книга цитат китайских мыслителей имеется в собрании в различных изданиях (№№ 134—138), — это ксилографы, сброшюрованные „бабочкой";

2) ксилограф переводов с китайского языка изречений Конфуция (с комментариями) — главы 5, 15, 19, 20 Лунь-юя (№№ 147—149);

3) переводы Мэн-цзы (глава Ли-лоу), рукопись (№№ 360, 766, 774).

Вторая группа — памятники военного содержания. Тангуты широко использовали богатую китайскую литературу не только конфуцианского содержания. Они изучали и переводили также и военные сочинения. Последние помогали тангутским властителям создавать свою армию, вести войны с внешними врагами и подавлять внутренние восстания.

Собрание отражает большую работу тангутов в этой области. Имеется ряд ксилографов и рукописей, переводов военно-тактических сочинений и, главным образом, труда Сунь-цзы „Военная тактика с тремя комментариями" (№№ 579, 771—773, 775). Ксилографы содержат переводы: книги 2, где отсутствуют начало и конец (№ 579), конец книги 2 (№ 772),

[1] Там же, стр. 77—78.

книги 3 (испорчена стр. 36; № 773), книги 3 и часть биографии Сунь-цзы (попорченный экземпляр № 774); фрагменты книги 3 и биографии Сунь-цзы (№ 775) (написаны курсивом).

Кроме того, собрание Института содержит перевод „Трех тактик" и „Шести секретов". „Три тактики" представлены ксилографами в трех вариантах (№№ 579, 715, 716), однако все они дефектны — в каждом отсутствуют начало и конец.

„Шесть секретов" — перевод с китайского языка классического труда по тактике „Лю-тао" — имеется в нескольких книгах (№№ 139, 140, 768, 769 и 770), содержащих отдельные тома этого труда: том I (№№ 139—140), часть IV тома (№ 768) и фрагмент II тома (№ 769).

Один из ксилографов является особым изданием „Лю-тао" и отличается тем, что в него включены части текста, отсутствующие в обычных изданиях (№ 770).

В несколько меньшем объеме имеется даосская литература. Это переводы цитат Лао-цзы, Ле-цзы, Чжуан-цзы, Хуай-наньцзы и других. Памятники такого содержания единичны. К ним примыкают также фрагменты книг гаданий, как то: „Оракул и гадания по И-цзину", „Сборник тайн пяти планет", фрагменты по физиомантии и другие мелкие гадательные и заклинательные записки. Имеются также фрагменты календаря и образцы медицинской литературы. Но все это представлено во фрагментарном, отрывочном виде и поэтому полного представления о распространении подобного рода литературы у тангутов мы пока не можем получить.

Все вышеизложенное говорит о богатстве тангутского собрания Института и его исключительной ценности.

К сожалению, за последние годы систематической работы над коллекцией не велось. Необходимо возобновить ее, продолжить дешифровку тангутских иероглифов, с целью пополнения тангуто-русского словаря. Это даст возможность ввести в научный оборот уникальную небуддийскую часть коллекции, не имеющую себе равной ни в одной из других коллекций за рубежом.

Работа над тангутскими рукописями и ксилографами сможет пролить свет на ряд проблем, связанных с общественно-экономическими отношениями тангутов, их языком, бытом и уровнем культуры, проблем, которые до сих пор изучались, главным образом, по отрывочным данным китайских династийных историй и других исторических трудов. Работа над небуддийской частью коллекции даст возможность проверить эти данные, значительно расширить и углубить наши сведения о тангутах и государстве Си Ся. Эта работа обогатит

как востоковедение, так и историческую науку новыми данными по истории Центральной Азии XI—XIII вв., вскроет далекое прошлое монгольской южной окраины и китайской провинции Ганьсу, где существовало более 200 лет государство тангутов.

Богатейшая коллекция тангутских рукописей и ксилографов Института востоковедения явится базой для развития новой, молодой отрасли в изучении Востока — тангутоведения.

Л. С. ПУЧКОВСКИЙ

СОБРАНИЕ МОНГОЛЬСКИХ РУКОПИСЕЙ И КСИЛОГРАФОВ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Вопрос о том, когда и кем было начато собирание монгольских письменных материалов, представляет большой интерес для истории русского монголоведения. Однако, историю Собрания монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии Наук СССР можно проследить пока только в общих чертах, так как сведения, имеющиеся в литературе и архивных материалах, в ряде случаев оказываются недостаточными и неясными.

Востоковедение являлось одной из отраслей русской науки, успешно развивавшейся уже в XVIII в. Развитию русского востоковедения в большой степени способствовало усиление экономических и политических связей России со странами Ближнего и Дальнего Востока. Гениальный русский ученый М. В. Ломоносов, включивший в круг своих интересов едва ли не все основные области знания, уделял внимание и востоковедению. Он считал, что в Петербургском университете необходимо создать три факультета: юридический, медицинский и философский, и в числе профессоров философского факультета иметь профессора „древностей и ориентальных языков".[1] Востоковедением, по мысли М. В. Ломоносова, следовало заниматься в Академии Наук или даже в особом востоковедном учреждении. Так широко этот вопрос М. В. Ломоносов ставил, имея в виду близость России к Азии. По его словам, „в академическом стате о том (о профессорах восточных языков, — *Л. П.*) не упоминается, затем что тогда профессора ориентальных языков не было, хотя по соседству

[1] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 829, л. 9 об.; ср.: Билярский. Материалы для биографии М. В. Ломоносова. СПб., 1865, стр. 426.

(с азиатскими странами, — *Л. П.*) не токмо профессору, но и целой ориентальной Академии быть полезно".[1]

Наряду с чисто практической задачей — обучением восточным языкам — возникали и научные интересы, которые получили выражение, прежде всего в работе по собиранию сведений о восточных странах и материалов на языках их народов.

Монгольские и тибетские рукописи и ксилографы, обнаруженные в развалинах монастыря Аблай-хит на Иртыше были доставлены в Петербург,[2] по всей вероятности, на основании указа Петра I от 13 февраля 1718 г. „О приносе родившихся уродов, а также найденных необыкновенных вещей". Указ имел в виду „также какие старые подписи на каменьях, железе и меди... и прочее все, что зело старо и необыкновенно".[3] И. Бакмейстер сообщает, что указанные рукописи были присланы в 1720 г.,[4] однако он не называет источников этой даты и не приводит других сведений об обстоятельствах, при которых эти материалы были найдены.

Необходимо отметить, что сообщение Б. Дорна „1720—1. Указ Петра Великого Сибирскому губернатору о передаче редких и достопримечательных предметов в Кунсткамеру"[5] не имеет ссылок на источники и является неточным. В действительности, указы 1720 и 1721 гг., посланные в Сибирскую губернию, а также в Берг- и Мануфактур-коллегию, относились к вопросу о покупке золотых изделий, найденных при археологических раскопках.[6]

---

[1] Архив АН СССР, ф. 20, оп. 1, № 1, л. 172; ср.: Билярский, ук. соч., стр. 446.

[2] De scriptis tanguticis in Sibiria repertis, Commentatio Gerardi Friderici Mülleri, Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae, t. X, 1747, стр. 420—468. (В этой работе „тангутскими" названы тибетские рукописи).

[3] Полное собрание законов Российской империи, т. V, 1830, № 13159, стр. 541—542 (в дальнейшем цитируется: Полн. собр. законов). Указ приведен у П. Пекарского: Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1865, стр. 54.

[4] Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской императорской Академии наук, изданный на французском языке Иоганном Бакмейстером, под-библиотекарем Академии Наук и на российской язык переведенный Васильем Костыговым, СПб., 1779. — Эта же дата приведена: B. Dorn. Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg, 1846, стр. 2 (в дальнейшем цитируется: Б. Дорн); Н. В. Кюнер. Описание Тибета, ч. II, вып. 1, Владивосток, 1908, стр. 97—98.

[5] Б. Дорн. Азиатский музей. В книге: Очерк истории музеев Академии Наук, СПб., 1865, стр. 81.

[6] Указ 16 февраля 1721 г. „О покупке в Сибири куриозных вещей

Весьма вероятно, однако, что собиранию восточных, в том числе и монгольских рукописных материалов, в значительной степени содействовали указы: 1720 г. декабря 20 „О присылке из монастырей Российского государства жалованных грамот“ [1] и 1722 г. февраля 16 „О присылке из всех епархий и монастырей древних рукописных летописей и подобных книг в Москву в Синод“.[2]

Поисками монгольских материалов занимался также Д. Г. Мессершмидт, которому, в числе многих других задач, было поручено также собирание монгольских, тунгусских [3] и китайских рукописей.[4] В дневнике этого путешественника сохранилась запись (20 мая 1724 г.) о том, что он поручил ламе Карабанди подыскание монгольских и других рукописей.[5] Однако, как сообщает тот же автор, материалы, собранные этим ламой, „не стоили тех трудов, которые он затратил на их приобретение“ (запись 19 марта 1725 г.).[6] Все же при своем возвращении из Сибири в 1728 г. Д. Г. Мессершмидт привез монгольские и тибетские материалы.[7] Обнаружить их пока не удалось и о поступлении некоторых из них в Академию Наук имеется только одно, не совсем ясное, упоминание.[8]

Монгольскими и тибетскими материалами в развалинах Аблай-хита интересовался также П. С. Паллас. Сам он не посетил этого места, а командированный им Н. Соколов доставил ему только „истлевшие остатки рукописей, которые он смог извлечь из груд мусора в большом храме этого

и о присылке оных в Берг и Мануфактур Коллегию“ содержит также указ 1 сентября 1720 г. по этому же вопросу (Полн. собр. законов, т. VI, № 3788, стр. 357—358).

[1] Этим указом предписывалось „во епархиях и монастырях и соборах прежние жалованные грамоты и другие куриозные письма оригинальные, такодже и исторические рукописные и печатные книги пересмотреть и переписать губернаторам и вице-губернаторам и воеводам и те переписанные книги прислать в Сенат...“ (Полн. собр. законов, т. VI, № 3693, стр. 277).

[2] В Указе содержалось требование: „...древних лет рукописанные на хартиях и на бумаге церковные и гражданские летописцы, степенные, хронографы и прочие сим подобные ... взять в Москву в Синод и для известия оные списать и те списки оставить в библиотеке, а подлинные разослать в те же места, откуда будут взяты по прежнему...“ (Полн. собр. законов, т. VI, № 3908, стр. 511—512).

[3] Ошибочно вместо „тангутских“, как в то время называли тибетские рукописи.

[4] П. Пекарский, ук. соч., стр. 359.

[5] Архив АН СССР, ф. 98, оп. 1, № 3, л. 122 об.

[6] Там же, № 4, лл. 41 об.—42.

[7] De scriptis tanguticis in Sibiria repertis..., стр. 453.

[8] Архив АН СССР, ф. 21, оп. 1, № 3, л. 8 об.

монастыря".[1] Относительно этих материалов И. Бакмейстер кратко сообщает, что „остаток сих писем [рукописей] собран был г. статским советником Миллером и профессором Палласом во время бытия их в Сибири".[2]

Поступления всех этих материалов дали И. Бакмейстеру основание считать, что „Библиотека Академии Наук обильно снабдена тангутскими и монгольскими письмами" [рукописями]. Однако, по его же словам, „за незнанием этих языков не имеем дальнейшего о них [рукописях] сведения".[3] Впоследствии с ними ознакомился И. Иериг, знавший монгольский язык и сам занимавшийся собиранием монгольских рукописей и ксилографов. Несомненно, что он мог более правильно определить ценность этих материалов, чем И. Бакмейстер. И. Иериг нашел, что „монгольская премудрость, о которой с такой похвалой отзывается И. Бакмейстер, представляет обрывки, которые стоит хранить разве лишь потому, что они уже хранятся".[4] И. Иериг привел их в порядок, насколько это было возможно, а затем „они должны были уступить место новым пришельцам".[5] Некоторые из них, повидимому наиболее хорошо сохранившиеся, вошли впоследствии в состав I коллекции Собрания монгольских рукописей по классификации „Каталога Зере".[6] „Новыми пришельцами", по всей вероятности, явились монгольские рукописи и ксилографы, собранные для Академии Наук в течение нескольких лет И. Иеригом,[7] который в 1789 г. составил список этих материалов. Они состояли из сочинений: тибетских (№№ 1—12); тибетских с монгольским переводом (№№ 13—24) и монголь-

[1] P. S. Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches, Zweiter Theil, zweites Buch, St.-Petersburg, 1773, стр. 551.

[2] Опыт о библиотеке. . ., стр. 87.

[3] Там же, стр. 87—88.

[4] Über die mongolischen Bücher der hiesigen akademischen Bibliothek. Journal von Russland, Dritter Jahrgang, Zweiter Band, St.-Petersburg, 1796, стр. 122.

[5] Там же.

[6] Под таким названием среди монголоведов известен анонимный „Список монгольским и калмыцким книгам и рукописям, хранящимся в Азиатском музее по хронологическому поступлению в состав библиотеки Азиатского музея. Март 1891 г.". В дальнейшем в настоящей статье обозначение коллекций I—X дано согласно „Каталогу Зере".

[7] И. Иериг (? —1795), проживая среди волжских калмыков, самостоятельно научился их языку. В 1773—1774 гг. участвовал в экспедиции П. С. Палласа, который был обязан И. Иеригу многими сведениями по этнографии, религии, языку и отчасти истории монгольских народов России. В дальнейшем И. Иериг по поручению Академии Наук продолжал свои занятия и собирание материалов в различных областях монголоведения.

ских (№№ 25—163). В списках указаны их заглавия или же в нескольких словах изложено их содержание.[1] Кроме того, он упоминает о небольшом количестве разрозненных листов, не говоря ничего об их содержании.[2]

В дальнейшем монгольские рукописи и ксилографы в числе других материалов на восточных языках были переданы в Азиатский музей (первоначально называвшийся Восточным кабинетом), который был основан 11 ноября 1818 г. Об этом подробно сообщает Х. Д. Френ в своем предварительном отчете о состоянии Азиатского музея.[3]

Монгольские материалы, список которых был составлен И. Иеригом, образовали I коллекцию Собрания монгольских рукописей, согласно „Каталогу Зере", где отмечено, что эти материалы „находились уже до него [И. Иерига] в тогдашнем Восточном отделении [?] Библиотеки Академии Наук или же были Иеригом пожертвованы; много списано им собственноручно".[4] При составлении „Каталога Зере" был использован список И. Иерига. Это видно из того, что в „Каталоге" в основном сохранено деление на отделы и нумерация, данные И. Иеригом: „А) Тиб.-Монгольские сочинения" (№№ 13—24);[5] „В) Монгольские сочинения" (№№ 25—163)[6] (ср. выше, стр. 93—94). Добавления из разрозненных листов, упомянутые И. Иеригом (ср. выше, стр. 94), в „Каталог" не занесены. Вместо них имеются: „С) Дополнения к каталогу" (№№ 1—7)[7] и „Д) Книги, принадлежащие к этой коллекции, без нумерации" (х 1—х 5).[8]

Повидимому, в первой четверти XIX в. были собраны те рукописи, которые составили II коллекцию Собрания монгольских рукописей. Это — „Коллекция большею частью ойратских мелких рукописей, приобретение которых относится к первым годам существования Аз. музея, но неизвестно к какому именно году и у кого они были куплены".[9] В эту коллекцию

[1] Verzeichniss des Inhaltes Mongolischer und Tübetischer theils gedruckter, theils geschriebener Bücher und Schriften... Gesammelt durch Iohannes Jährig... Über die Mongolischen Bücher der hiesigen akademischen Bibliothek, Journal von Russland, Dritter Jahrgang, Zweiter Band, St.-Petersburg, 1796, стр. 126—134.

[2] Там же, стр. 134.

[3] Приведен: Б. Дорн, стр. 201—216; монгольские сочинения отмечены на стр. 202, 213 (ср. стр. 27).

[4] Каталог Зере, стр. 1.

[5] Там же.

[6] Там же, стр. 1—12.

[7] Там же, стр. 12—13.

[8] Там же, стр. 13.

[9] Там же, стр. 14.

входят: „А) Книги, номерация коих произведена А. В. Поповым" (№№ 1—75) и „В) Книги, номерованные А. В. Поповым в 1849 г.".[1]

Согласно краткому обзору Азиатского музея, составленному Х. Д. Френом в 1829 г., среди восточных материалов имелось 180 единиц тибетских, монгольских и ойратских сочинений.[2]

В 1833 г. этих сочинений, по сообщению того же автора, имелось 207 единиц, из которых 27 поступили в том же году.[3] В числе последних, возможно, находились „Книги, приобретенные через г. Фуса младшего в Пекине, в 1833 (?) году".[4] Эти материалы образовали III коллекцию Собрания монгольских рукописей; по списку, составленному И. Я. Шмидтом, она содержит №№ 1—18.[5]

В 1835 г. в Азиатский музей поступила I коллекция П. Л. Шиллинга, состоявшая из 314 сочинений (свыше 2600 единиц хранения) на китайском, маньчжурском, тибетском, монгольском и других языках.[6] В том же году И. Я. Шмидт дал обзор этой коллекции,[7] отметив наиболее ценные монгольские сочинения.[8] Число монгольских сочинений в этой коллекции очень невелико, всего 19. Они составили IV коллекцию Собрания монгольских рукописей.[9]

В том же году в состав Азиатского музея вошла коллекция Петра Каменского[10] из 43 сочинений на тибетском и монгольском языках.[11] Монгольских сочинений в ней только 13. Они составляют V коллекцию Собрания монгольских рукописей.[12]

---

[1] Там же, стр. 14—21.
[2] Б. Дорн, стр. 385.
[3] Там же, стр. 444.
[4] Каталог Зере, стр. 21.
[5] Там же, стр. 21—23.
[6] Б. Дорн, стр. 68—69.
[7] Там же, стр. 469—487.
[8] Там же, стр. 485—487.
[9] Каталог Зере, стр. 24—26. У Б. Дорна указано общее число тибетских и монгольских сочинений — 39 (Б. Дорн, стр. 474).
[10] Петр Каменский (род. в 1765 г.) в качестве студента восьмой духовной миссии отправился в 1794 г. в Пекин, где занимался маньчжурским и китайским языками. Вернувшись в 1809 г. в Петербург, служил переводчиком в иностранной коллегии. С 1820 по 1830 г. был начальником десятой духовной миссии в Пекине. Ревностно проводил политику Синода и царского министерства иностраных дел.
[11] Б. Дорн, стр. 69.
[12] Каталог Зере, стр. 26—28. По списку, составленному И. Я. Шмидтом, коллекция содержит №№ 1—27. Однако №№ 1—12 представляют несколько томов одного сочинения, а №№ 13—16 — тома другого сочинения. Таким образом, названий сочинений оказывается только 13.

В 1838 г. в Азиатский музей была передана II коллекция П. Л. Шиллинга (после его смерти в 1837 г.). По словам Б. Дорна, она была не менее значительна, чем его I коллекция.[1] Свою II коллекцию П. Л. Шиллинг купил у А. В. Игумнова,[2] который имел „огромную монгольскую библиотеку".[3] Собственноручные пометки А. В. Игумнова имеются на нескольких рукописях и ксилографах этой коллекции, например: „Получена 1800 года. От Цонгольских капищей через брата Петра Васильевича Игумнова";[4] „Напечатана при Чикойских Цонгольских монгольско-бурятских кумирнях при мне деревянным стереотипом, вырезанным из... [?] 18. 7. V. 29."[5] и т. д. Предварительный список тибетских и монгольских сочинений этой коллекции был составлен И. Я. Шмидтом.[6] Монгольские сочинения коллекции А. В. Игумнова образовали VI коллекцию Собрания монгольских рукописей. Согласно „Каталогу Зере", она содержит 166 единиц хранения, однако число названий несколько меньше этой цифры, ввиду того что в ней имеются сочинения в нескольких томах, а также ряд дублетов.[7]

В 1840 г. в Азиатский музей в числе тибетских сочинений поступило одно монгольское. Согласно „Каталогу Зере", это — „Книга, купленная за счет Аз. музея в 1840 г. в Пекине В. П. Васильевым".[8]

В 1847 г. поступили монгольские материалы, которые в „Каталоге Зере" обозначены как „Книги, приобретенные

---

[1] Б. Дорн, стр. 85.

[2] Александр Васильевич Игумнов (1761—1834) — один из первых русских монголоведов. Служил толмачом в кяхтинской пограничной канцелярии. Сопровождал в качестве переводчика седьмую духовную миссию в Пекин в 1781 г. и посольство графа Головкина до Урги в 1805 г. С 1822 г. до конца своей жизни служил переводчиком в Иркутске и преподавал монгольский язык в Иркутской духовной семинарии. А. В. Игумнов составил большой монгольско-русский словарь и работал над составлением монгольской грамматики. Эти работы, к сожалению, не сохранились. Из многочисленных переводов, статей и заметок А. В. Игумнова были напечататы только работы: 1) „О нынешнем состоянии Монголии" (Сибирский вестник, 1819, ч. V, стр. 1—44) и 2) „О происхождении письмен монгольских" (Казанские известия, 1816, № 21 стр. 116—117).

[3] Извлечение из дневных записок, веденных кандидатом Ковалевским в Иркутске, по 15 число ноября 1828 года, Казанский вестник, кн. II и III, 1828, стр. 122, 137—139. — Н. Щукин. А. В. Игумнов. Сын отечества и Северный архив, т. II, СПб., 1839, отд. III, стр. 94—95.

[4] Собрание монгольских рукописей, С 246.

[5] Там же, С 79; см. также С 57, С 59 и др.

[6] Б. Дорн, стр. 113.

[7] Каталог Зере, стр. 28—43.

[8] Там же, стр. 43.

для библиотеки Аз. музея от наследников акад. Шмидта" (№№ 1—47). Они составили VIII коллекцию Собрания монгольских рукописей.[1]

В 1863—1865 гг., по сведениям Б. Дорна, в Азиатском музее имелось 390 монгольских, а также 562 тибетских, тибетско-монгольских и других рукописей и ксилографов.[2] Эти весьма краткие и общие данные показывают, что собрание монгольских рукописей в то время еще не было образовано. Установить в этом отношении какую-либо точную дату, повидимому, не представляется возможным.

В 1864 г. Азиатский департамент Министерства иностранных дел передал Азиатскому музею большое собрание восточных материалов. Первоначальный состав этого собрания был известен по печатному каталогу, в котором монгольские сочинения помещены под №№ 457—499.[3] Под теми же номерами эти сочинения вошли в состав IX коллекции Собрания монгольских рукописей и значатся в „Каталоге Зере" как „Сочинения по [печатному] каталогу".[4]

В дальнейшем собрание восточных материалов, в том числе и монгольских, в Азиатском департаменте было значительно пополнено.[5] Эти добавления также были переданы в Азиатский музей, причем монгольские материалы были включены в собрание монгольских рукописей. В „Каталоге Зере" они обозначены: „Сочинения по Прибавлению к [печатному] Каталогу" (№№ 1008—1036а)[6] и „Дополнения к [печатному] Каталогу" (№№ 6—10 и 31).[7]

О времени поступления в Азиатский музей X коллекции собрания монгольских рукописей в „Каталоге Зере" ничего не сказано. Отмечено только, что эту коллекцию составляют „Книги, принадлежность которых к одной из вышеозначенных коллекций определить не удалось". Эта коллекция содержит №№ 1—23.[8]

---

[1] Там же, стр. 84—89.

[2] Б. А. Дорн. Азиатский музей. В книге: Очерк истории музеев Академии Наук, стр. 78.

[3] [Составленный Аввакумом Честным] Каталог книгам, рукописям и картам на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящимся в Библиотеке Азиатского департамента, СПб., 1843, стр. 76—82; то же, СПб., 1844, отд. III, стр. 1—4.

[4] Каталог Зере, стр. 49—54.

[5] B. Dorn. Die Bereicherungen des Asiatischen Museums im J. 1864. Mélanges Asiatiques, tirés du Bulletin de l'Académie Imperiale des Sciences de St.-Pétersbourg, t. V, 1868, стр. 370.

[6] Каталог Зере, стр. 55—58.

[7] Там же, стр. 58.

[8] Там же, стр. 59—62.

Не представляется пока возможным с точностью установить время поступления в Азиатский музей и некоторых других коллекций, вошедших впоследствии в Собрание монгольских рукописей, например коллекции б. Казанской духовной академии (КДА) (№№ 1—453). Можно предположить, что эта коллекция поступила в Азиатский музей во второй половине XIX в., после того как преподавание восточных языков было перенесено из Казанского университета в Петербургский, где в 1855 г. открылся Восточный факультет. Туда же из Казани были переданы восточные материалы (в том числе и монгольские) за время с сентября 1855 г. по март 1857 г.[1]

Не имеется также определенных сведений о том, когда в Азиатский музей поступила коллекция А. М. Позднеева (содержит №№ 1—401). Можно полагать, что это произошло в самом конце XIX в. после возвращения А. М. Позднеева из его последнего путешествия по Монголии в 1892—1893 гг.

Повидимому, к началу XX в. относится поступление в Азиатский музей коллекции (№№ 1—48) К. Ф. Голстунского, скончавшегося в 1899 г.

С начала XX в. в Азиатский музей стали поступать коллекции Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии: I коллекция (№№ 1—17), собранная в 1903 г., поступила в 1904 г.[2] II коллекция (№№ 1—63) была собрана в 1904 г., поступила в 1905 г.[3] Согласно инвентарным записям, III коллекция (№№ 1—131) поступила в 1911 г.; IV (№№ 1—9) — в 1914 г.

Коллекции Б. Я. Владимирцова поступали в такой последовательности: I коллекция (№№ 1—36) — в 1914 г.,[4] II (№№ 1—43) — в 1915 г., III (№№ 1—11) — в 1925 г., IV (№№ 1—23) — в 1929 г. и V (№№ 1—16) — в 1927 г. (?).

За время с 1925 по 1937 г. была составлена коллекция „Mongolica nova“ (№№ 1—498). В ней были объединены единичные рукописи и ксилографы, поступившие от разных лиц и (в отдельных случаях) — от научных учреждений.

---

[1] Материалы для истории факультета восточных языков, т. IV. Обзор деятельности факультета 1855—1905 гг., составленный В. В. Бартольдом, СПб., 1909, стр. 100—102.

[2] Протокол Историко-филологического отделения Академии Наук от 8 декабря 1904 г., § 323.

[3] То же, от 16 февраля 1905 г., § 58.

[4] Список ее см.: Отчет Б. Владимирцова о командировке к баитам Кобдоского округа. Известия Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии, сер. II, № 1, СПб., 1912, стр. 103—104.

Перечисленные выше коллекции содержат, главным образом, монгольские рукописи и ксилографы. Бурят-монгольские материалы находятся большею частью в I и II коллекциях Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии, в I (№№ 1—59) и II (№№ 1—86) Бурят-монгольских коллекциях 1935 г., в коллекции С. Д. Дылыкова (№№ 1—81), поступившей в 1936 г., и коллекции Д. А. Алексеева (№№ 1—28) — последней по времени поступления (1948 г.). Коллекции Собрания монгольских рукописей по своему содержанию очень разнообразны. Это определялось, главным образом, интересами собирателей этих материалов, а также тем, что в течение XVIII и XIX вв. в Монголии самой распространенной и потому наиболее доступной для приобретения была буддийская литература. По этим причинам буддийские сочинения составили значительную часть нескольких коллекций Собрания монгольских рукописей, в особенности — коллекций I—X. Однако в составе их имеются также исторические сочинения, бурятские Уложения, сочинения по медицине, астрономии и т. п. Например, в коллекции КДА среди большого числа буддийских сочинений есть сочинения по истории; несколько документов, относящихся к пограничным делам первой половины XVIII в.; собрание писем, адресованных О. М. Ковалевскому; грамматические сочинения, словари и т. п.

В коллекцию А. М. Позднеева, кроме многочисленных буддийских сочинений, вошли монгольские и ойратские исторические сочинения, материалы по монгольскому, ойратскому и бурятскому фольклору, собрание писем (конца XIX в.) нескольких князей Внутренней и Внешней Монголии об уплате долгов, образцы служебных бумаг и пр.

В небольшой коллекции К. Ф. Голстунского содержатся сочинения по истории ойратов, памятники их законодательства и фольклорные материалы. Около половины этой коллекции составляли небольшие статьи К. Ф. Голстунского и выполненные под его руководством студенческие работы (переводы с примечаниями и т. п.). Все эти материалы переданы в Архив Института востоковедения Академии Наук СССР.

I коллекция Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии состоит, главным образом, из материалов по бурятскому и монгольскому фольклору, а также из небольших сочинений, относящихся к шаманским верованиям и обрядам, на которые оказал большое влияние ламаизм.

Во II коллекции самыми ценными рукописями являются сочинения по истории хоринских бурят, составленные В. Юмсуновым, Ш. Хобитуевым и Т. Тобоевым.

III коллекция, привезенная из Ордоса, является наиболее ценной из этих коллекций. В ней содержится несколько монгольских летописей, а также небольших сочинений по истории монголов. Кроме того, имеется много материалов по фольклору (загадки, пословицы, поговорки), материалы по эпосу, по шаманству и т. п. В IV коллекции следует отметить сочинения по истории распространения буддизма в Монголии и переводы на монгольский язык китайских романов.

В коллекциях Б. Я. Владимирцова наиболее ценными являются памятники монгольско-ойратского героического эпоса, ойратские записи некоторых глав эпоса „Гэсэр" и несколько монгольских переводов китайских исторических романов.

Коллекция „Mongolica nova" очень разнообразна по содержанию: ее составляют монгольские, бурятские и ойратские исторические сочинения, сборники административных распоряжений, образцы служебных переписок, удостоверений, проездных документов; письма частных лиц, фольклорные материалы, отдельные главы „Гэсэра"; сборники гаданий, предсказаний и т. д.

I Бурят-монгольская коллекция 1935 г. содержит несколько сочинений и заметок по истории хоринских бурят, их родословные, списки бурят-монгольского Уложения 1823 г. и т. п. В ней имеются и материалы новейшего времени, например „Собрание различных документов по вопросам мобилизации в 1919 г.".

Во II Бурят-монгольской коллекции 1935 г. содержатся главным образом материалы по этнографии и фольклору бурят-монголов: описания свадебных, новогодних и других обычаев; записи песен, загадок; сборники примет, предсказаний, гаданий и т. п.

В коллекции С. Д. Дылыкова также имеются различные сочинения и материалы по истории хоринских бурят, сборники степных законов.

В коллекции Д. А. Алексеева наиболее ценными материалами являются бурятские родословные и фольклорные записи.

Из этого краткого обзора коллекций Собрания монгольских рукописей можно видеть, что в различных его коллекциях находятся сочинения и материалы одинакового характера. Поэтому представляется целесообразным объединить их тематически и указать на те рукописи и ксилографы, которые содержат наиболее ценные сведения по истории монголов, бурят-монголов и ойратов, их законодательству, эпосу, фольклору, этнографии, истории культуры.

Историческими сочинениями интересовалось большинство собирателей монгольских материалов и они имеются почти во всех коллекциях нашего Собрания. Наиболее ранние памятники монгольской феодальной историографии, дошедшие до нас, относятся к XVII в. В нашем Собрании они представлены в списках XVIII и XIX вв.[1]

Из этих сочинений следует прежде всего назвать „Хад-ундусун-у эрдэни-ин тобчи", т. е. „Драгоценный свод сведений о происхождении ханов". Это сочинение у востоковедов более известно под именем его автора — Саган Сэцэна. Основной список состоит из четырех небольших тетрадей. На титульных листах II, III и IV тетрадей имеется заглавие „Монгол хад-ун туджи", т. е. „История монгольских ханов" и надписи (почерком XVIII в.) „Из книг Новоселова".

Еще О. М. Ковалевский старался „отыскать ... Летопись Сэнэна и приобресть ее для Казанской библиотеки... в силу Инструкции, данной от Университетского совета...".[2] Однако он узнал от А. В. Игумнова, что список „Летописи Сэнэна" в 4 тетрадях, купленный в Пекине между 1795—1807 гг. Василием Новоселовым,[3] от него в 1816 г. в числе других книг получили буряты, вызванные в Петербург для переводческих работ под руководством И. Я. Шмидта. По сообщению О. М. Ковалевского, „г. Шмидт завладел бурятскими книгами, а между прочими и Сэнэновой Летописью".[4] По другим сведениям подлинник сочинения (т. е. данная рукопись) был привезен к бурятам в 1808 г. проживавшим в Пекине учеником школы Российской духовной миссии Василием Новоселовым, и в 1814 г. увезен в Петербург зайсанами хоринских бурят Номту Утаевым и Бадма Моршуновым. У них он был „отобран неким по прозванию Исак Якуб Симид".[5]

---

[1] Содержание и характеристика наиболее значительных из них в статье: Л. С. Пучковский. Монгольская феодальная историография XIII—XVII вв. Ученые записки Института востоковедения АН СССР, т. VI, М.—Л., 1953, стр. 131—166.

[2] О. М. Ковалевский. Извлечение из дневных записок, веденных кандидатом Ковалевским в Иркутске по 15 число ноября 1828 г. Казанский вестник, т. XXV, кн. II и III, февр. и март 1889, стр. 138. В дальнейшем цитируется: О. М. Ковалевский.

[3] Василий Новоселов, будучи студентом восьмой духовной миссии, находился в 1794—1808 гг. в Пекине, где сделал большие успехи в изучении маньчжурского и китайского языков. Вернувшись из Пекина, служил переводчиком маньчжурского языка в Иркутске. В 1828 г. О. М. Ковалевский уже не застал его в живых.

[4] О. М. Ковалевский, стр. 138—139.

[5] Перевод монгольской надписи на внутренней стороне обложки копии данного списка. Собрание монгольских рукописей, I 42.

Следует еще отметить, что, повидимому, в то время, когда эта рукопись находилась у бурят, с нее был сделан первый русский перевод неким Татауровым еще до ее издания И. Я. Шмидтом.[1] Перевод нескольких отрывков из труда Саган Сэцэна был опубликован И. Я. Шмидтом в 1818 г. в связи с вопросом о происхождении монгольского языка и письменности.[2] В 1829 г. тот же автор издал полный текст этого списка с переводом и обширными комментариями;[3] при этом И. Я. Шмидт по своему усмотрению разделил сочинение на десять отделов, чего нет в подлиннике; в то же время деление рукописи на четыре тетради им не было отражено в издании. Данный список в 1847 г. в числе других монгольских материалов был приобретен Академией Наук от наследников И. Я. Шмидта.[4]

Другим списком этого сочинения является его бурятская копия. Из сличения этих двух списков видно, что копия воспроизводит все погрешности подлинника. Если принять во внимание сообщение О. М. Ковалевского о том, что А. В. Игумнов „рукописную летопись Сэнэна в 4 тетрадях со всевозможной точностью списал для себя, сохраняя даже самые непростительные и явные ошибки оной...", то следует полагать, что данный список и есть „под личным наблюдением г. Игумнова переписанная... Летопись [Саган Сэцэна]".[5] Этот список вместе с другими рукописями и ксилографами, имевшимися у А. В. Игумнова, был приобретен П. Л. Шиллингом, а затем в составе его II коллекции был передан в Азиатский музей.[6]

Еще один список этого сочинения, привезенный из Ордоса, озаглавлен „Хаган-у шара дэбтэр", т. е. „Императорская

---

[1] „Выписки из Монгольской истории, сочиненной Сыцын Сананн Тайджею", помещенные Г. Спасским в „Азиатском Вестнике" за 1825 г. (январь—июнь, стр. 381—390; июль—декабрь, стр. 356—364). То, что Татауров пользовался именно данным списком, видно из примечания Г. Спасского: „... г. Шмидт переводит сию Историю. Подлинник сей Истории писан на монгольском языке и называется Монгол Хадон Тагудж и. Он разделен на четыре небольшие книги" (там же, стр. 381). О Татаурове Г. Спасский, к сожалению, не сообщает никаких сведений.

[2] I. J. Schmidt. Einwürfe gegen die Hyphotesen des Herrn Hofr. Klaproth „Ueber die Sprache und Schrift der Mongolen". Fundgruben des Orients, VI, Wien, 1818, стр. 321—338.

[3] I. J. Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus. St.-Petersburg, 1829.

[4] Каталог Зере, № 38, стр. 48.

[5] О. М. Ковалевский, стр. 138.

[6] Каталог Зере, № 109, стр. 37.

желтая книга". Он содержит некоторые дополнения, в частности, в конце его вместо колофона имеется сообщение о событиях 1662 г., между тем как первый из названных выше списков доведен до 1651 г.

Кроме этих полных списков труда Саган Сэцэна, есть еще фрагментарные списки, оставшиеся до настоящего времени неизвестными. Один из них (F 212), без заглавия, содержит только историю индийских и тибетских царей. Она изложена несколько более подробно, чем в списке, привезенном В. Новоселовым.

Еще один список передает (в переложении на ойратский язык) сведения о предках Чингис-хана, а затем его историю до восшествия на престол. Этот список занимает несколько страниц в одной рукописи (E 79), которая представляет собою собрание выписок из различных литературных произведений.

К наиболее ценным материалам Монгольского фонда относятся также списки летописи, известной в научном обиходе под сокращенным названием „Алтан тобчи", т. е. „Золотой свод".[1]

Как сообщает П. С. Савельев, эта летопись „отыскана членами нашей духовной миссии в Пекине и привезена в Россию в двух списках: один находится в библиотеке Азиятского департамента Министерства иностранных дел, другой у профессора О. М. Ковалевского в Казани".[2]

Первый из указанных списков в составе коллекции Азиатского департамента был передан Азиатскому музею в 1864 г. На этом списке имеется надпись: „пр.[инадлежит] Б[иблиотеке] А[зиатского] Д[епартамента]" и пометка „1017", — повидимому, номер, под которым этот список находился в этой библиотеке. Под этим же номером этот список помещен в „Каталоге Зере" в составе IX коллекции.[3] Сообщая о том, что „ученый Дорджи Банзаров, так рано похищенный у науки, намеревался издать эту летопись...", П. С. Савельев отметил: „Труд этот совершен теперь... Галсаном Гомбоевым[4] по рукописи, принадлежащей ныне библиотеке Азиятского Департамента ... и благосклонно доставленной этим депар-

---

[1] Полное заглавие ее „Хад-ун-ундусун-у хуриянгуй алтан тобчи нэрэту судур", т. е. „Сочинение под названием «Золотой свод» — собрание [сведений] о происхождении ханов".

[2] Алтан тобчи. Монгольская летопись ... Труды Вост. отдел. Русск. археол. общ., ч. VI, СПб., 1858, стр. V—VI.

[3] Каталог Зере, стр. 56.

[4] Алтан тобчи, стр. VII.

таментом Археологическому обществу для издания".[1] Таким образом, этот список (G 26) является оригиналом известного издания „Алтан тобчи". В этом списке имеется целый ряд орфографических ошибок и описок. Некоторые из них были отмечены и отчасти исправлены издателем.[2] Другие же для него остались неясными, что в значительной степени отразилось на изданном тексте и на переводе.

На титульном листе другого списка этого сочинения (F 25) имеется надпись: „Пекин. Николая Вознесенского 1827-го года. Майя 28-го числа", сделанная, по всей вероятности, собственноручно Н. И. Вознесенским.[3] Можно полагать, что этот список был приобретен в Пекине О. М. Ковалевским во время его приезда туда в 1830 г., а от него перешел в библиотеку б. Казанской духовной академии, откуда поступил в Азиатский музей.[4] Текст этого списка полностью совпадает с текстом предыдущего (повидимому, оба списка восходят к одному оригиналу), но в отношении орфографии значительно лучше его. Список „Алтан тобчи" составляет бóльшую часть (лл. 11а—147б) рукописи F 25. В ней содержатся и некоторые другие материалы. Все они написаны рукою Н. И. Вознесенского и, по всей вероятности, принадлежат ему.

1) „Перевод с книги Тин сюнь и янь, т. е. государя Кансия поучения к царевичам", книга 2, поучения 1—9, 11, 12, 14—19 (лл. 1а—9б).

2) Очень краткий рассказ о восстании князя „Малой Бухарии" Джангера в 1825—1828 гг. против маньчжурских войск, угнетавших местное население (лл. 148а—151а).

3) „Указы" [поучения] Кан-си — под №№ — 60, 10, 61, 56, 13 (лл. 152а—154б).

Следующий список (F 12) этого сочинения (повидимому, копия первого списка) не имеет большой ценности, ввиду множества ошибок и описок.

---

[1] Алтан тобчи, стр. IX.

[2] Там же, стр. 113—116.

[3] Николай Иванович Вознесенский был членом десятой духовной миссии (1820—1830 гг.) в Пекине, где занимался китайским, маньчжурским и тибетским языками, а кроме того, политической экономией Китая. Плодом этих занятий явилась работа „Замечания о Китае Н. Вознесенского". В ней содержатся сведения о положении промышленности и торговли Китая, его учреждениях, нравах и т. п. По возвращении в Россию Н. И. Вознесенский служил переводчиком при таможне в Кяхте, где и умер.

[4] Коллекция КДА, № 252.

Рис. 1. Летопись „Шара туджи“ (В 200). Первая половина XVII в. Между строк вписаны позднейшие дополнения.

Еще одна рукопись (F 24), озаглавленная (почерк И. Иерига) по-монгольски „Чингис-хаган-у туджи", т. е. „История Чингис-хана" (от его вступления на престол до смерти) оказалась выпиской из „Алтан тобчи", что до настоящего времени оставалось неизвестным.

Неизвестной оставалась также „[Выписка] из третьего листа второй главы четвертой книги «Алтан Тобчи»" — (F 125) небольшая рукопись (4 л.), в которой содержатся очень краткие данные о племенах, составляющих монгольские и ойратские тумэны, а затем приводятся легендарные сведения о происхождении некоторых ойратских племен и перечисляются их ханы от Чингиз-хана до ханов конца XVII, а в отдельных случаях даже до начала XVIII в. Все эти данные имеют много общего со сведениями о монгольских и (главным образом) об ойратских племенах и их ханах в соответствующем отделе летописи „Шара туджи".

„Шара туджи" („Желтая история") является одним из наиболее значительных памятников монгольской феодальной историографии XVII в. В нашем Собрании она имеется в двух списках. Один (B 200) был привезен В. В. Радловым из Орхонской экспедиции 1891 г. В научный обиход это сочинение под названием „«История» В. В. Радлова" или же „История Радлова" было введено Б. Я. Владимирцовым, который неоднократно использовал его в своих работах.[1]

Другой список этого сочинения (F 264) в значительной своей части (лл. 2а — 36б) дословно совпадает с первой частью предыдущего списка. В конце списка (лл. 36б — 41б) приводятся сведения о потомках братьев и сыновей Чингис-хана, о монгольских и ойратских племенах, их ханах и т. п. Они изложены в другой последовательности и в отдельных случаях более кратко, чем в списке B 200. Поэтому данный список можно считать особой версией „Шара туджи".[2]

К историческим трудам XVII в. относится также монгольский перевод маньчжурской версии „Юань-ши", выполненный в 1639—1640 гг. Полный список этого перевода, озаглавленный „Дай Юань улус-ун бичик", т. е. „Книга великой Юаньской династии", (F 309) является копией, снятой в Ордосе, и состоит из 15 тетрадей по 40 в среднем листов, разм. 26×26 см. Другой, менее полный, список (G 45) под загла-

[1] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 15, 16, 131, 158, 167; он же. Надписи на скалах халхаского Цоктутайджи. Известия Академии Наук СССР, 1926, стр. 1270—1272. Цитируется: Б. Я. Владимирцов. Надписи на скалах.

[2] Б. Я. Владимирцов. Надписи на скалах . . ., стр. 1270.

вием „Юань улус-ун бичик“, т. е. „Книга Юаньской династии“, содержит 6 тетрадей по 30 листов, разм. 33×22 см. Переписывание его было закончено в 1831 г.

В Собрании монгольских рукописей имеется еще одна история Юаньской династии (F 238). В начале ее помещена очень краткая история индийских и тибетских царей и родословная предков Чингис-хана до Добо-Мэргэна (стр. 1). Как отмечено в тексте, эти сведения являются выпиской из „Алтан тобчи“. Ее редакция совсем иная, чем наших списков этого сочинения и „Алтан тобчи“ Лубсан Дандзана (Монг. фонд, фото В 90). После перечисления предков Чингис-хана и его истории (стр. 2—5) следует история юаньских императоров до Тогон Тэмура (стр. 5—30). Затем перечисляются монгольские ханы до Даян-хана и его сыновей. Очень подробно говорится об их потомках, от которых произошли князья ряда хошунов Внутренней Монголии, в том числе и семи хошунов Ордоса (стр. 30—32). Автором сочинения, по всей вероятности, является один из ордосских князей. Относительно даты написания этого сочинения имеются только косвенные указания: отмечено, что в 7 году правления Эйэбэр-дзасагчи [кит. Шунь-чжи, 1650 г.] в маньчжурское подданство перешел один из князей, после чего перечислены его сыновья и внуки. Можно полагать, что сочинение было написано в первой половине XVIII в. Наш список представляет копию, снятую в Ордосе (16 листов очень мелкого почерка, разм. 27×21 см).

Другое историческое сочинение XVIII в. озаглавлено „Ганга-ин урусхал“, т. е. „Течение Ганга“[1] (F 294, 30 лл., разм. 26—24 см). В этом небольшом историко-генеалогическом сочинении представлена подробная родословная основной линии монгольских ханов от Добо-Мэргэна (одного из предков Чингис-хана) до Лэгдэн-хана. При этом потомки первых преемников Чингис-хана Хубилая и других юаньских императоров перечислены значительно более подробно, чем в труде Саган Сэцэна и других летописях XVII в. Сведения же о потомках Джочи и Чагадая и о составе их улусов в очень малой степени соответствуют исторической действительности. Далее следует краткая история монгольских ханов от Биликту-хана до Лэгдэн-хана и перечисление потомков Иесугэя, Джочи, Чагадая и Хубилая, правивших уделами в Китае. В дальнейшем показано происхождение нойонов

[1] Это заглавие выражает основную мысль сочинения о том, что преемственность происхождения монгольских нойонов от монгольских ханов, далее — от тибетских царей и, в конечном счете, от царей Индии — непрерывна, как течение Ганга.

Внутренней Монголии от представителей основной линии монгольских ханов, например, чахарских нойонов от Лэгдэн-хана, ордосских — от третьего сына Даян-хана и т. п. Сообщаются также сведения о племенах, входящих в состав шести монгольских и четырех ойратских стотысячных корпусов („туг тумэн") о так называемых „пяти цветных" и „четырех чуждых" народах и т. д. В колофоне указаны: автор сочинения — Гомбоджаб; дата написания — третий год правления Найралту-туб (кит. Юн-чжэн, 1725 г.) и источники — „«Основное сочинение о великой Юаньской династии» (Юань-ши?), «[Тун-цзянь]-ган-му» и некоторые другие монгольские и китайские летописи и исторические сочинения".

Повествовательное изложение в этом сочинении почти совершенно отсутствует, что придает ему характер справочника.

Особого внимания в этом труде заслуживают некоторые данные по истории общественного строя монголов — о феодальных войнах, об уделах, о монгольских и ойратских племенах и т. п. Весьма ценными являются также определения некоторых монгольских феодальных терминов, которые автор дает в сопоставлении с китайскими. Большинство этих данных было использовано Б. Я. Владимирцовым,[1] пользовавшимся также и некоторыми другими сведениями из этого сочинения.[2]

Некоторые данные „Ганга-ин урусхал" были использованы в сочинении „Алтан хурдун минган хэгэсуту", т. е. „Золотое колесо с тысячью спиц"[3] (F 542, пять бэней (тетрадей) в одном тао (переплете), разм. 25×25 см).

В первой тетради (15 лл.) содержится буддийская космология, а затем история индийских и тибетских царей и предков Чингиса от Буртэ-чино до Иесугэй-багатура; во второй (13 лл.) — история Чингис-хана; в третьей (34 лл.) — сведения о сыновьях Чингис-хана; краткое упоминание о Тулуе; некоторые данные об улусах и потомках Джочи и Чагадая (ср. выше, стр. 106), после чего следует история монгольских хаганов и ханов от Угэдэя до Лэгдэн-хана; в четвертой (27 лл.) — очень подробные родословные потомков десяти сыновей Даян-хана; в пятой (29 лл.) сведения о потомках младших братьев

[1] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 144, 152; он же. Монгольское ongniγud — феодальный термин и племенное название. Доклады АН СССР, 1930, стр. 219—223.

[2] Б. Я. Владимирцов. Где пять халхаских поколений? Доклады АН СССР, 1930, стр. 203.

[3] Это название является одним из образов буддийской символики.

Чингис-хана, ставших князьями и нойонами в провинциях Дайцинского государства („Дайцин улус-ун муджи-ин ван нояд болоксан“...), а затем другие сведения о так называемых „пяти цветных“ и „четырех чуждых“ народах, о племенном составе десяти тумэнов; о происхождении некоторых ойратских племен, родословные их князей и т. п.

Большой интерес представляет то, что во многих местах текста сочинения приводятся (мелким почерком между строками) дополнительные сведения, которые, как отмечается там же, имеются в некоторых сочинениях („дзарим бичик тур“). Иногда даже указывается, что эти данные содержатся в китайских сочинениях („китад бичик тур“). Однако заглавия источников нигде не указываются. В конце сочинения отмечены: дата его написания — 1739 г. и автор — Ширэту-гуши Дхарма.

Выдержки из этого сочинения приведены в ряде мест большого исторического труда „Дай юань болор эрихэ“, т. е. „Хрустальные четки [событий] великой Юаньской династии“, более известного под сокращенным названием „Болор эрихэ“. Как указывает автор, он использовал также „записанные у нас, монголов, [исторические] сочинения“ (из них названа только „История царей — сочинение джарутского Гэлэг-норбо“) и несколько китайских — „Юань-ши“, „Тун-цзянь-ган-му“, „Сюйбянь“ (дополнения к предыдущему) и другие, — а также буддийских сочинений. В кратком предисловии автор приводит названия пяти отделов сочинения. Однако названия эти неточны и в должной мере не раскрывают содержания сочинения. Поэтому ниже дано краткое изложение содержания каждого отдела.

I. Происхождение монгольского народа по монгольским и китайским источникам. II. Индийские и тибетские цари, от которых произошел род монгольских ханов. Предки Чингис-хана от Буртэ-чино до Иесугэй-багатура. III. Чингис-хан. Угэдэй. Междуцарствие после его смерти. Гуюк. Смуты после кончины Гуюка. Мункэ. Хубилай и другие юаньские императоры до Тогон Тэмура. Легенда об императоре Юн-лэ как сыне Тогон Тэмура. IV. Монгольские ханы от Биликту-хана до Лэгдэн-хана. Переход его сына Эдзэй-хонгор-тайджи в маньчжурское подданство. V. Родословные нойонов некоторых хошунов Внутренней Монголии. Тумэтский Алтан-хан и его потомки. Потомки Барсу Болода и Арсу Болода — сыновей Даян-хана.

Колофон во всех имеющихся у нас списках отсутствует. Имя автора — Рашипунцуг — устанавливается из того, что оно встречается во многих местах сочинения, где автор, приводя

выдержки из источников, высказывает свое мнение о них, а также относительно некоторых вопросов истории монгольских ханов и т. п.

На время написания сочинения указывает то, что в одном из использованных источников упоминается 35-й год правления Тэнгри-ин-тэдхугсэн (кит. Цянь-лун, 1770 г.). Поэтому следует полагать, что оно было написано в последней четверти XVIII в. Сочинение имеется в Собрании монгольских рукописей в трех списках. Один из них (F 511) — дар Комитета наук Монгольской Народной Республики — состоит из десяти тетрадей по 65—75 лл., разм. 26×27 см; другому списку (F 541) переписчик дал ошибочное заглавие „Эрдэни-ин эрихэ", которое повторяется на нескольких тетрадях; в нем 18 тетрадей по 25—30 лл.; разм. 29×21 см; третий список (F 540) озаглавлен „Юань улус-ун бичик", т. е. „Книга Юаньской династии". Он состоит из 20 бэней, по 45—50 листов, помещенных в 4 тао, разм. 25×12 см.

В Собрании монгольских рукописей представлены также памятники монгольской феодальной историографии XIX в. Наиболее ценный из них „Болор толи", т. е. „Хрустальное зерцало", состоит из трех томов, разм. 25×23 см.

Первый том разделен на две тетради. В первой содержится буддийская космология; история первых людей на земле и „чакравартин-хаганов" („всемирных монархов"); биография Шакьямуни и история распространения буддизма в Индии после его смерти (99 лл.). Содержание второй тетради: история буддизма в Индии и индийских царей; биографии проповедников буддизма (91 лл.).

Второй том содержит: географическое описание Китая и историю его императоров с древнейших времен до завоеваний Чингис-хана; географию Тибета и историю его царей в связи с историей буддизма; биографии буддийских деятелей — Дзонхавы и др. (116 лл.).

В начале третьего тома (156 лл.) сообщаются краткие данные об административном устройстве Внутренней и Внешней Монголии. Затем следуют описания ряда стран, в том числе и России (Орос), которые содержат главным образом фантастические сведения. За ними идет описание мифической страны Шамбала и история ее легендарных царей. Затем перечисляются индийские и тибетские цари, которые представлены как предки Чингис-хана, и другие его предки от Буртэ-чино до Иесугэй-багатура. Далее излагаются: история Чингис-хана и его ближайших преемников, краткая история юаньских императоров до Тогон Тэмура и монгольских ханов до Лэгдэн-

хана; история распространения буддизма в Монголии и Китае, история императоров Цинской династии до 1 года правления Туру-гэрэлту (кит. Дао-гуан, 1821 г.). Особый интерес в этом сочинении представляют сведения о переходе монгольских князей в маньчжурское подданство в 1624—1635 гг., а также о восстаниях Ли-цзы-чэна и Амурсаны. Следует еще отметить, что многие исторические события и лица оцениваются автором с точки зрения интересов маньчжурской династии.

В колофоне приведен ряд источников, из которых следует особо отметить „Алтан тобчи" (уратского) Мэрген-гэгэна и „Шара дэбтэр", возможно — один из списков труда Саган Сэцэна (см. выше, стр. 102—103).

Автор сочинения не указан. Относительно времени, когда оно было написано, следует заметить, что кроме отмеченной даты (1 год правления Дао-гуана — 1821 г.) упоминается и 7 год его правления (1827 г.). Кроме того, автор указывает, что сочинение было написано им, начиная с года коня до года курицы. Ближайшими датами являются: для года коня — 1834 г. и для года курицы — 1837 г. Таким образом, можно полагать, что сочинение было написано за время с 1834 по 1837 г.

Некоторые сведения о происхождении данного списка и об его содержании сообщил А. Д. Руднев.[1] Этот автор передает содержание сочинения, повидимому, только по его оглавлению, которое не дает полного представления о действительном содержании сочинения.

Кроме полного экземпляра „Болор толи" в Собрании монгольских рукописей имеется еще несколько выписок из этого сочинения. Одна (F 159) небольшая (10 лл.) и две более значительные: F 100 (112 лл.) и F 141 (101 лл.). Еще одна (F 255) содержит вторую часть первой книги, вторую книгу, а также сокращенное изложение третьей книги. Таким образом, в этой объемистой рукописи (232 лл.) представлено почти все сочинение. Наличие выписок свидетельствует о большом интересе, который вызывало это сочинение в среде монгольской феодальной аристократии.[2] Сочинение было использовано Б. Я. Владимирцовым в двух списках (F 305)[3] и (F 255).[4] В Собра-

[1] А. Д. Руднев. Заметки по монгольской литературе, II, Историческая летопись Болор-толи. Записки Вост. отд. Русск. археол. общ., т. XV, СПб., 1904, стр. 032—034.

[2] Ср. замечание Б. Я. Владимирцова: Надписи на скалах..., стр. 1275.

[3] Там же, стр. 1275—1279.

[4] Там же, стр. 1277.

нии монгольских рукописей имеется один из списков летописи „Эрдэни-ин эрихэ", т. е. „Четки из драгоценностей". Летопись начинается перечислением царей Индии и Тибета, после чего следуют истории юаньских императоров и монгольских ханов, а затем — маньчжурских императоров, доведенная до 20 года правления Туру-гэрэлту (кит. Дао-гуан 1840 г.). Подробное изложение содержания этого сочинения дано А. М. Позднеевым[1] в общем правильно. Данный список представляет собой рукопись, написанную очень мелким почерком, 67 лл., большого размера (26×26 см). Имеются еще выписки из этого сочинения: (F 286, 72 лл. и F 297, 92 лл.) и его оглавление (гл. I—XXXV) (B 224, 3 лл.).

Еще несколько позже, повидимому в последней четверти XIX в., было написано небольшое сочинение „Субуд эрихэ", т. е. „Жемчужные четки", автором которого является Гончогджаб — тусалакчи ордосского хошуна Ушин. Сочинение составлено по традиционной схеме: история царей Индии (лл. 1а — 3а) и Тибета (лл. 3б — 5а), а затем — монгольских ханов (лл. 5а — 11а) в виде их родословной, причем о некоторых из них говорится более подробно, например о Чингис-хане, о Хубилае, о Лэгдэн-хане. Сведения о последнем восходят к „Болор толи", как это было отмечено акад. Б. Я. Владимирцовым.[2] Далее очень кратко изложена история императоров маньчжурской династии. Последним из них назван Буринтудзасагчи (кит. Тун-чжи, 1862—1874 гг.) (лл. 11а — 11б). В конце сочинения представлено происхождение князей ряда хошунов Внутренней Монголии (в числе их семи хошунов Ордоса), Халхи, а также некоторых ойратских племен и родов (лл. 11б — 13б). Это сочинение имеется в копии (D 90, 13 лл., разм. 21×27 см), снятой в Эджэн-хоро в Ордосе.

Кроме того, в Собрании монгольских рукописей есть несколько очень небольших по объему сочинений, в которых даны лишь перечисления имен монгольских ханов, причем иногда указываются главнейшие, относящиеся к ним, даты.

К таким сочинениям, например, относятся „Чингис-хаган-у домок", т. е. „Повествование о Чингис-хане". В нем перечислены имена индийских и тибетских царей, монгольских ханов и маньчжурских императоров и относящиеся к ним даты до 8 года правления Буринту-дзасагчи (1869 г.). Затем дан краткий очерк распространения буддизма у монголов от

---

[1] А. М. Позднеев. Монгольская летопись Эрдэнийн Эрихэ, СПб., 1883, стр. XII—XV.

[2] Б. Я. Владимирцов. Надписи на скалах..., стр. 1280.

времен Чингис-хана (который, якобы, пригласил ламу Гунганинбо) до седьмого „перерожденца" ургинского Джэбдзундамба-хутухты (1850—1868). Сочинение представляет собой бурятский ксилограф, изданный в 1869 г. (Н 198, 20 лл., разм. 9×45 см). Подобный характер имеет сочинение „Богда Чингис-хаган-эцэ инакши найман хаган-у хуриянгуй тухэ", т. е. „Краткая история восьми ханов, начиная с Чингис-хана" (В 229, 8 лл.) и др.

Истории ойратов в связи с историей монголов уделено много внимания в больших монгольских летописях XVII в. Сочинений, специально посвященных истории ойратов и написанных ойратскими авторами, имеется немного.

Здесь прежде всего следует назвать труд, известный в научном обиходе по имени его автора Габан Шэраба.[1] Дата его написания — 1737 г. В этом сочинении содержатся сведения по отдельным вопросам истории ойратов, расположенные без хронологической последовательности. Например, большое место занимают родословные торгутских, хошутских и дэрбэтских князей, что, по мнению В. Л. Котвича, составляет важнейшую часть труда Габан Шэраба.[2] Кроме того, заслуживают внимания сведения: о междоусобных войнах ойратских и монгольских князей; о съезде этих князей для утверждения свода законов и клятвы об установлении мирных отношений; о начале распространения буддизма среди ойратских князей; об их отношениях с Тибетом; об уделах, выделенных ими в наследство своим потомкам, и т. п. Далее автор дает характеристики некоторых ойратских князей и сообщает некоторые факты, относящиеся к ним. Подробные сведения об отношении ойратских князей к монгольским, о взаимоотношениях ойратских князей и другие данные делают труд Габан Шэраба наиболее ценным среди немногочисленных ойратских исторических сочинений. Некоторые факты из этого сочинения были использованы Б. Я. Владимирцовым.[3]

Полный список этого сочинения (Е 66) состоит из 8 лл., разм. 23×36 см.

Текст другого списка (D 118) дословно совпадает с текстом первого, но является только его частью (соответствует лл. 1а — 6а, списка Е 66).

---

[1] В. Л. Котвич. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. Известия Российской Академии Наук, 1919, стр. 794.

[2] В. Л. Котвич, ук. соч., стр. 794.

[3] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 150.

Другое сочинение (F 1) (отрывок без заглавия) принадлежит неизвестному автору. В нем имеются родословные дэрбэтских, торгутских и других князей (10 лл., разм. 26×13 см).

История бурят-монголов представлена сочинениями ряда авторов. Эти авторы являлись бурятскими тайшами и зайсанами и потому в своих сочинениях уделяли большое внимание истории бурятского нойонства и ламства и оценивали события с точки зрения господствующей верхушки бурятского общества XIX в. Однако авторы не смогли скрыть многочисленных случаев злоупотреблений нойонов, покровительства им со стороны царской власти, угнетения народных масс и их тяжелого положения. Весьма ценными являются сведения о благотворном влиянии культуры русского народа на широкие слои бурятского населения, а также сообщения о переходе нескольких бурятских родов из Монголии в пределы России из-за невыносимого гнета со стороны монгольских феодалов XVII—XVIII вв.

Из исторических сочинений бурят-монгольских авторов прежде всего следует назвать труд В. Юмсунова, который изложил сведения по истории хоринских бурят наиболее полно и систематично (F 88, E 55, E 219). Необходимо также назвать сочинения Ш.-Н. Хобитуева (F 77, D 76 и несколько других списков), Т. Тобоева (C 366, F 6, F 87) и Д. Дарбаева (D 190, D 211). Сочинение по истории селенгинских бурят написано Д. Ломбоцыреновым (D 191, G 24).

В нашем Собрании есть еще и некоторые другие материалы по истории бурят-монголов, например доклад тайши Вамбоцыренова о землеустройстве хоринских бурят (E 222, 10 лл., разм. 22×36 см), ряд документов о развитии земледелия среди бурят-монголов Иркутской губернии в 1812—1823 гг. (E 239, 50 лл., 22 × 35 см.) и др.

В указанных исторических сочинениях даются подробные княжеские родословные, которые содержат ценные данные для изучения некоторых вопросов развития общественного строя монголов, например о дроблении уделов и т. п. Еще более полные сведения содержатся в особых родословных таблицах, составленных тщательно и наглядно.

Копия (D 93) родословной таблицы князей Сэцэн-хановского аймака выполнена в виде круга диаметром в 75 см, в центре которого кратко перечислены некоторые ханы от Чингиса до Даян-хана, а затем — родословные его одиннадцатого сына — Гэрэсэндзэ и семи сыновей последнего. Их потомки указаны в секторах, на которые разделен круг.

Мелкие деления секторов отмечены цифрами, которые соответствуют номерам хошунов в русском переводе „Мэн-гу-ю-му-цзи".[1]

Другая родословная таблица князей того же аймака, составленная в 1915 г., изображена на круге из белой бязи диаметром в 5 м 40 см.

Родословные некоторых бурятских родов содержатся в летописях и в специальных сочинениях, например в „Истории рода Хатагин" (D 29, 8 лл., разм. 17×11 см). Имеются также родословные таблицы одиннадцати хоринских родов, составленные в 1831 г. (C 94, 23 лл., разм. 35×21 см) и др.

Из биографических сочинений прежде всего следует назвать биографию Найджи-тойна (ксилограф, H 281, 92 лл., разм. 10×45 см, и его рукописные копии C 94, 94 лл., разм. 9×40 см и F 17, 132 лл., разм. 22×15 см).

В этом сочинении содержится много сведений по истории распространения буддизма среди монголов в конце XVI и первой половине XVII в.; кроме того, имеются интересные бытовые подробности о Южной Монголии, о Халхе и ойратских кочевьях, а также отдельные сведения о феодальных войнах, взаимоотношениях феодалов, их отношениях с Китаем и т. п. Ряд данных этого сочинения был использован Б. Я. Владимирцовым в „Общественном строе монголов".[2]

Биография Зая-пандиты (F 86, 90 лл., разм. 22×18 см) также содержит ценные сведения по тем же вопросам. Это отмечено Б. Я. Владимирцовым,[3] который в большой мере пользовался ими.

К сочинениям этого рода принадлежит большой ксилограф (I 62, 311 лл.), в первой части которого (лл. 1б — 163а) содержатся биографии „перерожденцев" Джанджа-хутухты.

Среди биографий мифических „перерожденцев" встречаются биографии и исторических лиц, например Пакба-ламы (1235—1280 гг.), о котором подробно сказано на лл. 31б—42а. Историческими лицами были и те „перерожденцы", которые появлялись в Китае. Первым из них был Джанджа-дагба-одзэр (лл. 93б — 97б), вторым — Агван-лобсан-чойданбалсанбо (1642—1714 гг.; лл. 97б — 124а), третьим — Джанджа-ролби-дорджэ-ешей-данби-донмэ-балсанбо (1717—1786 гг.), обычно известный под именем Ролби-дорджэ (лл. 124а —

---

[1] Мэн-гу-ю-му-цзи. Перев. П. С. Попова, СПб., 1895, стр. 80—161.

[2] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 129, 137, 168, 171, 172, 175, 176, 179, 184, 185, 187.

[3] Там же, указатель на стр. 212.

163б). Он был одним из редакторов перевода Данджура на монгольский язык. Приведенное перечисление вносит полную ясность в вопрос о последовательности „перерожденцев" Джанджа-хутухт в Китае и является необходимым, ввиду историчности этих лиц. Обычно эта последовательность оставалась неотмеченной.[1]

Кроме сведений о распространении буддизма в Китае и Монголии — о построении монастырей, переводах буддийских сочинений и т. п., в этой части сочинения сообщаются также сведения о восстании в области Куку-нор, „смутах" Цэнгун-джаба в Халхе и другие. Они представляют несомненный исторический интерес.

Вторая часть сочинения (лл. 164б—311а) содержит сведения по истории Китая (до маньчжурского завоевания) и Монголии (до Тогон Тэмура), и историю возвышения маньчжурской династии.[2]

Имеются сочинения, специально посвященные биографиям: II Джанджа-хутухты, имя которого в этом сочинении дано в санскритской форме — Вагиндра-сумати-дхарма-вади-шрибхадра (С 106, 166 лл., разм. 12 × 40 см), а также III Джанджа-хутухты — Лалита-ваджра (соответствует Ролби-дорджэ) (Н 301, 208 лл., разм. 10 × 52 см).

Далее следует назвать „Лобсан-галсан-джамцо далай-лама-ин гэгэн-у ... намтар...", т. е. „Жизнеописание [VII] далай-ламы Лобсан-галсан-джамцо [1707—1757], составленное [III] Джанджа-хутухтой Ролби-дорджэ в [1758—1759] гг.". Этот большой ксилограф (Н 286, т. I, 346 лл.; т. II, 357 лл. +5 лл., разм. 11 × 56 см)[3] не содержит никаких сведений о монголах, что в литературе почему-то оставалось неотмеченным.[4]

Некоторые из этих биографий тесно связаны с историей распространения буддизма у монголов. Таким, например, является сочинение „Халха-монгол-ун орон-ду ангха бурхан-у шаджин эхэ олоксан очир ану ... джибдзун-дамба-ин гэгэн-тан-у намтар...", т. е. „О том, как в стране халха-монголов получила начало буддийская вера ... жизнеописание Джэб-

[1] Б. Я. Владимирцов. Монгольский фонд. Азиатский музей, Краткая памятка, СПб., 1920, стр. 87; Б. Лауфер. Очерк монгольской литературы. Перевод под редакцией и с примечаниями Б. Я. Владимирцова, Л., 1927, стр. 17; Б. Я. Владимирцов. Монгольский Данджур. Доклады АН СССР, 1926, стр. 32 и др.

[2] Ср.: А. М. Позднеев. Монгольская летопись Эрдэнийн Эрихэ, стр. XXXVI—XXXVII.

[3] Б. Лауфер указывает только I том (ук. соч., стр. 64).

[4] Там же.

дзун-дамба-хутухты...“ (F 292, ч. I — 39 лл., F 293, ч. II — 39 лл., разм. 26 × 26 см; ср. F 147, H 210 и др.).

История распространения ламаизма у бурят наиболее подробно изложена в сочинении без заглавия под сигнатурой E 225 (46 лл., разм. 35 × 22 см).

Ко всем этим сочинениям в полной мере следует отнести слова А. М. Позднеева, который об одном из таких произведений справедливо заметил: „Трактат о распространении желтой веры в Халхе заключает в себе сравнительно небольшое число фактов, относящихся до действительности, но зато щеголяет сбором легенд о чудесах, которые обычно рассказываются ламами как события, действительно сопровождавшие первоначальное распространение буддизма. То же обилие легенд замечается и в биографиях гэгэнов“.[1]

Среди материалов Собрания монгольских рукописей большую ценность представляют сборники монгольских и монгольско-ойратских законов. Значение их как источников для исследования общественного строя монголов было отмечено Б. Я. Владимирцовым.[2]

Эти памятники, по определению того же автора, „являются настоящими сводами законов, выработавшимися в процессе долгой эволюции“, и „представляют степное феодальное право, получившее санкцию закона“.[3] Один из этих кодексов — „Халха джирум“ имеется в Монгольском фонде в двух списках.

Один список (F 144, 122 стр. разм. 25 × 26 см) содержит семь отделов, составленных в год земли-быка [1709 г.] (стр. 1—96). В первом отделе помещены: вставка о духовенстве, относящаяся к году огня-тигра (1746 г.) (стр. 15—21) и дополнения, которые были сделаны: в году земли-собаки (1718 г.) — об оружии, о таврении верблюдов и лошадей, о военнообязанных (стр. 96—101); в году огня-дракона (1736) — относительно разных сторон жизни одного монастыря (стр. 114—122); без даты — о замене штрафом некоторых наказаний для женщин (стр. 122—123). Между добавлениями находится подробное оглавление (стр. 101—104).

Второй список (F 510) известен в научном обиходе под названием „Барун-хурэнского списка“, что отмечено на

---

[1] А. М. Позднеев. Монгольская летопись Эрдэнийн Эрихэ, стр. XXXV.

[2] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 19; ср.: В. Л. Котвич. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. Известия Российской Академии Наук, 1918, стр. 795.

[3] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 22.

обложке рукописи. Этот список несколько больше по объему (132 стр., разм. 26 × 26 см, с бóльшим количеством строк на странице), чем предыдущий. В тексте много ошибок и описок.

В списке имеются те же дополнения, что и в предыдущем, а кроме того, дан ряд дополнений с датами по годам правления маньчжурских императоров, например дополнения об ямской повинности, 61 года правления Энхэ-амугулан (Кан-си, 1722 г.) (стр. 17—18); о наказаниях за воровство, 11 года правления Тэнгри-ин-тэдхугсэн (Цянь-лун, 1746 г.) (стр. 47—48) и др. Последними помещены дополнения 35 года Тэнгри-ин-тэдхугсэн, т. е. 1770 г. (стр. 129—132). Некоторые другие добавления датированы по годам так называемого „животного цикла", например: годом воды-тигра (1722 г.) — стр. 16; годом дерева-дракона (1724 г.) — стр. 121 и т. д.

Некоторые памятники монгольско-ойратского права были изданы К. Ф. Голстунским[1] по списку, которого в Собрании монгольских рукописей не имеется. У нас хранится другой список — Батур-убаши Тюменя (E 83). Содержание его изложено К. Ф. Голстунским[2] не полностью: не отмечено, что подробное оглавление[3] предпослано не только законам 1640 г. и дополнительным указам Галдан-хун-тайджи (E 83, стр. 1—26, оглавление 9 страниц), но и законам Дондук-даши (там же, стр. 27—45, оглавление 7 страниц). Кроме того, в этой рукописи содержится ойратский перевод указа Анны Иоанновны от 7 марта 1735 г. об утверждении Дондук-омбо „главным управителем калмыцкого народа" и русский текст этого указа.

Сводом законов, изданных китайским правительством для монгольских племен, и постановлений по монгольским делам является Уложение Палаты внешних сношений, впервые изданное в 1789 г.[4]

В Собрании монгольских рукописей имеются второе (1817 г.) (F 228а) и третье (1826 г.) издания этого памятника (F 228б).

Различные сведения, относящиеся не только к политической истории монголов, но и к истории развития их общественного строя, могут быть почерпнуты из „Илэдхэл шастир" — сборника очень подробных биографий, точнее

---

[1] Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-Хун-Тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб., 1880.

[2] Там же, стр. 5.

[3] Там же.

[4] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 20.

говоря, послужных списков монгольских, ойратских и туркестанских князей. Полные тексты документов и точные даты, которые приводятся в этом сборнике, делают его весьма ценным источником.

Экземпляр, кеторый имеется в Собрании монгольских рукописей (G 42), содержит основной текст (120 бэней в 6 тао). Дата его издания не указана, но приведен указ 44 года правления Тэнгри-ин-тэдхугсэн (Цянь-лун, 1779 г.) о составлении этого сборника. Впоследствии к нему были сделаны добавления, которых в нашем Собрании нет.

Несомненный интерес представляют также хошунные постановления („дурим"). В собрании имеются копии „дуримов" ордосских хошунов — Ушин (F 199, 12 лл., разм. 27 × 27 см) и Хангин (F 200, 14 лл., разм. 27 × 27 см).

Необходимо также указать на своды законов и сборники обычного права калмыков и бурят. Таковы, например, законы, изданные при Дондук-даши. Текст и перевод их были изданы К. Ф. Голстунским.[1]

Один список их содержится в рукописи нашего Собрания (E 83, стр. 27—45; см. выше, стр. 117). Перед текстом имеется подробное оглавление (7 страниц). В другой рукописи (C 250, 15 лл., разм. 10 × 35 см) помещены не только эти законы (лл. 1а—9а), но и более поздние добавления с указанием даты, например года дерева-свиньи (1815 г.) (л. 11а), земли-тигра (1818 г.) (л. 11б) и др. Последнее дополнение относится к году железа-змеи (1821 г.) (л. 15а). Об этом списке упоминает К. Ф. Голстунский.[2]

Бурятских Уложений в Собрании монгольских рукописей имеется несколько: 1) Уложение одиннадцати хоринских родов 1808 г. и указатель к нему (G 80); 2) Хоринское Уложение 1823 г. (E 214); 3) Уложение селенгинских и хоринских бурят 1841 г. (E 240); 4) Хоринское Уложение 1851 г. (E 241); 5) Селенгинское Уложение 1823 г. (G 23); 6) Уложение восемнадцати селенгинских родов 1823 г. и постановление о раскладке податей (G 82); 7) „Устав об управлении сибирских инородцев", 1822 г. (D 227). Особо следует отметить „Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири" 1841 г., который состоит из 445 лл., разм. 22 × 18 см.[3]

[1] К. Ф. Голстунский, ук. соч., стр. 23—33 (текст) и 60—72 (перевод).

[2] Там же, стр. 16.

[3] Б. Я. Владимирцовым (Общественный строй монголов, стр. 26) указана литература, относящаяся к этому памятнику, и отмечено, что „Свод этот законодательного утверждения не получил".

В связи со всеми этими материалами следует упомянуть о бурятских списках „Положения о ламах 1853 г." (D 205, D 219)[1] и некоторых других материалах по этому вопросу (например „Проект нового Положения о ламах 1905 г." (E 40) и другие (D 199, E 38 и др.).

Сюда относятся различные материалы о некоторых дацанах — их уставы; списки лам, хувараков (послушников) и т. д.; сведения об имуществе, составе библиотек, системах преподавания и т. п. (E 179, E 182, E 183, E 184, E 234, D 183, G 3 и др.); имеется собрание архивных материалов различного содержания (D 217).

Кроме указанных выше Уложений и сборников обычного права (см. выше, стр. 116—118) в Собрании монгольских рукописей имеется большое число сборников „отпусков" (копий) официальных переписок и отдельных бумаг по самым различным судебным и административным вопросам и делам (F 208, F 244, F 310, F 403, F 404 и ряд других); некоторые из них довольно значительны по объему, например сборник по Сэцэн-хановскому аймаку (F 523) содержит 264 лл., разм. 27 × 24 см. Имеется также много отдельных официальных бумаг такого же содержания (E 105, E 107, E 97, F 399 и др.). Документы F 375—381, а также A 35, F 396 и другие являются распоряжениями по отбыванию ямской повинности.

Еще больший интерес представляют немногочисленные документы о пограничных делах России и Китая первой половины XVIII в. Среди них можно указать на несколько писем, адресованных И. Д. Бухольцу — коменданту Чикойского острога (в монгольском тексте — „Цуху-байшин"). В одном письме (E 125) чиновник Палаты внешних сношений Ношан просит не задерживать послов, приехавших в Кяхту, и скорее выслать подводы для проезда в Чикойский острог. В этом документе речь, по всей вероятности, идет об обстоятельствах, упомянутых Н. Н. Бантыш-Каменским в сообщении „Подарки китайцев россиянам на 100 тысяч": „Мунгальского Приказа советник Ношан, привезший на Кяхту сии подарки, извещая об оных селенгинского коменданта Бухольца, требовал под оные подвод".[2]

В другом документе Палаты внешних сношений сообщается о мерах, принятых в связи с нападением на торговый

[1] Русский текст см.: В. Вашкевич. Ламаиты в Восточной Сибири. СПб., 1885, стр. 127—137.

[2] Н. Бантыш-Каменский. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882, стр. 189.

караван Л. Ланга [1] (E 144). О караване Ланга упоминается еще в одном документе (F 369).

В письмах халхаского Сэцэн-хана (E 142, E 178 и D 155) предъявляются требования о выдаче перебежчиков.[2] В одном из писем халхаского тушету-хана Ванджил-Дорджи[3] говорится о порядке пересылки почты из Палаты внешних сношений русскому Сенату (F 382); в других (D 153, D 154, F 370) — о получении различных пакетов и об отправке их дальше. Письма селенгинскому бригадиру Якобию (F 371, F 372) касаются отдельных пограничных вопросов. Большой интерес представляет монгольский перевод охранной грамоты купцу Спиридону Ливакосову, датированный 7205 г., т. е. 1697 годом (D 178, 1 л., разм. 55 × 44 см).

Среди частной переписки наиболее ценным является довольно значительное собрание писем, адресованных О. М. Ковалевскому (F 416 — F 505). Из документов конца XIX в. очень интересны письма нескольких князей Внутренней и Внешней Монголии по вопросам уплаты полученных ими взаймы денег и о новых займах (E 126, E 127, E 128, D 157, D 159, D 160, D 161 и др.).

Материалы по XX веку представлены в Собрании монгольских рукописей только единичными документами. Таковы: копия предложения халхаских князей ургинскому сайду Санда-вану вернуться в Китай, ввиду создания особого монгольского государства и возведения на престол Джэбдзун-дамба-хутухты (E 163); письмо дэрбэтских князей китайским властям о намерении сохранить единство с Китаем, несмотря на образование монгольского государства (F 263); письмо Палта-вана командующему войсками в Западной Монголии Джалхандза-хутухте с предложением не вести военных действий (F 412). Этими и еще одним-двумя документами ограничиваются материалы Собрания монгольских рукописей по национально-освободительной борьбе 1911—1912 гг.

К сожалению, имеющиеся в нашем Собрании материалы по революционной борьбе 1918—1920 гг. в Бурят-Монголии незначительны и разрознены. Они касаются, главным образом, вопроса о мобилизации в Хоринском аймаке (отношение Хоринской аймачной думы Хальбинской хошунной управе по

---

[1] Н. Бантыш-Каменский, ук. соч., стр. 198.
[2] Там же, стр. 167—168, 215—216.
[3] О нем см.: М. Н. Богданов. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1926, стр. 214.

делам мобилизации; запрещение выдавать паспорта лицам в возрасте 21—24 лет и т. п. (E 223/37—45).

Некоторым источником сведений о социальном строе монголов XIV—XVII вв., по замечанию Б. Я. Владимирцова, являются „произведения народной словесности вообще, особенно монгольский героический эпос", причем „наибольшее значение имеет «Сказание об Убаши-хун-тайджи»".[1] В Собрании имеется его ойратский текст (D 67, 8 лл., без заглавия).

Из произведений монголо-ойратского героического эпоса, изданных и переведенных Б. Я. Владимирцовым, у нас имеются „Бум-Эрдэни"[2] (F 61, 160 лл.) и „Дайни-Кюрюль"[3] (D 92, 4 тетради, всего 246 лл.).

К эпическим сказаниям следует отнести также „Повесть о двух скакунах Чингис-хана", представленную в нескольких списках: один (B 221) происходит из Ордоса, другой (C 497) из Халхи, еще некоторые (C 413, C 497), судя по орфографии и почерку, являются бурятскими списками.

К такого рода произведениям относится также „Повесть о Хане Харангуй", „оказавшаяся письменной переработкой (едва ли простым переложением) одноименной, вероятно устной, героической эпопеи...", как ее определил Г. Д. Санжеев".[4] По его мнению, „повесть «Хан Харангуй»... не является простой записью народной (устной) эпопеи, это — подражание устной эпической поэме, эпическая повесть в стихах".[5] Несомненно, что этот памятник представляет значительный интерес и является большой редкостью. Однако мнение Г. Д. Санжеева о том, что „Хан Харангуй — единственный дошедший до нас образчик писанного оригинально-художественного произведения на протяжении семи веков (от начала XIII в. до 1921 г. ...)"[6] несомненно является преувеличением. Прежде всего необходимо указать на то, что „Повесть о Хане Харангуй" была известна и в Западной Монголии, о чем свидетельствует ее ойратский список (G 35),

---

[1] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 22; В. Л. Котвич, ук. соч., стр. 795.

[2] Б. Я. Владимирцов. Монголо-ойратский героический эпос. М.—Л., 1923, стр. 55—102.

[3] Там же, стр. 103—190.

[4] Г. Д. Санжеев. Монгольская повесть о Хане Харангуй. Труды Института востоковедения, XXII, М.—Л., 1937, стр. 6.

[5] Там же, стр. 7.

[6] Там же; выше (стр. 6) Г. Д. Санжеев говорит о разных видах монгольской художественной словесности.

имеющийся в III коллекции Б. Я. Владимирцова. Выше (стр. 121) были названы еще некоторые образцы „эпических сказаний, сделавшихся достоянием монгольской письменности", по удачному выражению Б. Я. Владимирцова.[1] Повидимому, они остались не известными Г. Д. Санжееву.

Наиболее значительным произведением монгольского героического эпоса является „Сказание о Гэсэре". Его ксилографическое издание появилось в Пекине в 1716 г. Текст и перевод его изданы еще И. Я. Шмидтом.[2] Во введении к новому переводу С. А. Козин определил это произведение „как аллегорическую поэму-сатиру, с острием сатиры, обращенным в сторону господствующих классов — духовных и светских феодалов, современных памятнику".[3] Эта пекинская версия эпоса Гэсэр имеется в Собрании монгольских рукописей в виде ксилографа I 83 в двух экземплярах, а также дублетов (I 61, I 20). Кроме того, имеется ряд рукописей, которые содержат по несколько глав этого сочинения. Например I 52 (гл. I—VIII, 155 лл.), I 86 (гл. I—IX, 194 лл.) и др., причем гл. I—VII являются копиями пекинского ксилографа. Некоторые рукописи содержат только отдельные главы, например гл. I: I 2 (ойрат., 40 лл.), C 9 (ойрат., 36 лл.); гл. II: F 142 (монг., 5 лл.); гл. V: F 120 (монг., 76 лл.); сочинение под названием „История Лубсага", по содержанию очень близко к гл. VI Гэсэра: C 296 (монг., 27 лл.) и C 441 (монг., 39 лл.); гл. VIII: H 114 (ойрат., 30 лл.), гл. IX: D 49 (ойрат., 13 лл.), I 7 (монг., 26 лл.); гл. VIII и IX: C 174 (ойрат., 24 лл.), D 33 (ойрат., 13 лл.), I 19 (монг., 25 лл.).

В качестве продолжения пекинской версии обычно называют главы VIII—XV рукописи F 306 (VIII — 19 лл., IX — 29 лл., X — 67 лл., XII — 68 лл., XIII — 109 лл., XV — 26 лл.; гл. XI и XIV отсутствуют). Необходимо, однако, отметить, что эти главы, известные у монголоведов под названием „южномонгольской версии", в очень сильной степени проникнуты буддийскими воззрениями и по своей идеологической направленности резко отличаются от первых семи глав, т. е. от пекинской версии. Выяснение причин этого является очередной задачей литературоведов.

Большой интерес представляет рукопись Собрания монгольских рукописей (F 312) (I т. 542 лл., II т. 430 лл.),

---

[1] Общественный строй монголов, стр. 22.

[2] I. J. Schmidt. Die Thaten Bogda Gesser Chan's... St.-Petersburg, 1839.

[3] С. А. Козин. Гесериада. М.—Л., 1935, стр. 34.

озаглавленная „Дзамлин Сэнчин-у намтар", т. е. „Жизнеописание Дзамлин Сэнчина". Она является монгольской версией (возможно, монгольским переводом) тибетского „Лин Гэсэра".

Следует заметить, что за все время собирания материалов по эпосу „Гэсэр" и изучения их внимание монголоведов не привлекали некоторые рукописи, имеющие непосредственное отношение к этому эпосу, хотя они находились не только в одной из старых коллекций (в I коллекции — И. Иерига), но и в коллекциях недавнего времени (III Коллекции Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии и III коллекции Б. Я. Владимирцова).

В сочинениях содержатся описания различных религиозных обрядов, в которых вместе с буддийскими и шаманскими божествами упоминается и Гэсэр.[1] Эти сочинения представляют несомненный интерес как попытки со стороны ламства использовать в своих целях образ Гэсэра, который пользовался большой популярностью среди народных масс в феодальной Монголии.

Кроме героических эпопей, для изучения общественного строя монголов, по замечанию Б. Я. Владимирцова, наибольшее значение из произведений народной словесности имеют пословицы и поговорки.[2] В Собрании монгольских рукописей имеются только единичные образцы этого жанра народного творчества — рукописи: E 42 (16 лл.) и B 246 (1 л.). Небольшое число пословиц наряду с загадками содержится в рукописи D 136 (4 лл.). Рукописей, содержащих записи загадок, тоже очень немного. Кроме упомянутой выше можно назвать еще следующие: D 40 (11 лл.), F 269 (6 лл.), B 139 (4 лл.), F 532 (2 лл.) и F 536 (24 лл.). Значительно более богаты материалы по песенному творчеству. Здесь имеются не только записи отдельных песен (D 126, D 31, E 86 и ряд других), но и сборники песен монгольских (F 260), бурятских (C 358) и ойратских (D 39, D 6, D 45 и др.). Среди них — подлинники записей А. М. Позднеева — E 56[3] и E 4. Число стихо-

---

[1] Например монгольские сочинения „Гэсэр-ун убсан", т. е. „Воскурение Гэсэру" (B 82, 6 лл., разм. 6 × 18 см), „Гэсэр хаган-у мактагал", т. е. „Славословие Гэсэр-хану" (C 404, 8 лл., разм. 8 × 26 см); бурят-монгольские (A 46, 1 л. и др.) и ойратские (B 188, B 211 и др.).

[2] Образцы народной литературы монгольских племен, вып. I, Народные песни монголов, СПб., 1880, стр. 191—192, 202—203.

[3] Текст и перевод изданы в „Записках Восточн. отдел. Русск. археол. общ.", т. III (1889), стр. 307—364; т. IV (1890), стр. 321—374; т. VI (1892), стр. 1—17; т. VII (1893), стр. 1—38.

творных произведений также довольно значительно. Большинство их дидактического буддийского содержания (C 458, F 159, B 39, C 200 и ряд других).

Из произведений монгольской художественной литературы, которая в феодальной Монголии, как уже неоднократно указывалось, была заимствующей, можно указать на известные сборники рассказов „Арджи Бурджи“ (C 524, C 11, C 152 и др.), „Бигермиджид“ (F 154, F 184), „Гэснэ-хан“ (H 123, I 53) и „Шиддиту-хур“ (I 3, F 214, C 82).

Следует также упомянуть о сборниках „Улигэр-ун далай“, т. е. „Море притч“ (K 5, K 12, I 98 и др.) — монгольской версии тибетского „Дзан-луна“, и также „Улигэр-ун ном“, т. е. „Книга притч“. Особенно значительное количество буддийских сочинений было издано при императоре Кан-си, который проявил весьма обширную и разнообразную деятельность в этой области, о чем подробно сообщает А. М. Позднеев.[1]

Ряд буддийских сочинений, изданных при Кан-си, имеется в Собрании монгольских рукописей во многих экземплярах. Например „Алтан гэрэл“ — сутра „Золотой блеск“ (I 65, I 66 и др.); „Цаган линхоа“ — сутра „Белый лотос“ (I 78 и др.); „Мани гамбум“ (E 1, E 31) и др.

Хотя буддийская литература занимает значительное место в Собрании монгольских рукописей, однако в нем представлены и другие памятники культуры феодальной Монголии, например медицинские сочинения. Наиболее значительные из них являются переводами с тибетского, например: основной трактат тибетской медицины, известный под сокращенным заглавием „Джуд-ши“ [2] (H 329, H 289 и др. — ксилографы), а также несколько рукописей (H 377, H 378 и др.), являющихся копиями отдельных частей сочинения или же выписками из них. Имеется также практический лечебник „Лхантаб“.[3] Кроме нескольких ксилографов (H 287, H 288; H 332 — бурятское издание) можно указать на некоторые копии и выписки, например F 75, E 234 и др.

Можно назвать еще небольшие сочинения на ту же тему: „Эльдэб чихула хэрэгту“, т. е. „Разное существенно необходимое“ (D 15, 42 лл.); медицинский справочник (D 137,

[1] А. М. Позднеев. Монгольская летопись Эрдэнийн Эрихэ, стр. 293—304.

[2] Е. А. Обермиллер. Пути изучения тибетской медицины. Библиография Востока, вып. 8—9, М.—Л., 1936, стр. 48—60. Там же указана литература.

[3] Там же, стр. 58.

65 лл.), который содержит названия различных лекарственных веществ с указанием случаев их употребления; список лекарств и указатель болезней, которые они излечивают (C 526, 66 лл.); сочинение о кровопускании (E 81, 8 лл). и т. п.

По ветеринарии есть только единичные сочинения, например о вывихах и переломах у домашних животных (D 20, 12 лл.), о признаках хорошего коня (B 177, 6 лл. и F 262, 20 лл.).

Сочинения по астрономии, как уже было указано,[1] являются переводами с китайского и тибетского. Одно из них (G 163, ксилограф, 2 тао (обложки) по 15 бэней (тетрадей)) имеется в Собрании монгольских рукописей. Календарей, в которых сообщаются сведения по астрономии, а также по астрологии, имеется несколько. Например: календарь на 47-й год правления Тэнгри-ин-тэдхугсэн (кит. Цяньлун, т. е. 1782 г.; G 44), на 29-й год правления Бадарагултуту (кит. Гуан-сюй, 1903 г.; C 427).

Следует указать на ряд небольших сочинений, известных у монголов и бурят-монголов под тибетским названием „литэ". Это календари, в которых, кроме сведений о месяцах и числах, содержатся данные о явлениях природы (замерзание рек и т. д.) и животного мира (прилет и отлет птиц и т. п.) по месяцам и числам. Большинство таких книжек поступило в наше Собрание из Бурят-Монголии (B 225, B 138, D 188 и др.).

Есть много сборников примет и указателей „счастливых" и „несчастливых" дней и т. п. (C 66, 12 лл., B 162, 25 лл., C 401, 9 лл. и много других).

Весьма значительно число книжек для гаданий (C 96, C 397 и др.), предсказаний (B 83, C 175 и др.), заклинаний (C 293, C 156 и др.).

К этнографическим материалам относятся описания, которые вместе с тем являются наставлениями для совершения обрядов: возлияния кобыльего молока (C 328, D 36, C 334); омовения (C 385, B 15), обряда „далалга" („приманивания" счастья и благополучия) и т. п. Меньшее число их является чисто шаманскими, во многих же в сильной степени заметно влияние ламаизма, который воспринимал и использовал в своих интересах шаманские божества, верования, обряды и т. п. То же самое мы наблюдаем и в ряде небольших сочинений, посвященных культам: тэнгриев (B 175, B 206,

[1] Б. Лауфер. Очерк монгольской литературы. Перевод под ред. Б. Я. Владимирцова, Л., 1927, стр. 88—89.

С 148 и др.), огня (С 147, С 321 и др.), „Белого старца“ (В 149, С 117 и др.) и некоторым другим.

Описаний путешествий в Собрании монгольских рукописей немного. Таковы, например, очень краткие очерки путешествий по Тибету и Непалу Лудуб Андагаева (D 71) и его вариант (D 199); Лубсан Мижода (F 92, D 75, D 204), Д. Д. Заяева (G 34).

Грамматические сочинения представлены не только сочинением Джирухэн-у толта (ксилографы Н 19, Н 195 и др.; копии с них — С 379, Е 30 и др.), но и некоторыми менее известными сочинениями, такими, как „Хэлэн-у чимэг“, т. е. „Украшение речи“ (Н 120 — ксилограф, F 52 — рукопись), грамматикой (без заглавия) дзахиракчи-дзанги Лхамасуруна (G 74, 31 лл.). Все они содержат, главным образом, традиционные сведения об „изобретении“ монгольской письменности Сакья-пандитой, об „усовершенствовании“ ее Чойджиодзэром и т. п., а также очерк монгольской фонетики.

Из словарей следует назвать „Монгол усуг-ун хурияксан бичик“ — монгольско-китайско-маньчжурский словарь (G 78; 1 тао содержит 5 бэней, один из них — введение, II — IV тао по 4 бэни); тибетско-монгольский словарь, известный под сокращенным названием „Догбар лава“ (G 39) и др.

Ряд сочинений и материалов Собрания монгольских рукописей был использован в монголоведной литературе в различной степени, иногда еще совершенно недостаточно. Некоторые же весьма ценные памятники остаются неизученными, например: „Алтан хурдун минган хэгэсуту“, отдельные материалы по истории бурят-монголов и другие.

Кроме перечисленных рукописей и ксилографов в Монгольском фонде имеются еще материалы, представляющие особенно большую ценность для изучения монгольского языка и письменности. Это прежде всего фрагменты монгольских рукописей XIII—XIV вв. из Хара-Хото, привезенные П. К. Козловым. Краткое предварительное описание их было дано В. Л. Котвичем.[1] Они еще ожидают своего исследователя. Необходимо также назвать грамоту тумэтского Алтан-хана 1580 г., описание и исследование которой дал А. М. Позднеев.[2]

Подводя некоторый итог всему сказанному выше, необходимо признать, что Собрание монгольских рукописей состоит

[1] П. К. Козлов. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. ОГИЗ — Географгиз, 1947, стр. 302—304.

[2] А. М. Позднеев. Новооткрытый памятник монгольской письменности эпохи династии Мин. Восточные заметки, СПб., 1895, стр. 367—386.

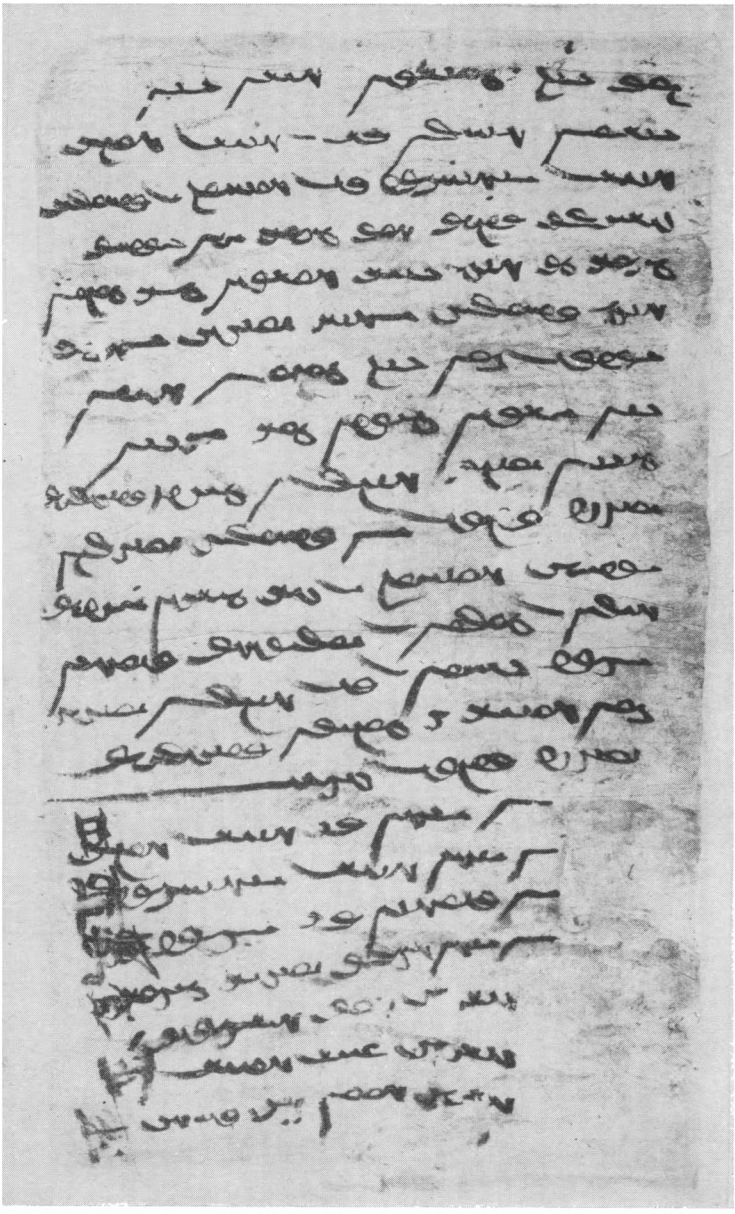


Рис. 2. Рукопись XIII—XIV вв. из Хара-Хото. Расписка в получении пшеницы с обязательством вернуть ее в указанный срок. (Колл. П. К. Козлова, фрагмент № 1).

из большого числа рукописей и ксилографов, которые относятся к самым различным областям истории монголов и их культуры. Поэтому трудно согласиться с мнением акад. Б. Я. Владимирцова о том, что „главная ценность и научное значение собрания монгольских и ойратских рукописей и ксилографов Азиатского музея в том, что оно выясняет и характеризует монгольскую письменность вообще, за все время ее существования".[1] Знакомясь с содержанием Собрания монгольских рукописей, можно видеть, что его значение не ограничивается только этой стороной. Собрание самых разнообразных сочинений имеет большое значение для изучения истории монгольского народа и его культуры.

---

[1] Б. Я. Владимирцов. Монгольский фонд, стр. 77—78.

В. С. ВОРОБЬЕВ-ДЕСЯТОВСКИЙ

СОБРАНИЕ ИНДИЙСКИХ РУКОПИСЕЙ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Собирание индийских рукописей началось в России еще в XVIII в. Видная роль в этом деле принадлежала Академии Наук. До 1818 г. индийские рукописи, как и все другие восточные рукописи, собирались и хранились в Кунсткамере, в Библиотеке и Архиве Академии Наук. В 1818 г., когда был основан Азиатский музей, ему были переданы все имевшиеся в то время в Академии восточные рукописи. С этого времени собирание, научная обработка, изучение и публикация восточных рукописей становятся одной из основных сторон деятельности Азиатского музея Академии Наук.[1]

Полученные Азиатским музеем рукописи были подвергнуты научной классификации и разделены на ряд собраний. Было выделено собрание индийских рукописей и рукописей других стран юго-восточной Азии. Этим была заложена основа существующего ныне в Институте востоковедения Академии Наук СССР собрания индийских рукописей, куда входят также и рукописи из стран юго-восточной Азии, например Цейлона, Бирмы, Сиама, Индонезии др.

Хотя собирание памятников восточной письменности велось в Академии Наук с момента ее основания и до 1818 г. не столь интенсивно и организованно, как в последующее время, нельзя недооценивать значения собранных до этой даты восточных рукописей. Именно они дали возможность Азиатскому музею Академии Наук стать с самого первого дня его существования крупнейшим центром по собиранию и изучению

[1] История создания Азиатского музея Академии Наук и первых 28 лет его деятельности и относящиеся к этому материалы даны в книге: B. Dorn. Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. St.-Petersburg, 1846.

памятников восточной письменности и вместе с этим по изучению истории, языка и литературы стран Востока. В то время печатных изданий восточных памятников было мало и рукописи служили во многих случаях единственным источником.

История поступлений восточных рукописных материалов в Академию Наук в XVIII в. прослеживается с большим трудом, так как в ряде случаев документация либо отсутствует, либо носит очень неясный характер, ибо многие восточные языки были тогда у нас и в Западной Европе почти неизвестны. Одним из первых поступлений индийских рукописных материалов (30-е годы XVIII в.) была таблица, содержащая текст на диалекте мультани западноиндийского языка лахнда, написанный алфавитом ланджа слитными монограммами, а также и отдельными слоговыми знаками. Таблица интересна как палеографический памятник и была использована Я. И. Шмидтом при выяснении происхождения тибетского алфавита.[1] Объяснение происхождения этого алфавита, данное Я. И. Шмидтом, остается в силе и в наше время, с небольшими поправками в области индийской палеографии.

В библиотеке Академии Наук в 1776 г. уже хранилось несколько тамильских рукописей.[2]

В 1802 г. поступила хранившаяся долгое время в собрании индийских рукописей, а затем переданная в собрание рукописей, писанных арабским алфавитом, рукопись на малайском языке, содержащая историю Малайи с древнейших времен до португальского завоевания. Настоящий список этого сочинения был сделан по поручению известного мореплавателя И. Ф. Крузенштерна во время его пребывания в Малакке в 1798 г. и принесен им в дар Академии Наук после его возвращения в Россию.[3]

---

[1] Я. И. Шмидт. О происхождении тибетских письмен. Чтения императорской Академии Наук в Санктпетербурге за 1829—1830 годы (Отделение наук исторических, филологических и политических), кн. I, СПб., 1831, стр. 100—103; более подробно в его же статье: Über den Ursprung der tibetischen Schrift. Mémoires de l'Académie impériale des Sciences de St.-Pétersbourg, VI-e série, sciences politiques, histoire et philologie, t. I, St.-Petersburg, 1832, стр. 41—54 и 1 таблица. Здесь приведена латинская транслитерация текста (стр. 52) и описание таблицы.

[2] И. Бакмейстер. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей. Русский перевод В. Костыгова. СПб., 1779, стр. 87.

[3] B. Dorn. Das Asiatische Museum, стр. 114, № 1; см. также помещенную в этой книге в виде приложения работу: O. Böhtlingk, Verzeichniss der auf Indien bezüglichen Handschriften und Holzdrucke im Asiatischen Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, стр. 733.

Поступление коллекций индийских рукописей началось уже после организации Азиатского музея Академии Наук. Так, в 1830 г. была куплена и в 1835 г. передана Академии 1-я коллекция Шиллинга фон Канштадта. Она значительно пополнила собрание дальневосточных рукописей и ксилографов Азиатского музея (около 2600 единиц). Ее индийская часть состояла из 7 единиц. Эти рукописи были приобретены в Индии Г. С. Лебедевым во время его пребывания там в 80-х и начале 90-х годов XVIII в. В составе этой коллекции были две санскритские рукописи,[1] четыре календаря[2] и одна рукопись на языке хинди.[3] Сообщение о поступлении коллекции и краткое ее описание составлено П. Я. Петровым.[4]

В том же 1835 г. поступила коллекция рукописей Стюарта (95 ед.), купленная в Лондоне в 1832 г. В ней представлены произведения разных эпох и отраслей санскритской литературы в хорошо выполненных и выверенных списках, сделанных в различных местностях Северной Индии преимущественно во второй половине XVIII в. Описание этой коллекции было составлено и опубликовано Р. Ленцом.[5]

Поступление двух коллекций значительно обогатило собрание индийских рукописей Азиатского музея Академии Наук.

После смерти Р. Ленца в 1837 г. в Азиатский музей было передано рукописное наследие этого индианиста его братом знаменитым физиком академиком Э. Ленцом. В составе этого наследия имелось более десяти списков индийских произведений, сделанных Р. Ленцом с рукописей, хранящихся в Лондоне и Париже.[6] Среди них — список нескольких глав древнейшего

---

[1] Н. Д. Миронов. Каталог индийских рукописей, ч. I, Пгр., 1914, №№ 140 и 242. В дальнейшем этот каталог обозначается сокращенно: Кат. инд. рук.; арабскими цифрами — номера сочинений.

[2] Кат. инд. рук., 314—318.

[3] Кат. инд. рук., 462.

[4] П. Я. Петров. Прибавление к каталогу санскритских рукописей, находящихся в Азиатском музеуме императорской Санктпетербургской Академии Наук. Журнал Министерства народного просвещения, октябрь, 1836, ч. XII, стр. 194—198.

[5] R. Lenz. Bericht über eine im Asiatischen Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg deponierte Sammlung Sanskrit-Manuscripte. St.-Petersburger Zeitung, 1833, №№ 219—223.

[6] O. Böhtlingk. Verzeichniss der auf Indien bezüglichen Handschriften und Holzdrucke im Asiatischen Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften; B. Dorn. Das Asiatische Museum, стр. 734—735.

дошедшего до нас памятника литературы хинди „Притхвӣ-рāзрāсо“,[1] написанного в XII в. поэтом Чанд Бардāӣ.[2]

С 1837 по 1855 г. Азиатский музей приобретал отдельные рукописи преимущественно санскритских сочинений. В 1855 г. в Азиатский музей поступила коллекция санскритских рукописей Дж. Геберлина, купленная в Калькутте. Она увеличила собрание индийских рукописей на 76 единиц[3] и обогатила его ценными санскритскими рукописями и рукописями ведических сочинений.

В 1871 г. была получена в дар от Д. Райта коллекция, состоящая из пяти непальских рукописей на языке невари.[4] Пополнение собрания индийских рукописей отдельными экземплярами продолжалось и в последующие годы.[5] Крупные коллекции индийских рукописей (180 ед. преимущественно на санскрите) поступили в 1906 г. и в 1908 г. Благодаря этому собрание индийских рукописей значительно пополнилось сочинениями, отражающими развитие различных отраслей науки в древней и средневековой Индии.[6]

В 1907 г. в Азиатский музей Академии Наук была доставлена коллекция Н. И. Воробьева, состоявшая из 24 рукописей на языках: пāли, сигналезском, камбоджском и сиам-

---

[1] В данной работе индийские имена и названия сочинений даются в русской транслитерации. Она находится в следующем соотношении с латинской: а = a; ā = ā; и = i; ӣ = ī; у = u; ӯ = ū; р = r; р̄ = r̄; ḷ = l̄; е = e; аи = ai; о = o; ау = au; к = к; кх = kh; г = g; гх = gh; ṅ = ṅ; ч = c; чх = ch; ǰ = j; ǰх = jh; ñ = ñ; ṭ = ṭ; тх = ṭh; ḍ = ḍ; дх = ḍh; ṇ = ṇ; т = t; тх = th; д = d; дх = dh; н = n; п = p; пх = ph; б = b; бх = bh; м = m; й = y; р = r; л = l; в = v; ш = š; ṣ = ṣ; с = s; х = h; ẖ = h; ṃ = ṃ. — Те индийские названия, которые не могут быть переведены на русский язык без особых (иногда довольно обширных) примечаний, даются в настоящей статье только в транскрипции.

[2] Кат. инд. рук., 461.

[3] Bulletin Historico-philologique de l'Académie Imperiale des Sciences de St.-Pétersbourg, т. XIII, 1856, стр. 146.

[4] Сообщение акад. А. А. Шифнера Историко-филологическому отделению Академии Наук. Архив АН СССР, ф. 152, оп. 1, № 2, л. 38; С. Ф. Ольденбург. Непальские рукописи в петербургских библиотеках. Записки Вост. отд. Русск. археол. общ., т. IV (1889). СПб., 1890, стр. 383—386.

[5] Уникальные древние индийские рукописи из Восточного Туркестана, начавшие поступать в Азиатский музей Академии Наук с 90-х годов XIX в. от знаменитых русских исследователей Центральной Азии, хранятся вместе с тибетскими, тохарскими и другими рукописями в Центральноазиатском собрании.

[6] Н. Д. Миронов, Список санскритских рукописей, пожертвованных бароном А. А. фон Сталь-Гольштейном. Известия Академии Наук, 1908, стр. 1303—1309.

ском, а в 1912 г. — коллекция Хаса Джас, пополнившая собрание 11 панджабскими рукописями и рядом рукописных книг с деловыми и торговыми записями на панджабском языке. В следующем, 1913 году М. С. Андреев прислал в адрес Музея из Пондишери в Индии коллекцию тамильских рукописей на пальмовых листьях. Она состояла из 17 единиц. Определенный интерес в ней представляют медицинские трактаты.

Следующее крупное поступление было в год Великой Октябрьской социалистической революции: из Музея антропологии и этнографии Академии Наук была передана коллекция из 8 санскритских рукописей, преимущественно из южной Индии. В ней имеется рукопись, содержащая часть знаменитого произведения „Восемь глав" (грамматических правил) крупнейшего древнеиндийского грамматика Пāṇини (около IV в. до н. э.), а также рукопись части комментария „Кāшикавиваранāпаńчика" на это произведение.[1]

В последующие годы собрание продолжало непрерывно пополняться, несмотря на то, что молодое тогда Советское государство переживало тяжелое время гражданской войны и иностранной интервенции. Это свидетельствует о постоянной и неустанной заботе о развитии науки, которое проявляло с первых дней своего существования Советское правительство. Из новых поступлений того времени следует отметить два альбома индийских миниатюр, выполненных с большим мастерством.[2] Эти альбомы поступили в 1920 г. Из более поздних поступлений очень ценной является великолепно написанная и оформленная сиамская рукопись сочинения Висуддхимагга „Путь к чистоте". Эта большая рукопись (318 лл., разм. 56 × 5 см) написана на пальмовых листьях камбоджским алфавитом. Сочинение Висуддхимагга является первым известным нам обширным изложением философии и теологии южного буддизма (хинайāны) на языке пāли. Составлено оно было на Цейлоне Буддхагхосой, жившим в V в. В это сочинение вошли также многочисленные легенды, некоторые из них представляют буддийскую обработку сингалезских и индийских народных сказок.

---

[1] О состоянии собрания индийских рукописей на 1918 год см.: Азиатский музей Российской Академии Наук (краткая памятка). Пб., 1920, стр. 87—90.

[2] Репродукции некоторых миниатюр из этих альбомов помещены в виде иллюстраций в книге: Махабхарата, книга первая. Перевод с санскрита и комментарии В. И. Кальянова, под редакцией акад. А. П. Баранникова. М.—Л., 1950.

В 1931 г. из астраханского отделения Нижневолжского краевого архивного управления были переданы две рукописи, содержащие деловые записи приезжавших в Астрахань индийских торговцев, судя по языку, уроженцев западной Индии.[1]

В 30-х годах поступила коллекция санскритских рукописей южноиндийского происхождения. В этой хотя и небольшой коллекции было несколько интересных рукописей драматических произведений, например „Калйа̄насаугандхика". Одним из последних поступлений является кашмирская рукопись, присланная в 1949 г. в подарок от кашмирского отделения Общества друзей Советского Союза в Сринагаре.

Такова вкратце история собрания индийских рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР. Сейчас в нем насчитывается более 600 единиц, и оно является крупнейшим в нашей стране. В собрании представлены рукописные памятники литературы, науки, философии и других сторон культурной жизни Индии на протяжении более чем трех тысяч лет, а также рукописи некоторых соседних стран юго-восточной Азии.

Имеются рукописи ряда сочинений, созданных в древнейшую эпоху развития индийской литературы, называемую обычно ведической. Наиболее древнее из них „Йаджурведа-самхита̄" („Сборник жертвенных изречений") имеется в двух редакциях. Одна из них — „Таиттирӣйасамхита̄" является редакцией „Черной Яджурведы". Она содержит наряду с жертвенными изречениями описание жертвоприношений и их объяснения и представлена в собрании одной рукописью.[2] „Ва̄джасанейисамхита̄", называемая „Белой Яджурведой" и содержащая только жертвенные изречения (мантры) без пояснительного текста, имеется в собрании в трех рукописях.[3]

Из более поздних произведений ведического периода в собрании есть рукопись „Чха̄ндогйа-упанишад" — одного из первых памятников индийской философии. Имеются также рукописи более поздних неведических произведений философского содержания, называемых также упанишадами, например „А̄птавайрашӯчи-упанишад", написанный Шанкарой в VII в.[4] Есть в собрании произведения, содержащие всякого рода сведения, которые, согласно индийской традиции, считались тайными. Это — „Гаруда-упанишад", содержащий заклинания

[1] Архив АН СССР, ф. 152, оп. 2, № 10.
[2] Кат. инд. рук., 1.
[3] Кат. инд. рук., 2—4.
[4] Кат. инд. рук., 16.

змей[1] и некоторые другие упанишады Атхарваведы, которые создавались и в ведическую эпоху и в более позднее время.

В собрании имеются рукописи позднейших комментариев к философским произведениям ведической эпохи. Две из них приписываются знаменитому комментатору вед XIV в. н. э. Сāйане.[2]

Древнеиндийский эпос представлен рукописями отдельных частей знаменитой поэмы „Махāбхāрата“[3] и позднейшим прибавлением ко второй эпической поэме „Рāмāйана“, носящем название „Адбхутоттаракāнда“.[4] Как известно, создание поэмы „Махāбхāрата“ длилось более тысячи лет и закончилось в основном около IV в. За это время в это эпическое произведение были вставлены разнообразные первоначально самостоятельные произведения. К последним принадлежит „Бхагавадгīтā,“ представленная в собрании двумя рукописями.[5] Этот философско-этический трактат написан стихами и отличается высокой художественной формой изложения, благодаря чему он пользовался широкой известностью в Индии, а с конца XVIII в. и в Европе.[6]

Восьмьюдесятью рукописями представлены пурāны („древние сказания“) — литературные памятники, близко примыкающие к эпосу, но еще более разнородные по своему содержанию.[7] Каждая из этих рукописей содержит часть какой-либо пурāны, являющейся обычно самостоятельным сочинением. Среди рукописей собрания типичным образцом основного текста пурāн может служить „Матсйапурāна“. В ней повествуется о небесных телах, космогонии, различных событиях мифологического характера.[8]

Интересна для истории общественных отношений древней Индии рукопись, озаглавленная „Варнāдисрти“, содержащая легенду о царях Вене и Пртху.[9] В этой легенде повествуется

---

[1] Кат. инд. рук., 10.
[2] Кат. инд. рук., 5 и 6.
[3] Кат. инд. рук., 20—24.
[4] Кат. инд. рук., 19.
[5] Кат. инд. рук., 20 и 21.
[6] „Бхагавадгīтā“ была одним из первых произведений индийской литературы, переведенных на русский язык, см.: Багуат-Гета или Беседы Кришны с Арджуном, с примечаниями, переведенные с подлинника, писанного на древнем браминском языке, называемом санскритта, на английской, а с сего на российской язык. М., 1788. В XIX и XX вв. вышел ряд русских переводов этого произведения и отрывков из него.
[7] Кат. инд. рук., 25—106.
[8] Кат. инд. рук.. 68.
[9] Кат. инд. рук., 44.

о том, как из смешения древних сословий произошли различные профессии. Изучение этой легенды с исторической точки зрения может дать материал по происхождению каст (ǯāти) и их соотношению с более древним делением индийского общества на четыре сословия (варṇа).

В собрании имеется несколько частей различных пураṇ, озаглавленных „Māхāтмйа", посвященных описанию мест паломничества.[1] В этих произведениях содержатся важные сведения по исторической географии Индии.

Другие части пураṇ представляют произведения философско-этического и богословского содержания. Почти все они носят сектантский характер и поэтому представляют известный интерес для истории вишнуизма, шиваизма и других индуистских религиозно-общественных учений, нередко служивших оболочкой политической и классовой борьбы в средневековой Индии. Сюда относится „Шивагӣтā" из „Падмапураṇы", представленная двумя рукописями,[2] и „Гуругӣтā" из „Скандапураṇы".[3] Оба этих произведения являются шиваитскими подражаниями „Бхагавадгӣте".

К произведениям этого рода близко примыкают стотры — хвалебные песни в честь различных богов и богинь, персонажей индийской мифологии и др. Представление в собрании стотры частично входят в состав различных пураṇ,[4] частично являются самостоятельными произведениями.[5] Среди последних есть несколько уникальных рукописей. Стотры имеются на новоиндийских языках, в частности на хиндӣ.[6]

Собрание располагает значительным числом произведений буддийской литературной традиции, которая начинает развиваться в V в. до н. э. на народных языках древней Индии. Ее наиболее древний памятник — палийский канон, записанный в I в. до н. э. на Цейлоне, называется „Типиṭака" („Три корзины"). В собрании имеется ряд рукописей разных произведений, входящих в один из трех разделов этого канона (рис. 1) и позднейших комментариев на них, написанных на среднеиндийском языке пāли на Цейлоне, в Бирме и Сиаме.[7] Среди этих произведений как с литературной, так и с исторической точки зрения наибольший интерес представляют

[1] Кат. инд. рук., 29—31, 78—80.
[2] Кат. инд. рук., 27 и 28.
[3] Кат. инд. рук., 85.
[4] Кат. инд. рук., 42, 43, 52, 53, 73, 75, 76, 93, 95.
[5] Кат. инд. рук., 361—412.
[6] Кат. инд. рук., 459 и 460.
[7] Кат. инд. рук., 431—447.

джа̄таки — рассказы о перерождениях Бодхисаттвы до того момента, как он стал Буддой.[1] Многие рассказы почерпнуты из устного народного творчества, и буддийская обработка их часто сводилась лишь к тому, что то или иное действующее лицо, порою второстепенное, отожествлялось с одним из перерождений Бодхисаттвы. Исторический интерес эти произведения представляют из-за содержащихся в них многочисленных описаний жизни различных слоев индийского общества последних веков I тысячелетия до н. э. и первых веков I тысячелетия н. э.

Из неканонических палийских произведений следует отметить рукопись „Милиндапанха“ („Вопросы Милинды“).[2] Это одно из самых древних неканонических произведений, сохранившихся в палийской буддийской традиции. Его основное ядро было создано в северо-западной Индии, вероятно в I в. до н. э. Милинда отожествляется с греко-индийским царем Менандром, правившим в конце II и самом начале I в. до н. э. обширным царством, в состав которого входила вся северо-западная Индия, до Гуджарата включительно, и бóльшая часть долины Ганга. Сочинение содержит беседы Милинды с буддийским монахом Нāгасеной на философские темы. Древняя часть этого произведения не уступает по живости и яркости диалогам Платона. В ней с большой ясностью излагаются основные положения философии раннего буддизма, даются многочисленные сравнения для пояснения этих положений. „Милиндапаньха“ имеет большое значение для изучения философии раннего буддизма. В этом произведении наиболее ярко выступают те положения буддийской философии, например отрицание существования души, которые были отвергнуты в процессе дальнейшего развития буддизма.

Из представленных в собрании махаянистских произведений, отражающих позднейшее развитие буддизма в северной Индии в первых веках н. э., следует отметить список Лалитавистары, сделанный Р. Х. Ленцом с непальской рукописи.[3] Это произведение, написанное на санскрите, содержащем много пракритских форм, может быть названо древнейшим буддийским произведением, проникнутым всецело махаянистскими идеями. В нем излагается жизнь Будды и важнейшие положения его учения.

Та же ступень развития северного буддизма отражается и в „Ашокāвадāнамāлā“ („Венок деяний Ашоки“), сборнике

[1] Кат. инд. рук., 437—441.
[2] Кат. инд. рук., 453.
[3] Кат. инд. рук., 419.

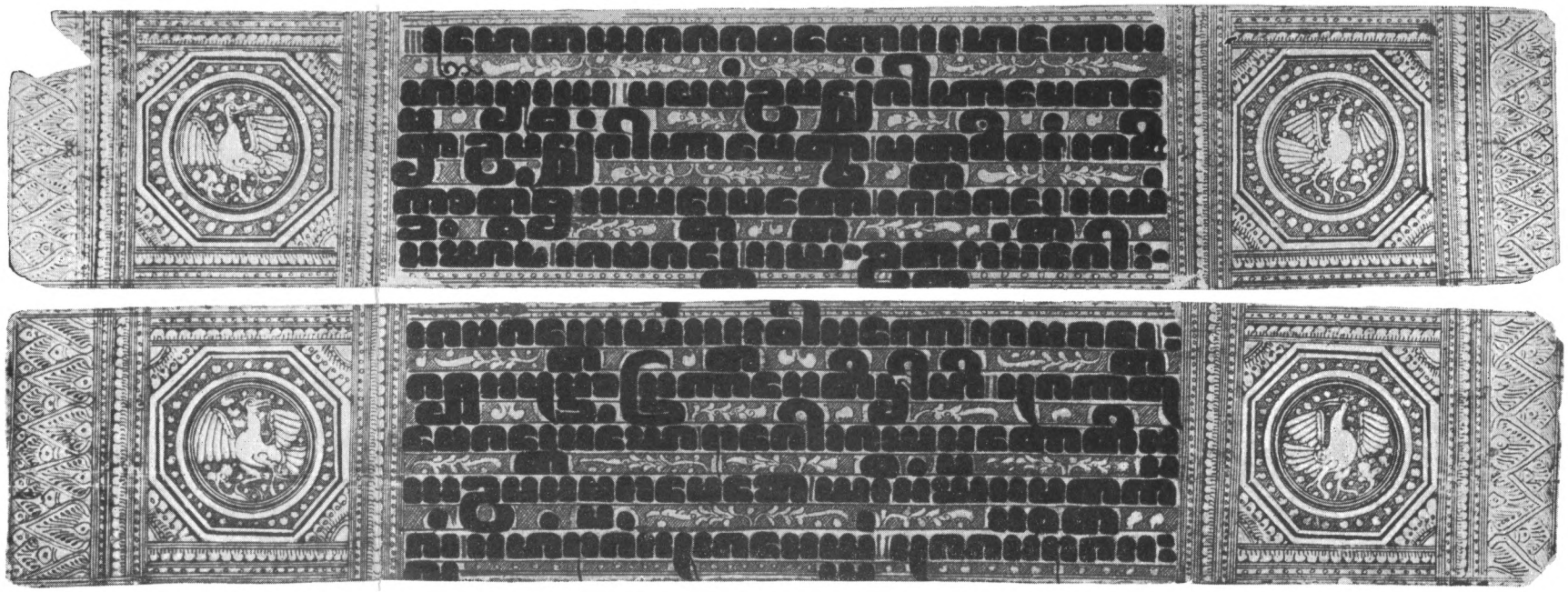


Рис. 1. Рукопись „Каммавāчā“ на языке пали, лл. 1—2 (Кат. инд. рук., 451).

буддийских легенд об императоре Ашоке Маурйа, оказывавшем всяческое покровительство буддизму в своей обширной империи. Собрание располагает очень хорошей рукописью этого сочинения. Этот сборник легенд представляет большой интерес для истории индийской литературы, в частности для истории буддийской драмы.

Ценными источниками для изучения позднейшего буддизма являются также буддийские сӯтры. В собрании есть редкие рукописи[1] этих произведений.

Из памятников джайнской литературной традиции в собрании имеется рукопись стихотворной поэмы „Читрасенападмāватīчаритра" („Жизнь Читрасены и Падмāватī"). Джайнский дидактический элемент внесен в нее лишь в виде отдельных изречений.[2]

Тантрическая литература — литература традиции шакта, одной из религиозных сект северо-восточной Индии, представлена в собрании 32 рукописями.[3]

Собрание располагает также рукописями санскритской художественной литературы. Из произведений эпического содержания следует назвать поэму „Рагхувaмша" („Род Рагху") величайшего индийского поэта I тысячелетия н. э. Кāлидāсы, имеющуюся в собрании в двух рукописях.[4]

Вторая эпическая поэма „Кумāрасамбхава" („Рождение Кумāры"), принадлежащая перу этого „любимого сына богини мудрости и красноречия Сарасватī", как называют индийцы Кāлидāсу, представлена в собрании одной, к сожалению, неполной рукописью.[5] Имеется также и рукопись комментария Бхаратасены на первые два раздела этой поэмы.[6]

Обе поэмы Кāлидāсы написаны на сюжеты из индийской мифологии, как и многие другие произведения индийских поэтов. Сюжет „Рагхувaмши" взят из эпической „Рāмāйаны", а сюжет „Кумāрасамбхавы" — из пурāṇ. Однако гений Кāлидāсы использовал эти древние сюжеты для создания восторженных гимнов земной человеческой жизни. В созданных им образах богов и богинь и древних мифических царей наиболее ярко выступают простые человеческие чувства. Искусно вставленные многочисленные, редкие по художественному мастерству, описания природы и различных событий из жизни

[1] Кат. инд. рук., 417, 420, 421.
[2] Кат. инд. рук., 413.
[3] Кат. инд. рук., 107—139.
[4] Кат. инд. рук., 147 и 148.
[5] Кат. инд. рук., 149.
[6] Кат. инд. рук., 150.

людей делают эти поэмы лучшими образцами санскритской литературы. До сих пор почти не отмечалось, что прославление реальной жизни в произведениях Кāлидāсы и других авторов находится в резком противоречии с учением о перерождении душ, тяготевшим уже много веков над развитием индийской мысли и повелевавшим широким массам индийского народа безропотно выносить любые притеснения в земной жизни, ожидая за это всяческих благ в будущих „перерождениях".

Из санскритских произведений лирического жанра следует отметить представленную в собрании тремя рукописями поэму „Гӣтаговинда" поэта XII в. Ẓайадевы, жившего в Бенгалии.[1] Ẓайадева — один из талантливейших индийских лирических поэтов — включил в свое произведение много песен, построенных по образцу народных. Две рукописи этой поэмы снабжены комментарием, один из которых принадлежит Ванамāлидāсе. Далее, в собрании есть рукописи сборников санскритских стихотворений-афоризмов, приближающихся по своему размеру и композиции к пословицам.[2] Это сборники стихотворений на различные темы известных индийских поэтов: Кāлидāса,[3] Бхартрхари,[4] Кусумадева,[5] Вараручи,[6] Гхаṭакарпара,[7] Бхавабхӯти,[8] Ветāлабхаṭṭа[9] и других. Некоторые из этих стихотворений были изданы Дж. Геберлином по рукописи, находящейся ныне в нашем собрании.[10]

В собрании имеются также рукописи двух обширных антологий санскритских стихотворений. Из них рукопись антологии „Субхāшитāрṇава" („Океан прекрасных изречений") является уникальной.[11] Бóльшая часть содержащихся в ней стихотворений не встречается в других антологиях. Другая антология „Шāрṅгадхарападдхати", составленная в 1363 г. Шāрṅгадхарой, представлена в собрании двумя рукописями.[12]

[1] Кат. инд. рук., 153—155.

[2] Санскритское название таких стихотворений-афоризмов субхāшита — „прекрасное изречение".

[3] Кат. инд. рук., 167, 4.

[4] Кат. инд. рук., 161.

[5] Кат. инд. рук., 166, 1.

[6] Кат. инд. рук., 167, 1.

[7] Кат. инд. рук., 167, 2.

[8] Кат. инд. рук., 167, 8.

[9] Кат. инд. рук., 167, 9.

[10] J. Haeberlin. Kavya-Sangraha. A Sanscrit antology, being a collection of the best smaller poems in the Sanscrit language. Calcutta, 1847.

[11] Кат. инд. рук., 172, 1.

[12] Кат. инд. рук., 170 и 171. Относительно рукописи 170 см. также: A. Schiefner. Beiträge zur Kritik des Bhartrhari aus Çarngadharas Paddhati. Bulletin Historico-philologique de l'Académie Imperiale des

Антология интересна не стихотворениями самого Шāрṅгадхары, которые довольно бледны, а стихотворениями, взятыми Шāрṅгадхарой из произведений других авторов, которых Шāрṅгадхара часто называет по имени.

Из литературы на тамильском языке в собрании имеется рукопись сборника шиваитских лирических песен, „Тирувāшакам". Песни этого сборника отличаются большими художественными достоинствами. Его автор Мāṇивāшагар был ревностным шиваитом и одним из самых последовательных противников джайнов и буддистов. Жил он в VIII или IX в. в Мадуре. Из произведений более поздних поэтов следует назвать Кантаранупӯти, что равно санскритскому Скандāнубхӯти в тамильском произношении. Автор этого произведения Арунагиринāтха происходил из касты барабанщиков.

Собрание располагает также рядом рукописных памятников индийской сказочной литературы. К ним прежде всего следует отнести дидактический сборник сказок и рассказов Хитопадеша „Полезное наставление". Это произведение представляет обработку аналогичного сборника „Паṅчатантра", который уже в VI в. пользовался широкой известностью не только в самой Индии, но и за ее пределами. Сборник „Хитопадеша" был создан в самом конце I тысячелетия или в начале II тысячелетия н. э. Рукопись сборника, хранящаяся в собрании,[1] была использована при первом критическом издании этого произведения.[2]

Рукопись собрания „Тантракхйāна" на языке неварӣ[3] является непальской обработкой „Панчатантры", сделанной, очевидно, в XIV в.

Из сборников сказок, не преследующих дидактических целей, следует отметить рукопись обширного сборника сказок „Брхаткатхāманǰарӣ",[4] написанного на санскрите в первой половине XI в. кашмирцем Кшемендрой. „Брхаткатхāманǰарӣ" представляет стихотворную обработку более древнего и обширного прозаического сборника сказок Брхаткатхā,

---

Sciences de St.-Pétersbourg, t. IV, 1848, стр. 272; O. Böhtlingk. Beiträge zur Kritik des poetischen Theils im Pancatantra. Mélanges Asiatiques, I, 1851, стр. 279—321.

[1] Кат. инд. рук., 140.

[2] Ch. Lassen, A. G. Schlegel. Hitopadesas id est institutio salutaris. Bonn, 1829—1831, стр. V—VI.

[3] С. Ф. Ольденбург. Непальские рукописи в петербургских библиотеках. Записки Восточного отделения Русского археологического общества, IV, 1890, стр. 384.

[4] Кат. инд. рук., 141.

автором которого считается Гунадхйа. Этот последний сборник был написан на северо-западном пракрите, но до нас не дошел. Поэтому „Брхаткатхāманǯарī", несмотря на некоторую слабость в художественном отношении, является ценным источником для изучения индийской сказочной литературы. Кроме этой, имеются еще две рукописи сборников санскритских сказок: „Викрамāдитйачарита", составленного, вероятно, в XI в., и „Шукасаптати" („Семьдесят сказок попугая").[1]

В собрании находятся около 20 рукописей драматических произведений.[2] Ценные разночтения дают рукописи ряда драм и сатирических фарсов. Написаны они в Бенгалии. Среди них можно отметить фарс „Каутукасарвасва" бенгальца Гопīнāтхи. Это сатира на дурного царя, но выдержанная в духе ортодоксального индуизма.[3] Известный фарс „Дхӯртасамāгама" („Встреча плутов") Ǯйотирīшвары Кавишекхары[4] — острая сатира на брахманство. Среди рукописей более старых индийских драм есть список копенгагенской рукописи драмы Кāлидāсы „Абхиǰнāнашакунтала" („Шакунтала, узнанная по примете").[5]

Есть также рукописи по теории индийского искусства. Из сочинений по теории поэтики следует отметить трактат „Кāвйапракāша", написанный в XI в. кашмирцем Маммата, имеющийся в собрании в двух рукописях.[6] Из сочинений по метрике наиболее интересна рукопись краткого трактата Шрутабодха.[7] Этот трактат пользовался в средневековой Индии большой известностью. Индийская традиция обычно приписывает его Кāлидāсе, реже — Вараручи.

По пракритской метрике имеется список рукописи „Прāкртапиṅгаласӯтра", позднего сочинения, приписываемого Пиṅгале,[8] затем рукопись трактата по составлению писем „Патракаумудī", приписываемый Вараручи.[9]

По музыке хранятся в собрании два неполных списка довольно древнего трактата „Саṅгītаратнакāра", пользовавшегося широкой известностью в средневековой Индии.[10]

---

[1] Кат. инд. рук., 142.
[2] Кат. инд. рук., 174—186.
[3] Кат. инд. рук., 186.
[4] Кат. инд. рук., 184, 185.
[5] Кат. инд. рук., 174.
[6] Кат. инд. рук., 191 и 192.
[7] Кат. инд. рук., 187.
[8] Кат. инд. рук., 188 и 189.
[9] Кат. инд. рук., 202.
[10] Кат. инд. рук., 199, 200.

Довольно широко представлена в собрании древняя и средневековая индийская научная литература. Помимо упомянутой выше грамматики Пāṇини, в собрании насчитывается свыше сорока рукописей других грамматических сочинений. Среди них санскритские грамматические трактаты, следующие системе Пāṇини, например Сиддхāнтакаумудī, написанная в первой половине XVII в. Бхаттоджи Дīкшитой, отличающаяся простотой и ясностью изложения.[1]

Есть также несколько рукописей двух сокращений этого трактата, написанных Варадарāджей,—Мадхйасидхāнтакаумудī[2] и Лагхукаумудī.[3] Собрание располагает также рядом трактатов, излагающих грамматику санскрита по системе, отличающейся от системы Пāṇини. Древнейший из них „Кāтантра", написанный в начале I тысячелетия н. э. Шарваварманом, представлен в собрании тремя рукописями.[4]

Имеется также рукопись комментария на него.[5] В собрании хранится и рукопись грамматики „Мугдхабодха", написанной Вопадевой во второй половине XIII в. н. э. и пользовавшейся большой известностью в Бенгалии, и рукописи ряда других аналогичных сочинений.

Кроме сочинений, излагающих весь грамматический строй санскрита, в собрании имеются трактаты по отдельным вопросам санскритской грамматики. К ним относятся рукописи трактатов Зайарāмы,[6] Ратнапāṇи,[7] Вишванāтхи,[8] Бхаратасены[9] об отношении имени к глаголу, трактата Бхаратасены „Упасаргаврутти" о глагольных приставках[10] и грамматико-философский трактат о значении глагола „Ākхйāтавāда".[11] Рукописи некоторых трактатов представляют значительную ценность, ввиду их редкости.

Далее в собрании имеется неполный список древнейшей из дошедших до нас палийских грамматик Каччāйанаппакарāна „Грамматика Каччāйаны" с комментарием на сиамском языке[12] и рукопись грамматики „Пайогасиддхи" Вана-

[1] Кат. инд. рук., 204—206.
[2] Три рукописи, Кат. инд. рук., 207—209.
[3] Пять рукописей, Кат. инд. рук., 210—214.
[4] Кат. инд. рук., 222—224.
[5] Кат. инд. рук., 225.
[6] Кат. инд. рук., 218.
[7] Кат. инд. рук., 219.
[8] Кат. инд. рук., 221.
[9] Кат. инд. рук., 238, 2.
[10] Кат. инд. рук., 238, 3.
[11] Кат. инд. рук., 217.
[12] Кат. инд. рук., 457.

ратаны, принадлежавшего к грамматической школе Моггалāйаны.

Санскритская лексикография представлена рукописями знаменитого словаря синонимов „Амаракоша“,[1] написанного Амарасимхой во второй половине I тысячелетия н. э. и словаря Махāвйутпатти, изданного И. П. Минаевым[2] и содержащего, помимо буддийской терминологии, ценный материал по санскритской лексике и фразеологии.

В собрании отражена индийская средневековая юридическая литература. Количество относящихся сюда рукописей достигает сорока. Однако лишь часть сочинений является юридическими в нашем понимании этого слова. Среди этих последних рукописи двух обширных юридических компиляций, составленных в конце XVIII века: „Вивāдасāрāрнава“ („Океан квинтэссенции споров“,[3] составитель Сарвору Триведин) и „Вивāдāрṇавасету“ („Мост через океан споров“).[4] Обе компиляции содержат богатый материал по индийскому праву XVIII в. Затем есть рукопись весьма оригинального трактата Вāрттикасāра[5] Иатīши (1785 г.), в котором автор пытается обосновать правовые и нравственные нормы, основываясь на положениях философской системы ведāнта. Далее идет ряд рукописей сочинений, посвященных различным обычаям и ритуалам, которые в древнее и средневековое время в Индии объединялись с собственно юридическими сочинениями.

Из рукописей по индийской астрономии и астрологии следует отметить составленный в XI в. астрономический трактат „Бхāсватī“.[6] Его автор Шатāнанда. В трактате даются правила для определения положения небесных тел. Обе рукописи этого произведения содержат полную редакцию этого сочинения.[7]

Есть рукопись руководства по астрономическим вычислениям под названием „Грахалāгхава“ или „Сиддхāнтарахасйа“; написана Ганешей в 1520 г.[8] и рукопись комментария Виш-

---

[1] Кат. инд. рук., 241—244.

[2] И. П. Минаев. Буддизм. Исследования и материалы, т. I, вып. II. Записки Историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, СПб., 1889, Mahavyutpatti, издал И. П. Минаев. Второе издание с указателем приготовил к печати Н. Д. Миронов, Bibliotheka Buddhica, XIII, СПб., 1910.

[3] Кат. инд. рук., 335.

[4] Кат. инд. рук., 336.

[5] Кат. инд. рук., 333.

[6] Кат. инд. рук., 294 и 295.

[7] Там же.

[8] Кат. инд. рук., 236.

ванāтхи на это сочинение, написанного в 1612 г.[1] Собрание располагает также девятью рукописями санскритских календарей.[2]

Из рукописей по медицине следует назвать санскритский трактат „Галагандамāлā“ об опухолях горловых желез[3] и трактаты на тамильском языке „Надīнидāна“ о пульсе и „Пāлавāкатам“ о детских болезнях.

Собрание располагает также рукописью санскритского трактата о земледелии „Крṣипаддхати“.[4] Его автором назван мифический мудрец древности Парāшара.

Среди пятидесяти рукописей философского содержания имеются трактаты по различным философским системам, которые считались в средневековой Индии ортодоксальными, поскольку в них признавался авторитет вед, а также сочинения по буддийской философии. Рукопись „ЙогасУтры“[5] — основной трактат системы йога. Индийская традиция считает его автором Патаñджали (II в. до н. э.). В этом трактате описываются способы гипнотического самоусыпления и дается философское толкование его с точки зрения дуалистической философской системы йога.

По буддийской философии следует отметить уникальную рукопись трактата о созерцании „Бхāванāкрама“. Его автор Камалашīла.[6]

Имеются также рукописи сочинений по логике, которая рассматривалась в Индии как самостоятельная философская система.

Собрание располагает рукописями сикхских сочинений. Священная книга сикхов „Адигрантх“, составленная в 1604 г., имеется в трех списках. Это своеобразная хрестоматия вишнуитской поэзии XV—XVI вв. на старом хинди, авторы которой отразили идеологию народных религиозных и социальных движений Индии того времени. В „Адигрантх“ вошли и сохранились благодаря этому в неизменном виде части произведений мясника Садны, портного Нāмдева, Рāмānанда, его ученика ткача Кабīра и других поэтов.[7] Таким образом,

---

[1] Кат. инд. рук., 297.
[2] Кат. инд. рук., 314—323.
[3] Кат. инд. рук., 331.
[4] Кат. инд. рук., 382.
[5] Кат. инд. рук., 245.
[6] Кат. инд. рук., 423; E. Obermiller. A Sanskrit ms. from Tibet — Kamalasīla's Bhāvanā-krama. The Journal of the Greater India Society, II, 1935, стр. 3—4 (отд. отт.).
[7] Кат. инд. рук., 478—580.

эта книга является ценным источником не только для изучения сикхизма на первом этапе его развития, но и для изучения ряда социальных движений северной Индии XV—XVI вв., принимавших религиозно-сектантскую форму.

Рукописи позднейших сикхских сочинений отражают развитие сикхизма в последующие века.

Собрание индийских рукописей интересно и с лингвистической стороны. В нем представлены рукописи памятников ведического языка и санскрита разных эпох. Памятниками среднеиндийских языков являются палийские рукописи и рукописи на пракрите джайнамахāрāшṭрī. Богатый материал по пракритам махāрāшṭрī, шаурасенī, магадхī и паишачī содержится в рукописях драматических произведений. В собрании имеются рукописи на разных новоиндийских языках: хиндī, панджабī, непалī, бенгальском и других. Из дравидийских языков рядом рукописей представлен тамильский язык, из языков тибето-бирманской группы — языки невари и бирманский. Хранятся в собрании рукописи на языках многих стран юго-восточной Азии — на сингалезском и камбоджском, сиамском, яванском, батакском языках.

Собрание заключает ценный и обширный материал по индийской палеографии. В нем богато представлены памятники различных индийских систем письма, а также систем письма, ведущих свою родословную из Индии и уже много веков развивающихся в сопредельных странах. Для характеристики собрания с этой стороны достаточно привести перечень таких систем. Так, имеются рукописи, исполненные письмом деванāгари, кāйтхī, ланḍā, гурмукхī, кашмирским, непальским, лаҥджа, тибетским, бенгальским, телугу, грантха, тамильским, квадратным пāли, бирманским, камбоджским, сиамским, яванским, сингалезским и лампонг. Рукописи письма, употреблявшегося у батакских племен в Центральной Суматре, представляют большую редкость (рис. 2). Почти в каждой из перечисленных выше систем письма встречаются разновидности в зависимости от языка, который ими записывается. Так, например, в собрании имеются рукописи, писанные алфавитом деванāгари на санскрите, пракритах, хиндī и непали, и рукописи, писанные сингалезским, бирманским и камбоджским письмом на языке пāли, а также, соответственно, на сингалезском, бирманском и камбоджском языках. Само начертание знаков изменяется в зависимости от материала, на котором написана рукопись. Так, в собрании есть рукописи, исполненные бенгальским и камбоджским письмом на бумаге и на пальмовых листьях. Различные местности и традиции

Рис. 2. Две страницы батакской рукописи.

характеризуются своими особенностями почерков. И в этом отношении рукописи собрания представляют разнообразный материал, чему ярким примером служат рукописи на санскрите, исполненные письмом деванāгари джайнами. Наконец, по рукописям собрания можно судить о разнообразных материалах, употреблявшихся в Индии для письма: многочисленных видов бумаги местного производства, пальмовых листьев различных пород и т. д. В собрании представлены весьма разнообразные способы внешнего оформления рукописей.

Д. И. ТИХОНОВ

УЙГУРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ РУКОПИСИ КОНЦА XIX И НАЧАЛА XX в.

В рукописном собрании Института востоковедения Академии Наук СССР имеется несколько уйгурских рукописей исторического характера, написанных в Синьцзяне в конце XIX и в начале XX в.

Исторические сочинения в Кашгарии писались и ранее, следовательно, новая литература этого характера не стоит обособленно, она развивалась на тех традициях, которые складывались в течение длительного времени. Однако сочинения конца XIX и начала XX в. не следует рассматривать как простое продолжение прежней традиции. Новые условия заставили авторов выйти за пределы династийной истории и уделить значительное место описанию народных восстаний второй половины XIX в. Эти сочинения явились некоторым шагом вперед в развитии уйгурской исторической литературы. Появление сочинений нескольких авторов в короткий период свидетельствует о желании осмыслить события XIX в.; следует подчеркнуть, что осмысление это отвечало интересам господствующего класса феодалов и духовенства.

При рассмотрении уйгурской исторической литературы необходимо учитывать, что она была написана в период, когда положение Китая сильно изменилось. Империалистические державы Европы, Америка и Япония захватывали земли Китая, получали привилегии, наводняли китайский рынок более дешевыми промышленными товарами, разоряли ремесленников, скупали за бесценок сырье, полностью закабаляя страну. Маньчжурская династия не способна была организовать сопротивления иностранному вторжению, прогнившая и разлагающаяся, она продалась и предала интересы своей страны.

Во многих провинциях возникли стихийные восстания, направленные против маньчжурской династии и иностранного вторжения. Уже в 1898 г. волна народного протеста прокатилась по центральным провинциям империи и нашла отклик на западе.

К концу XIX столетия провинция Синьцзян как часть Китайской империи, расположенная в Центральной Азии, стала приобретать значение для капиталистических держав. Англия, проявлявшая чрезвычайную активность еще при Якуб-беке, старалась усилить свое влияние в этой провинции. Германия прибирала к рукам нити, шедшие из Турции, Япония развертывала обширные планы своей деятельности в этом районе. Джадидские деятели с первых шагов тянулись к Турции, стремясь направить народное движение в реакционное русло пантюркизма и панисламизма.

Состояние историографии в Кашгарии находилось на крайне низком уровне. В исторических сочинениях еще отсутствует сама проблема исторического познания — основы исторической науки. Исторические сочинения носят описательный, а иногда мемуарный характер. Авторы не пытаются в какой-либо мере подойти к раскрытию закономерностей развития общественных событий.

Повествование событий связывается с ходжами или с Якуб-беком. Простой народ изображается как масса, слепо следующая за руководителями восстания. В обширном сочинении Хаджи Юсуфа „Джам ат-таварих" все главы приурочены к действиям того или иного влиятельного лица. События совершаются не народом, а ходжами, позднее Якуб-беком „в интересах народа". Другой автор, Мухаммед Алям, описавший события в Хотанском оазисе, Хабибуллу и его сыновей рисует как подлинных героев, народных защитников. Уйгурские авторы выражают свои симпатии к ходжам или к Якуб-беку. Тот же Мухаммед Алям всемерно восхваляет Хабибуллу с сыновьями как справедливых правителей и очень резко отзывается о Якуб-беке, между тем Мулла Муса высказывает свои симпатии к Якуб-беку и не скрывает недовольства кучарскими ходжами.

Поскольку все авторы имели духовное образование и воспитывались в основном на религиозных сочинениях, то их произведения носят на себе сильное влияние официальных догм ислама. Неизбежно возникает вопрос, как авторы объясняют события, участниками которых они были, какие причины, по их мнению, вызывали народные восстания на протяжении всего XIX в.?

Все восстания, по мнению авторов, были „священной" войной мусульман против „неверных", в которой ходжи и Якуб-бек выполняли священный долг перед народом. Подлинное народное движение против непосильного гнета маньчжуро-китайских и местных феодалов этими авторами изображалось как борьба за „истинную веру". Мухаммед Алям пишет, что население Хотанского оазиса просило Хабибуллу возглавить движение и стать его защитником и избавителем.[1]

Рассматривая причины политических перемен в стране, авторы стараются разрешить противоречие, в котором они неизбежно оказываются, тем, что жизнь народа пытаются примирить с догмами ислама. Особенно ярко выражает эти идеи Мулла Муса в своем сочинении „Таарих-и Эминие",[2] о чем подробнее будет сказано ниже.

Отживавший класс феодалов и ходжи использовали вредную теорию „священной войны" в своих интересах и, прикрываясь исламом, натравливали на китайское население народности, исповедовавшие ислам.

Ходжи использовали религиозную пропаганду для воспитания фанатизма у населения и этим самым заставляли его следовать за собой как за „избавителями и спасителями".

Ходжи и многочисленное мусульманское духовенство играли отрицательную роль в политической и культурной истории страны. Народные восстания, вызванные бесправием и нищетой, они использовали в своих интересах, пытаясь вернуть утраченное политическое господство в стране и получить право безраздельного грабежа трудового народа. Опыт всех восстаний XIX в. показал, что интересы простого народа совершенно чужды были ходжам, которые, захватив власть, заботились об удовлетворении своих узко династических интересов.

Реакционная роль ходжей проявлялась и в том, что они при помощи мусульманского духовенства ограничивали народные движения, задерживали развитие общественного сознания. Борьбу против господства маньчжуро-китайских феодалов, опиравшихся на местных феодалов, они направляли в русло религиозной борьбы и национальной розни.

Мусульманское духовенство было тесно связано со среднеазиатскими ханствами, особенно с кокандским, проявлявшим

[1] Рукопись Института востоковедения Академии Наук СССР, В 2322, лл. 4а—4б.

[2] Рукопись Института востоковедения Академии Наук СССР, С 335, стр. 564; Таарих-и Эминие. История владетелей Кашгарии. Сочинение Муллы Мусы. Изд. Пантусова, Казань, 1905, стр. 301.

большую активность в Кашгарии. И более того, они свою борьбу связывали с Турцией и приветствовали объявление покровительства со стороны турецкого султана. Идеи панисламизма турецкого султана встречали поддержку в Восточном Туркестане и находили отражение в литературе. Эти идеи, насаждавшиеся ходжами и духовенством, служили интересам не народа, а реакции, и позднее использовались империалистическими государствами.

Уйгурская историческая литература конца XIX и начала XX в. не может отрешиться от религиозного влияния и пытается объяснить политические перемены по повелению свыше. Но вместе с тем действительная жизнь заставляла авторов обращать внимание на народ. Те места, где описывается положение населения, представляют несомненный интерес, даже при том условии, что сведения эти часто являются отрывочными.

При изучении уйгурской литературы в целом и исторической в частности исследователь неизбежно встречается с большими трудностями. Слабо изучен период, к которому относятся исторические произведения. В работах, посвященных политическому положению, приводятся сведения о социальной жизни, но о культуре уйгур встречаются лишь случайные упоминания. Для более полного и правильного понимания произведения, взглядов автора большое значение имеют сведения о самом авторе, но они, к сожалению, крайне скудны. Из жизни и деятельности авторов известны только отдельные факты. Ничего не известно о том, где они учились, в какой среде формировались их взгляды. Лишь один Мулла Муса сообщает, что он учился у ходжей в Кучаре, участвовал в походе на Аксу и Уч-Турфан, затем занимал различные должности при ходжах и при Якуб-беке. Известно также и то, что он происходил из старинного рода ходжей, получивших жалованный ярлык еще при Убейдулла-хане (1533—1539).

В данной работе не ставится целью решить все вопросы, связанные с развитием общественной мысли в Синьцзяне, и проследить все линии развития уйгурской исторической литературы, а лишь предпринимается первая попытка рассмотреть рукописные собрания на уйгурском языке как памятники, в которых нашла свое отражение общественная мысль Синьцзяна того времени. Здесь рассматриваются в хронологическом порядке только исторические сочинения Института востоковедения, написанные в конце XIX и начале XX в.

Уйгурская литература, в том числе и историческая, не

являлась предметом специального исследования, хотя в дореволюционной русской и советской литературе проявлялся интерес к ней: были изданы некоторые уйгурские произведения, опубликованы переводы отдельных сочинений, статьи, в которых дается краткий обзор этих рукописных сочинений, несколько рецензий, но авторы статей ограничивались кратким сообщением содержания того или иного сочинения и описанием внешних данных и не затрагивали основных вопросов уйгурской историографии. Идейное содержание, направление отдельных авторов и литературы в целом не рассматривались (см. „Библиографию" в конце статьи).

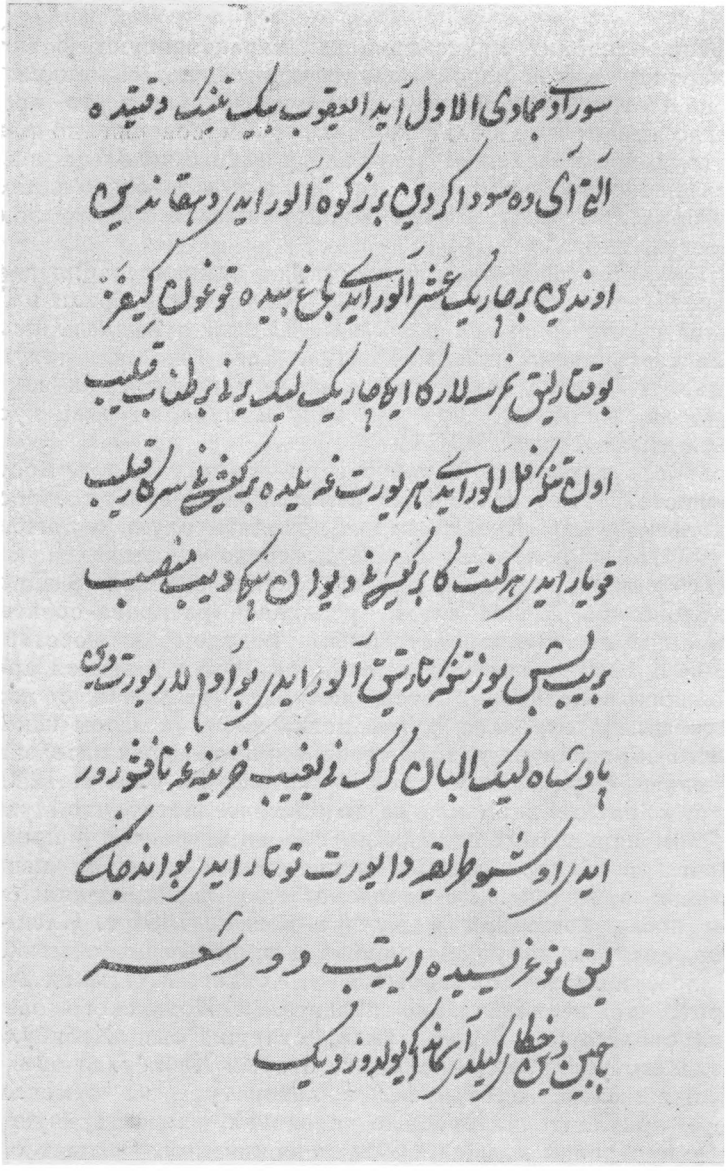
Уже отмечалось, что самым значительным сочинением как по количеству сведений о жизни населения страны, так и по форме изложения является „Таарих-и Эминие" Муллы Мусы. За ним следует „История Кашгарии" Мухаммеда Аляма, посвященная событиям в Хотанском оазисе. Автор дает много сведений о событиях в этом районе. В сочинении имеется материал о правлении Хабибуллы, как раз по периоду, который меньше всего освещен. Небольшое сочинение Махмудбека „История Якуб-хана аталыка" написано, главным образом, о Якуб-беке и его взаимоотношениях с урумчинскими дунганами. Значительная часть огромного сочинения „Джам ат-таварих" Хаджи Юсуфа — 700 страниц — посвящена политическим событиям Кашгарского оазиса, особенно правлению Якуб-бека. Автор подробно описывает политические события, но меньше, чем другие, приводит конкретных данных о налогах, формах зависимости и о положении населения. Две другие небольшие анонимные рукописи могут дополнить основные источники по некоторым вопросам.

1. „ИСТОРИЯ КАШГАРИИ" МУХАММЕД АЛЯМА (В 2322)

Русская и западноевропейская литература по истории событий 60-х годов в Хотане содержит сведения самого общего характера. Иногда упоминания ограничиваются лишь указанием, что правителем Хотана был провозглашен муфтий Хабибулла, известный больше под именем Хаджи-падишаха.

Этот пробел в литературе можно восполнить на основании данных местных уйгурских рукописных источников и особенно на основании сочинения Мухаммед Аляма.

Мухаммед Алям начинает повествование с краткой характеристики положения населения в Хотанском оазисе накануне восстания.



„История Кашгарии“ Мухаммед Аляма на уйгурском языке, л. 60б.

Автор приводит яркие примеры, характеризующие тяжелую картину жизни народа, задавленного гнетом маньчжурских и местных чиновников. Ростовщичество в то время достигло невероятно больших размеров и совершенно разоряло трудовое население: „На голову одного человека приходилось несколько видов налога. Если у китайского ростовщика брал (человек) 10 пул денег, лишался земли, воды, имущества, скота“ (л. 1б).

Далее автор сообщает, что местная администрация ввела дополнительные сборы с товаров: „С торговца брали налог с товара с одного вьюка верблюда 40 пул, с вьюка лошади $^1/_2$ танга, с вьюка ишака 15 пул. Если человек покупал лошадь, то платил налог за лошадь $^1/_2$ танга, за ишака 15 пул, за корову 15 пул, за овцу 2 пула, за один кусок суровой ткани 1 пул“ (л. 1б).

Возросла трудовая повинность по ремонту дорог, мостов и крепостей. Гнет становился непосильным, в народе росло недовольство. До Хотана стали доходить слухи о поголовном уничтожении дунган. Стало известно о нападении кашгарского амбаня на некоторые дунганские селения. В городе преследовались всякие слухи, усилилась расправа со всеми недовольными. Непосредственным поводом к восстанию 22 раби II 1280 г. хиджры (7 октября 1863 г.) явился арест нескольких человек, а затем жестокая расправа с ними. Арестованным отрезали руки, ноги, носы, а затем искалеченных выбросили на улицу, чтобы внушить страх населению.

В связи с указанием даты восстания 22 раби II 1280 г. следует обратить внимание на то обстоятельство, что Мухаммед Алям пишет о дошедших до города известиях о провозглашении в Кучаре ханом Рашид-ад-дина еще до начала восстания в Хотане. Установлено, что Рашид-ад-дин стал ханом после восстания в Кучаре в июне 1864 г. Следовательно, автором допущена ошибка в хронологии событий.

Далее, излагая ход событий в Хотане, Мухаммед Алям говорит, что первоначально правителем Хотанского оазиса был провозглашен Абдуррахман, старший сын Хабибуллы, а когда его убили в сражении, то старый Хабибулла объявил себя падишахом. Этот факт в литературе не отмечался. Автор приводит интересные сведения, характеризующие борьбу кучарских ходжей с Хаджи-падишахом, и пишет о попытке последнего получить покровительство и помощь со стороны кокандского хана. В Хотане, как и в других городах, не было единства среди правящей верхушки. Против Хаджи-падишаха была оппозиция, поддерживавшая кучарских хо-

джей. Мухаммед Алям описывает борьбу этой оппозиции. Приведены некоторые данные о внутреннем устройстве хотанского владения. В частности, дано описание организации войск, порядка комплектования, содержания их, обучения и команды. Перечислены некоторые виды налогов, административные должности.

Хотя сведения Мухаммед Аляма и не дают полной характеристики правления Хаджи-падишаха, тем не менее они интересны, поскольку раскрывают отдельные стороны жизни нового владения, и при наличии дополнительных материалов помогут изучить мало известную сторону событий 60-х годов.

Мухаммед Алям в первой части своего сочинения не выходит за пределы Хотанского оазиса и касается событий в других оазисах лишь в той мере, в какой они связаны были с Хотанским оазисом. Во второй части, где описывается положение Хотана при Якуб-беке, автор уже не ограничивается пределами одного оазиса.

Вторая часть несколько больше по объему, но в ней содержится менее интересный материал, чем в первой. Приводится то, что известно из сочинений других авторов, но все же и эти сведения Мухаммед Аляма необходимы для уточнения некоторых фактов. В частности, у авторов имеется небольшое расхождение в указаниях времени похода Якуб-бека на Хотан. Мухаммед Алям говорит, что поход предпринят 27 рамазана 1283/3 февраля 1867 г. Тогда как в „Таарих-и Эминие" дан месяц шабан 1283 г. хиджры, а Хаджи Юсуф называет месяц раджаб. О казни Рашид-ад-дина Якуб-беком сказано, что его привязали руками и ногами к ветвям деревьев. В своей рецензии В. В. Бартольд высказал сомнение по поводу такой формы казни Рашид-ад-дина.[1]

О смерти Якуб-бека Мухаммед Алям говорит то же, что и другие местные авторы. Когда стали приближаться китайские войска, то Нияз-бек организовал заговор против Якуб-бека и отравил его. Время занятия Кашгара китайскими войсками относится к маю 1878 г.

Несомненно очень важное значение имеют сведения о налогах при Якуб-беке. Хотя они и не дают полного представления о налоговой системе при Якуб-беке, но тем не менее в совокупности со сведениями других источников и свидетельствами путешественников могут быть полезны при

---

[1] В. В. Бартольд. Рецензия на рукописное сочинение Мухаммед Аляма. Известия Российской Академии Наук, серия VI, т. XV, 1921, стр. 183.

изучении внутренней политики Якуб-бека. Мухаммед Алям сообщает о новой системе налогового обложения, введенной китайским императором в 1883 г. Ставки, указанные автором, совпадают с теми, которые даны в других источниках. Все земли были разделены на три категории: с 1 му земли первой категории взимали 5 джинов зерна; с 1 му земли второй категории взимали 3 джина зерна; с 1 му земли третьей категории взимали 1 джин зерна. Кроме того, брали дрова, солому. Торговцы платили за товары из расчета три фунта с одного сара. За продажу лошади платили 3 танга, коровы — 3 танга, ишака — 2 танга, овцы — 30 пул.

Хотя Мухаммед Алям не дает названия как самому сочинению, так и отдельным частям, все же нетрудно его сочинение разделить на четыре части: небольшое вступление характеризует общее состояние страны, затем следует описание событий в Хотанском оазисе и правления Хатиб-ходжи, третья часть излагает военные походы Якуб-бека и в конце дано небольшое заключение в прозе и стихах.

Мухаммед Алям не делает экскурсов в прошлое. Темой всего его сочинения служит событие, современником и участником которого он был. Сочинение закончено в 1311 г., или в 1893/1894 г. Мухаммед Алям не является простым наблюдателем событий, у него есть свое мнение об этих событиях, симпатии и антипатии к людям, о которых он упоминает.

Сочувствие автора на стороне Хатиб-ходжи. Его можно проследить на протяжении всего сочинения, но имеются места, где оно высказывается особенно ярко. Причем он указывает на всеобщее расположение населения к Хабибулле (Хатиб-ходжа), которое высказано им следующими словами: „Хотанский народ любил своих героев из рода Хабибуллы, клялся быть верным им и, если понадобится, отдать жизнь". Абдуррахман (сын Хатиб-ходжи) им изображается народным героем, за которым люди смело шли в сражение. Автор подчеркивает его военную доблесть, способности управлять. Нияз-бек представляется им предателем. Он предал защитников Яркенда, а затем отравил и самого Якуб-бека, когда убедился, что его правление подходит к концу.

Характеризуя Якуб-бека, Мухаммед Алям вспоминает, как тот, будучи хакимом Ак-Мечети, совершал преступления и за них должен был подвергнуться смертной казни. Мухаммед Алям не случайно упоминает о преступлениях Якуб-бека в бытность последнего хакимом Ак-Мечети. Ему нужны были эти факты, чтобы более ярко подчеркнуть правление Якуб-бека в Кашгарии, полное интриг и преступлений.

Мухаммед Алям в отличие от других уйгурских авторов считает, что населению при Якуб-беке жилось тяжело. В одном месте он перечисляет некоторые сборы и порядок их взимания. „При Якуб-беке через шесть месяцев с торговцев брали зякет. С посевов с 10 (чариков) брали ушр один чарик, с садов, клевера, люцерны, бахчей, хлопка и других таких посевов с одного чарика земли взимался танапный сбор 10 танга. В каждом юрте имелся саркар. В каждый кент назначали диван бега и 500 танга брали тартук. Эти люди взимали с окрестностей государственный налог и вручали в казну. Таким путем окрестностями управлял" (л. 60б).

Всю деятельность в Кашгарии Якуб-бека и андижанцев, как он называет пришедших с Якуб-беком, автор оценивает отрицательно. Свое сочинение Мухаммед Алям заканчивает стихами, в которых пишет, что андижанец убежал, как кабан, живущий в лесу. Пришел и ушел андижанец, не сделав ничего полезного.

В этих словах выражено мнение не только самого Мухаммед Аляма, но известной части населения Хотанского оазиса, где имя Якуб-бека меньше находило сочувствия, чем в других оазисах.

Победа маньчжурских войск, по убеждению Мухаммед Аляма, ничего хорошего не принесла населению. Сам Мухаммед Алям принимал активное участие в восстании и поэтому вынужден был бежать летом 1876 г. в Тибет с небольшой группой людей. Однако вскоре вернулся обратно.

То обстоятельство, что автор являлся участником событий и писал о том, что видел сам, придает большую достоверность его сочинению. Сам он происходил из Хотана, следовательно, хорошо знал людей, игравших видную роль в событиях. Главная цель восстания им усматривается в борьбе местного населения против маньчжуро-китайской военщины. Михаммед Алям был сторонником Хабибуллы и стоял за сохранение независимости Хотанского владения. Он считал, что Хотан не должен был признавать свою зависимость как от кучарских ходжей, так и — позднее — от Якуб-бека.

2. АНОНИМНАЯ РУКОПИСЬ (С 579)

Небольшая анонимная рукопись занимает 30 страниц среднего формата. Она посвящена обзору событий в Кашгарии с момента восстания в Кучаре до падения ханства Якуб-бека. Рукопись не имеет самостоятельного значения для изучения истории страны второй половины XIX в., так как автор огра-

ничивается лишь общими упоминаниями отдельных событий и фактов, не давая подробного описания их. Но при наличии других рукописей она представляет интерес, поскольку в ней имеется подтверждение некоторых фактов, еще не установленных твердо и требующих дальнейшего изучения.

Время написания сочинения не указано, но поскольку в самом начале рукописи упоминается, что события 1863 г. произошли 35 лет тому назад, то нетрудно установить, что рукопись была написана в 1898 г.

Повествование начинается с восстания дунган в западных провинциях Китая в 1863 г. под руководством Дахо. Это восстание нашло поддержку у населения Кучара, когда во главе движения стояли ходжа Рашид-ад-дин и ходжа Исхак. Затем определяются границы владений кучарских ходжей: на восток от Хотана, а на запад до Аксу и Яркенда.

События в Кашгарском оазисе изложены весьма кратко. Указано, что после погрома дунган кашгарским амбанем туда прибыл Садык-бек во главе киргиз с отрядом в 4000 человек и осадил город. Осада длилась 60 дней. В крепости начались голод и недовольство. В одну из ночей люди, недовольные маньчжурскими чиновниками, восстали и открыли ворота киргизам.

Садык-бек, захватив Кашгар, не надеялся удержать его без посторонней поддержки. Этим автор объясняет причину направления посольства от Садык-бека в Коканд. „Турция и Россия от нас далеко, — говорит автор словами Садык-бека, — прежде чем придет от них помощь, нас разобьют, а Коканд находится ближе и, кроме, того, в Коканде родственные нам племена".

Кокандский хан Алимкул прислал в качестве правителя Кашгарии Бузрук-хана, которого сопровождал Якуб-бек. Прибывшие с ними люди назначались военными начальниками, когда Якуб-бек начал создавать себе надежное войско, чиновники также назначались из пришедших.

Автору известно, что Якуб-бек был комендантом крепости Ак-Мечеть, затем находился в Ташкенте, откуда и прибыл в Кашгар.

Борьба Якуб-бека за власть в Кашгаре, а затем с кучарскими ходжами и Хотаном описана в самых общих выражениях. Через восемь месяцев после взятия Кучара Якуб-бек предпринял поход против дунган Комуля (Хами) и Турфана. Имеется упоминание о посольстве к турецкому султану и о прибытии ответных послов из Турции. Султан Абдул Азиз, объявляя свое покровительство Якуб-беку, прислал подарки,

в числе которых было 6 пушек. После этого Якуб-бек начал чеканить золотые деньги с изображением турецкого султана Абдул Азиза.

Автор указывает, что Якуб-бек надеялся сохранить с Россией хорошие отношения, для чего отправил своих представителей в Россию.

О падении ханства Якуб-бека приводятся известные сведения. Представляет интерес свидетельство автора, что Якуб-бек был отравлен. Яд положил в варенье Махмуд Али-бек и подал вечером с чаем Якуб-беку. Смерть наступила на следующее утро. Руководителем заговора называется Нияз-бек. На последних страницах рассказывается о борьбе после смерти Якуб-бека за ханскую власть и о прибытии маньчжурских войск.

На странице 15 этой рукописи упомянуто о распродаже земель согласно шариата. Но, как и в остальных случаях, автор ограничивается лишь общим указанием и не приводит конкретных данных, не рассказывает, кому продавалась земля, на каких условиях. Судя по отдельным, весьма кратким замечаниям, можно предположить, что автор был хорошо осведомлен о событиях в Кашгарии и в Средней Азии, особенно в Кокандском ханстве.

Автор не выражает особых симпатий к Якуб-беку. Он нигде не говорит о своем отношении к политическим событиям, к отдельным лицам, появлявшимся на политическом поприще в это время в Кашгарии. Перед именем Якуб-бека не ставит возвышенных эпитетов, как это обычно встречается у других авторов. Лишь в одном месте он указывает, что Якуб-бек прибавил к своему имени слово بادولت — бадовлят.

Весьма скупо автор пишет о кокандском хане. Но зато при упоминании турецкого султана автор высказывает свое уважение к нему значительно больше, чем к другим правителям. Он подчеркивает его силу и высокое положение султана. Видно, что симпатии автора на стороне Турции.

Автор писал свое сочинение по памяти. С другими сочинениями, посвященными этому же периоду, он не был знаком. Судя по тому, что описаны, главным образом, события, связанные с Якуб-беком, можно предположить, что автор в этот период находился в Кашгарском оазисе.

3. „ИСТОРИЯ ЯКУБ-ХАНА АТАЛЫКА" МАХМУД-БЕКА (В 772)

Махмуд-бек написал свое сочинение в 1899 г. Являясь уроженцем селения Артыш Кашгарского округа, он, естественно, главное внимание уделяет описанию местных событий и прав-

лению Якуб-бека. Его сочинение начинается стихами, затем сообщается краткий рассказ о восстании дунган в западных провинциях Китая в 1279/1862 г. Несколько листов посвящено восстанию в Кучаре и военным походам кучарских ходжей на Аксу и Кашгар. События в оазисах, расположенных восточнее Кучара, Махмуд-бек не затрагивает.

Сведения Махмуд-бека не расходятся с другими авторами, но у него иногда встречается неточное изложение некоторых фактов. Описывая, например, поход на Аксу, Махмуд-бек указывает на назначение хакимом Уч-Турфана Фахр-ад-дина, тогда как по другим источникам это не подтверждается. Автор пишет, что Садык-бек направил послов в Коканд к Худояр-хану, но Худояр-хан был свергнут еще в 1863 г. и вновь вернулся к власти лишь в 1866 г., а посольство прибыло в 1864 г., когда ханом был Алимкул. Посольство вынуждено было направиться в Ташкент, где в это время находился хан.

Махмуд-бек приводит некоторые подробности о встрече Бузрук-хана, отсутствующие у других авторов. Он пишет, что Садык-бек приказал всем жителям Кашгара выйти для встречи Бузрук-хана. Встреча была организована очень пышно. Праздник продолжался три дня. Сообщение Махмуд-хана об этом заслуживает внимания, так как ранее указывалось на то, что население само вышло для встречи Бузрук-хана.

Борьба Якуб-бека за Яркенд, Хотан и дальнейший ход событий изложен также очень коротко. Поражение кучарских ходжей и походы Якуб-бека на дунган и дальше на восток (на Турфан и Хами) рассказаны весьма сжато. Перечисляя чиновников, назначенных Якуб-беком после занятия Урумчи, Махмуд-бек дает перечень должностей, которые другими авторами не указываются. Наряду со сборщиками зякета и других налогов были назначены мулькадар и диванбеги. Правда, кроме упоминания о назначении указанных чиновников ничего больше по этому поводу не говорится. О налогах сказано, что взимались: харадж, танапный сбор, зякет, — они взимались по шариату.

Махмуд-бек, как и другие авторы, хотя и более скупо, пишет, что Якуб-бек заботился о бедных людях, стремился оказать им всемерное содействие и защитить от притеснений беков. В чем выражалась эта забота — автор не указывает. Скорее всего — это просто один из приемов восхваления Якуб-бека. Хотя Махмуд-бек несколько сдержанней, чем Хаджи Юсуф, выражает свои чувства к Якуб-беку, но все же он считает его правление справедливым для всего населения

страны. В одном месте сочинения автор замечает, что пришедшие из Кокандского ханства своей родины не имели. Но это замечание относится к людям, более низким по чину и положению, а не к Якуб-беку, так как в конце сочинения в стихах сказано, что бедные люди видели в Якуб-беке своего защитника.

Махмуд-бек дополняет и уточняет наши сведения по отдельным вопросам истории Кашгарии второй половины XIX в.

4. „ТААРИХ-И ЭМИНИЕ" МУЛЛЫ МУСЫ (С 335)

Сочинение Муллы Мусы „Таарих-и Эминие", законченное 11 шавваля 1321/17 декабря 1903 г., состоит из введения, двух повествований и заключения. После краткого объяснения причин, побудивших написать книгу, следует введение, которое начинается с упоминания о том, что семь городов Восточного Туркестана когда-то назывались Могулистаном. Затем следует генеалогия ханов, восходящая к Ною. Объясняется происхождение тюркских народов.

Хотя автор при изложении раннего периода истории страны пользовался не только легендами, но и историческими сочинениями, тем не менее нельзя сказать, чтобы эта часть сочинения отличалась полнотой сведений и их достоверностью. В свое время академик В. В. Бартольд отметил этот недостаток и привел некоторые примеры расхождения в сочинении Муллы Мусы с другими авторами.[1]

В отдельных случаях события приурочиваются к определенным датам. Так, например, проникновение ислама в Восточный Туркестан связано с именем Абу Насра Самани, прибывшего туда в 943 г. во время правления Богра-хана. В Хотанский оазис ислам проник только через 40 лет. Провозглашение Чингиз-хана монгольским ханом отнесено к 1201 г., тогда как это произошло в 1206 г.

Если сочинение Муллы Мусы для раннего периода истории страны не может служить источником в силу ограниченности сведений и их неточности, то для истории второй половины XIX в. из всех известных сочинений на уйгурском языке оно является основным как по политической истории, так и по данным о социальной жизни страны.

---

[1] В. Б[а р т о л ь д]. Рецензия на Таарих-и Эминие. История владетелей Кашгарии, сочинение Муллы Мусы бен Мулла Айса, сайрамца. Издание Н. Н. Пантусова, Казань, 1905. Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XVII, 1907, стр. 0188—0195.

В конце введения содержится рассказ о восстании Джагангира. В нем не приводится новых сведений, позволяющих пополнить наши представления об этом событии. Само восстание почему-то отнесено к 1832—1833 гг., хотя события эти происходили в период 1825—1827 гг. Другие события первой половины XIX столетия не отмечаются автором.

За введением следуют рассказы. В первом повествовании излагаются события с начала дунганского восстания в западных провинциях Китая до захвата власти Якуб-беком во всех оазисах страны. Восстание в Кучаре, по свидетельству Муллы Мусы, произошло 1 мухаррама 1281/7 июня 1864 г. Здесь, как и у других авторов, указывается на издание маньчжурским императором указа о поголовном истреблении дунган, чтобы предотвратить волнения на далекой западной границе империи. Весть о предстоящей расправе и послужила поводом к восстанию. Другую причину восстания дунган автор видит в том, что европейцы захватили многие города Китая и ввиду этого положение бедного населения стало очень тяжелым.

В Кашгарии и Джунгарии также резко ухудшилось положение населения. Вот что пишет автор по этому поводу. От центрального правительства Китая перестала поступать дотация на покрытие административных расходов. Образовалась большая задолженность чиновникам и войскам. Для выплаты жалованья и покрытия долгов местная администрация увеличила налоги, провела ряд мер для увеличения поступлений денег в казну. Начали разработку серебряных и медных рудников, но поскольку условия труда были невыносимо тяжелыми, а жалованья чиновники не платили, то все рабочие разбежались и рудники пришлось закрыть.

Вся тяжесть налогов ложилась на плечи крестьян и ремесленников. Богатые откупались взятками. Продажа должностей производилась открыто. Купившие должность старались как можно скорее вернуть свои расходы. Многие крестьяне стали бросать свое хозяйство и уходить в поисках работы. Положение стало невыносимо тяжелым, и народ поднял восстание.

Обстановка накануне восстания охарактеризована довольно подробно. Мулла Муса, рассматривая причины восстания, не ограничился одной Кашгарией, он постарался выйти за ее пределы и связать народные движения в Кашгарии и Джунгарии с народным движением в Китае. Из местных авторов только он один говорит о вторжении европейцев в Китай и о тяжелых последствиях этого вторжения.

Затем следует описание военных походов кучарских ходжей на Аксу, Кашгар, Хотан, на Турфан и Хами. Все

походы описаны довольно подробно, что дает возможность уточнить некоторые положения.

По свидетельству Муллы Мусы — непосредственного участника восстания — ханом в Кучаре был провозглашен Рашид-ад-дин ходжа (Хан-ходжа), один из потомков черногорских ходжей. Свидетельство Муллы Мусы очень важно, поскольку в литературе встречаются указания на то, что кучарским ханом первоначально был Бурхан-ад-дин.

Мулла Муса описывает походы кучарских войск на Аксу несколько по-иному, чем Хаджи Юсуф. В этом вопросе следует предпочесть данные Муллы Мусы, поскольку он сам принимал участие в одном из походов.

Восстание в Уч-Турфане против кучарских ходжей описано только у Муллы Мусы. Приводятся данные о попытке илийских таранчей связаться с кучарскими ходжами. Их посольство прибыло в Кучар и просило оказать покровительство. Хан Ходжа дал согласие распространить свое влияние и на Илийскую долину. С этой целью было направлено в Кульджу 150 человек. Однако ко времени прибытия кучарского отряда в Кульджу там произошел переворот и новый султан отказался признать свою зависимость от Кучара.

В первой части сочинения, как и во второй, встречаются повторения. Так, например, к сражению кучарских войск с Якуб-беком у Хан-Арыка Мулла Муса возвращается не один раз.

Второй рассказ посвящен уже правлению Якуб-бека, приводится краткая его биография. Мулла Муса, как и все другие уйгурские авторы, сообщает о службе Якуб-бека в Ак-Мечети, преступления, совершенные там, за которые он должен был подвергнуться наказанию.

Мулла Муса довольно хорошо осведомлен о положении в других оазисах. Приводится много подробностей по Хотанскому оазису и сведения его совпадают с данными других авторов. Поскольку Мулла Муса сам был крупным чиновником во время правления Якуб-бека, то он располагал сведениями о налогах, административном устройстве и т. д. Он пишет, что в больших городах были созданы казенные мастерские. В этих мастерских работали ремесленники самых различных профессий. Кузнецы готовили ружья, котельщики отливали пушки, портные шили одежду и т. д. Из Коканда выписаны были мастера. Устанавливался определенный порядок работы в мастерских. Правда, Мулла Муса ничего не говорит о самом порядке кроме того, что мастера были заняты в мастерских до созревания плодов в садах и на баштанах.

За время работы в мастерских ежемесячно все получали жалованье.

Далее автор сообщает, что пастбища зимние и летние, необводненные земли, бывшие казенные земли, сады и огороды были объявлены ханской собственностью.

Большого внимания заслуживает указание о пожаловании Якуб-беком союргала. Автор приводит несколько случаев, когда в качестве союргала жаловались целые области. Это упоминание тем более ценно, что свидетельств по этому вопросу пока очень мало. Мулла Муса пишет о пожаловании союргала кучарским ханом Рашид-ад-дином. Следовательно, союргальные пожалования не были введены Якуб-беком, а лишь приняли более широкий размах при нем. Рассматривая некоторые вопросы социальной жизни при Якуб-беке, он описывает порядок пожалования земель и прикрепления крестьян по приказу маньчжурского императора. В частности, он указывает, что в Аксу землю и крестьян имело 46 чиновников. Хаким Аксу имел 100 прикрепленных хозяйств, ишкага 60, а мелкие чиновники имели по 4 хозяйства.

Прикрепленных крестьян автор называет „тамгалык янчи" — „люди тамги", т. е. люди, прикрепленные по ханскому указу, и их правовое положение определяется бумагой с казенной печатью.[1] Возможно, это тот термин, о котором Л. И. Думан писал в своей статье об институте яньцы в Восточном Туркестане в XVIII в., что „термин яньцы есть транскрипция некитайского, повидимому, тюркского слова".[2]

Если термин „тамгалык янчи" обозначает ту форму зависимости, что и китайский „яньцы", то упоминание Муллы Мусы поможет выяснить более полно его социальную и историческую сущность.

Прикрепленные крестьяне не имели юридического права отказаться от работы на чиновника, к которому прикреплены, и отправиться к другому. Сами крестьяне юридически сохраняли независимость, их нельзя было продать, они имели имущество, землю и вели свое хозяйство независимо от чиновника, к которому были прикреплены, самостоятельно платили налоги. Вопрос о формах зависимости крестьян в Восточном

---

[1] Рукопись Института востоковедения Академии Наук СССР, С 335, стр. 334: يورت فقرالر قو نكر تامغه ليق يا نچى ديب Издание Н. Н. Пантусова, стр. 186: يورت فقرالارايچينده تامغه ليق يا نچى ديب.

[2] Л. И. Думан. Феодальный институт яньцы в Восточном Туркестане в XVIII в. Известия Института востоковедения АН СССР, вып. III, 1936, стр. 93.

Туркестане еще мало изучен и поэтому сведения Муллы Мусы представляют большой интерес.

Не все нравится автору после свержения маньчжурских властей. Он с горечью замечает, что некоторые бедные дунгане, наманганцы и другие нажили себе большие деньги, стали иметь имущество, захватили кяризы и даже занимают почетные должности. Действительно, некоторые чиновники составили огромное богатство. Например караван Нияз-бека, направленный в Кашгар к Якуб-беку, состоял из 400 лошадей и вез 8 чариков золотого песку, тысячу ямб в золотых слитках, парчу, шелк, дорогие меха и другие ценности. Мулла Муса—далеко не безразличный наблюдатель действительности. Господство маньчжуро-китайских феодалов в стране он рассматривает как большое несчастье для народа, посланное в наказание свыше. Когда народ поднялся на борьбу за свою независимость, Мулла Муса тоже принял участие в восстании. Но не все он принимает после восстания. Первые восторги правлением Хан-ходжи у него скоро сменяются разочарованием. Симпатии к Якуб-беку значительно сильней, чем к его предшественнику, но и здесь Мулла Муса со многим не может примириться. Как представитель ходжей, он с горечью смотрел на то, что многие бедные люди разбогатели и заняли важные и прибыльные должности. По его понятиям, почетные и важные должности могли занимать только знатные люди, ходжи, беки. Стоящий у власти, обладающий богатством становится влиятельным. Трудно было примириться автору с новым положением, ведь он — представитель знатного рода, ведущего свою родословную от самаркандских шейхов, имевших пожалование от Убайдуллы, хана узбекского (1533—1539).

Когда автор писал свое сочинение, ходжи почти совсем сошли с политической арены, быстрее стало богатеть купечество. Народные восстания 1898—1900 гг. в Центральном Китае слабым отзвуком докатились и до Синьцзяна, начали появляться политические идеи, в которых уже можно было увидеть интересы новых социальных сил — буржуазии.

Мулла Муса был сторонником борьбы против господства маньчжуро-китайских феодалов и стоял за создание мусульманского государства, в котором должны управлять люди знатного происхождения, и все, что выдвигалось жизнью и ходом событий и не укладывалось в эту схему политических взглядов автора, им осуждалось и считалось неправильным.

Касаясь внешнего положения ханства Якуб-бека, Мулла Муса прежде всего останавливается на завоевании Средней Азии царской Россией, его интересует судьба Кокандского

ханства в свете той политики, которую последнее проводило в Восточном Туркестане. Далее автор говорит, что Якуб-бек направил посольства в Россию и к турецкому султану, а также указывает на ответное посольство турецкого султана, объявившего „высокое" покровительство Якуб-беку. Но автор не высказывает особых восторгов по поводу этого покровительства, поскольку Турция находится очень далеко от государства Якуб-бека.

В конце сочинения, правда без конкретных фактов и очень коротко, автор дает описание городов Кашгарии. Следует заметить, что список Института востоковедения АН СССР полнее изданного Н. Н. Пантусовым.

Мулла Муса имеет свои взгляды на положение и ход событий в Кашгарии. Он против маньчжурского господства. Однако причину всех несчастий и тяжелого положения простого народа он ищет не в общественном и политическом строе, а в личных качествах чиновников, которые стали алчны и несправедливы. Если чиновники будут следовать исламу, то управление будет справедливым.

Далее довольно подробно характеризуется Нияз-бек. Вся его жизнь связана с интригами, предательствами, с достижением корыстных целей. То он тайно вступает в сношения с Якуб-беком и предает защитников Яркенда, то вновь переходит на сторону маньчжурского императора и отравляет Якуб-бека.

Совсем по-другому автор пишет о правлении Якуб-бека. Жизнь в стране, подчеркивает он, быстро стала налаживаться, все население было довольно. При упоминании имени Якуб-бека автор не скупится на самые возвышенные эпитеты. По его мнению, Якуб-бек сам вникал во все вопросы управления государством, принимал жалобы, всячески содействовал развитию торговли, одаривал купцов. Здесь сказываются не только личные симпатии. Мулла Муса хотя и принадлежал к старому знатному роду ходжей, но уже обедневшему и давно переставшему играть сколько-нибудь заметную роль в политической жизни. Его предки не занимали видных и доходных должностей. Господство кучарских ходжей не сулило ничего заманчивого, тогда как Якуб-бек привлекал к себе на службу мелких феодалов, проявлявших недовольство ходжами.

Как же Мулла Муса оценивает восстание и весь период с момента восстания до нового завоевания страны императорскими войсками? Восстание, по его определению, было направлено против господства маньчжурского императора. Правда, эту борьбу он описывает как религиозную борьбу

мусульман с „неверными". Мусульмане борются за „спасение" ислама, объявляют газават. Стараясь подчеркнуть эту мысль, Мулла Муса неоднократно говорит, что мусульмане свергли „неверных" и „открыли ислам". Период независимого существования Кашгарии им рассматривается как время расцвета культуры и экономики. Особенно много, по его мнению, способствовал процветанию Якуб-бек.

Религиозное влияние на автора было настолько сильно, что он, приводя довольно большой фактический материал, характеризующий исключительно тяжелое положение населения, видит причину всего этого в наказании свыше. Избавление от угнетения, от нищеты также происходит по указанию свыше. Автор пишет, что китайские чиновники стали сильно угнетать народ, слезы людей полились, стали они просить защиты свыше, их молитвам вняли на небе и вместо китайского императора стали править ходжи. Вскоре ходжи начали притеснять народ, который снова стал молиться об избавлении. На смену ходжам пришел Якуб-бек. Первый период справедливого правления Якуб-бека сменился жестокостями и угнетением. Люди стали возносить молитвы, прося защиты от Якуб-бека. Тогда его сменили чиновники маньчжурского императора. Объяснение политических перемен по воле свыше выражало взгляды самого Муллы Мусы и соответствовало господствовавшей в то время религиозной идеологии ислама.

Мулла Муса, как уже отмечалось выше, сообщает о себе несколько больше сведений, чем другие авторы. Приводится родословная автора, восходящая к халифу Али. Предки автора жили в Средней Азии, но в первой половине XVII в. были переселены ойратами в Кашгарию, где основали селение Сайрам, в память того Сайрама в Средней Азии, из которого они вышли. В свое время предки Муллы Мусы пользовались известным влиянием, о чем свидетельствует выданный в 946/1538 г. Убейдулла-ханом ярлык Кемаль-ад-дину о назначении его Шейх-уль-исламом Сайрамского вилайета.

Сам Мулла Муса родился в селении Сайрам, расположенном между Аксу и Кучаром (170 верст восточнее Аксу). В течение нескольких лет он обучался в Кучаре в медресе у муллы Осман Ахуна, а затем вернулся обратно в Сайрам. Когда восставшие кучарцы следовали через Сайрам на Аксу, Мулла Муса присоединился к ним и участвовал в сражении у Кара-Юлгуна, где Бурхан-ад-дин потерпел поражение. После занятия Уч-Турфана кучарцами он направился туда, где играл довольно заметную роль. Был имамом мечети, хранителем

печати и заведовал казенными продовольственными амбарами, пользовался доверием, давал постоянные советы по делам управления. Ни один вопрос в Уч-Турфане ходжи не решали без его совета, как он сам пишет об этом. Во время восстания в Уч-Турфане против кучарских ходжей Мулла Муса был назначен для переговоров с восставшими.

При Якуб-беке Мулла Муса в течение 11 лет занимал различные должности, сперва сборщика податей, а затем мирзы. У Якуб-бека пользовался доверием, о чем свидетельствует тот факт, что он приглашался им на беседы и пил с ним чай из одной пиалы.

Историческое повествование часто сменяется небольшими стихами. Встречаются рубаи, месневи. Мулла Муса, воспитанный на арабской и персидской литературе, старался следовать установившейся в феодальной литературе Кашгарии традиции подражать персидским авторам как в манере исторического повествования, так и в формах стиха.

Язык сочинения Муллы Мусы очень трудный. Он содержит много персидских и арабских слов, не только уже вошедших в состав уйгурской лексики, но и весьма редких. Вследствие сложности языка и возвышенного стиля „Таарих-и Эминие" недоступна широкому читателю и рассчитана на узкий круг людей, знающих персидский язык.

Хотя „Таарих-и Эминие" Муллы Мусы является самым значительным историческим сочинением конца XIX и начала XX столетия, но оно не явилось в истории уйгурской литературы и общественной мысли тем произведением, которое завершало бы период старой феодальной историографии и начинало бы в развитии культуры и литературы уйгурского народа совершенно новое направление.

5. „ДЖАМ АТ-ТАВАРИХ" ХАДЖИ ЮСУФА (Д 124)

Хаджи Юсуф, сын Муллы Ашура халифе, написал свое сочинение в период с 20 июня 1907 г. по 3 марта 1908 г. в бытность свою в Кашгаре в квартале Кескент. Ему было в то время 70 лет. При написании сочинения он пользовался советами других людей. Как пишет автор, он со своего сочинения снял три копии, которые распределил следующим образом: одну отдал некоему дамулла Шами, другую одному хотанскому баю, а третью отправил на родину Якуб-бека, в селение Пскент (ныне Андижанской области УзССР).

Приходится высказать сожаление по поводу того, что доступен пока один список из четырех. Наличие других копий

помогло бы устранить отдельные описки, неточности и непонятные места, встречающиеся в тексте.

Биография Хаджи Юсуфа нам не известна. Сам автор говорит о себе, что он родился в Куш-доба близ Ташмалыка Кашгарского округа. Следовательно, родина его находится недалеко от Янги-Гиссара. В этом районе жили киргизы рода турайгыр-кипчак, принимавшие активное участие в политических событиях 60-х годов в Кашгарском оазисе. Их предводитель Садык-бек захватил власть в городе Кашгаре и удерживал ее до прибытия Бузрук-хана с Якуб-беком.

Неизвестно, где находился Хаджи Юсуф в момент восстания и какое участие в нем принимал. Можно предполагать, что он, вероятнее всего, был в Кашгарском оазисе. Ему было в то время 27 лет и события, в ходе которых было свергнуто господство маньчжуро-китайской империи, не могли пройти бесследно. Несомненно, у него сохранились личные воспоминания о восстании 1857 г., так как в то время ему было 20 лет.

Труд свой Хаджи Юсуф назвал „Джам ат-таварих" („Собрание историй"). Поскольку главное внимание в сочинении уделено Якуб-беку, то автор счел необходимым дать пояснение, что им описывается правление Якуб-бека и его сыновей. Сочинение носит мемуарный характер. В нем рассказывается то, что видел сам автор или слышал от других. Сочинение писалось 43 года спустя после восстания и многое могло забыться или казаться иначе, чем было на самом деле. Отдельные даты неточны, иногда перепутаны имена, и некоторые эпизоды описаны ошибочно. Таких неточностей больше всего встречается в первой части, где повествуется о положении дел в оазисах Кучара и Аксу.

Восстание в Кучаре, по свидетельству Ходжи Юсуфа, началось 14 раби I 1281/18 августа 1864 г. Эта дата не совпадает с другими источниками, указывающими на июнь месяц. Хаким Кашгара Кутлук-бек, по свидетельству автора, вызвал Садык-бека к себе в Кашгар 5 месяца 1280 г. (октябрь 1863 г.). Из этого следует, что события в Кашгарском оазисе начались почти на год раньше, чем в Кучаре. Прибытие Бузрук-хана с Якуб-беком датируется также 1280 г., что могло бы быть не ранее мая 1864 г., тогда как известно, что они прибыли в начале 1865 г.

Повествование ведется в хронологическом порядке. Вначале идет краткий рассказ о восстании дунган в западных провинциях Китая. Он служит как бы вступлением, после которого уже следуют описания события в оазисах Кашгарии.

Самому восстанию в Кучаре уделено мало внимания, особенно правлению Рашид-ад-дина. В этой связи имеется интересное упоминание о том, что ходжи в Кучаре, зная о нарастающем недовольстве населения, готовились к захвату власти, тайно собирались, намечали себе хана, который должен был стать затем ханом всей Кашгарии.

Заслуживает внимания свидетельство о распоряжении маньчжурских властей о поголовном уничтожении дунган в Джунгарии и Кашгарии с целью предотвратить здесь волнения. Имеется указание автора на письмо кашгарского хакима Кутлук-бека. Само по себе упоминание об этом не является новостью. Сведения о приказе поголовного уничтожения дунган в западных областях были известны и из других источников, но поскольку имелось сомнение в достоверности такого приказа, то еще одно свидетельство имеет значение для окончательного решения вопроса. Тем более, что Хаджи Юсуф указывает на то, что Кутлук-бек успел частично привести в исполнение приказ и в некоторых селениях Кашгарского оазиса уничтожил всех дунган. Вот что он пишет: „В дату 1280 года дунгане стали врагами китайскому хану. Поэтому в этих восьми городах китайским амбаням и далоя было дано письмо. Внутри ханства дунгане стали врагами великому хану. Это письмо направлено, чтобы не было плохих дунган. Меры приняв, на дунган ночью напасть и с семьями перебить“ (лл. 33а, 33б).

Участие киргизов в событиях 60-х годов слабо освещено в литературе. Даже уйгурские источники не в полной мере знакомят читателя с данным вопросом. Исключение в этом отношении составляет Хаджи Юсуф, посвящающий киргизам значительную часть своего сочинения.

Автор приводит много интересных подробностей, благодаря которым полнее вырисовывается участие киргизов в политических событиях XIX столетия в Синьцзяне и особенно во время правления Якуб-бека. Киргизы во главе с Садык-беком прибыли в Кашгар из Ташмалыка при следующих обстоятельствах. Когда в кашгарском оазисе стало неспокойно, то хаким города Кашгара Кутлук-бек вызвал в помощь маньчжуро-китайскому гарнизону Садык-бека, который ранее оказывал преданность маньчжурскому императору. Однако когда киргизы прибыли в Кашгар, Кутлук-бек отказался открыть городские ворота. Он опасался, что киргизы перебьют китайское население и захватят город в свои руки. Желая предотвратить выступление киргизов против китайцев, Кутлук-бек отдает тайный приказ схватить Садык-бека, а на его место

назначить другого. Когда об этом стало известно Садык-беку, он решил осадить город Кашгар.

Описывая непродолжительное правление Садык-бека в Кашгаре, Хаджи Юсуф говорит, что он отстранил старых чиновников и назначил новых, главным образом из киргизов. Население не всегда признавало над собой власть Садык-бека. В отдельных случаях последнему приходилось вести довольно упорную борьбу. В Артуше дело дошло до того, что чиновников, назначенных им, отказались признать и заявили о нежелании подчиняться его распоряжениям. Киргизские чиновники, по свидетельству автора, притесняли население и еще больше возбуждали недовольство. Что касается общих установок Садык-бека по внутренней политике, то Хаджи Юсуф ограничивается замечанием, что он отменил маньчжуро-китайские законы и стал управлять по шариату.

Автор подробно рассказывает о борьбе Садык-бека с Якуб-беком, о том, как Якуб-бек постепенно расширял свою власть в Кашгаре, создавал воинские отряды, назначал пришедших из Кокандского ханства на различные должности, вытесняя Садык-бека и его сторонников. Садык-бек вскоре был назначен ляшкер-баши войск, расположенных в городах и селениях Кашгарского оазиса. Садык-бек хотел использовать в своей борьбе Кичик-хана тюрю, одного из ходжей, игравшего руководящую роль в восстании 1857 г., и делает попытку заключить соглашение с кучарскими ходжами о совместном выступлении против Якуб-бека. Однако дипломатические шаги Садык-бека не дали ожидаемых результатов. Он потерпел поражение и пришел к Якуб-беку с признанием своей зависимости.

Далее следует описание военных походов Якуб-бека на Яркенд, Хотан и Марал-баши. Здесь Хаджи Юсуф не приводит новых данных.

Автору в какой-то мере известны были события и в среднеазиатских ханствах. Коротко он рассказывает о борьбе Бухарского и Кокандского ханств. Отмечается занятие русскими войсками Самарканда и попытка бухарского эмира создать под верховенством Бухары коалицию против русских из правителей Бадахшана, Дарваза, Куляба и Коканда.

Возвращаясь к описанию правления Якуб-бека, Хаджи Юсуф пишет о прибытии послов из Бухары и Кабула, английской миссии Форсайта и русского представителя. Только русского представителя автор называет везирем. Особо отмечается посольство 1285/1868-1869 г. из Турции от Абдул Азиза с ярлыком о покровительстве и согласии оказать помощь.

Осведомленность Хаджи Юсуфа о внешних сношениях Якуб-бека значительно больше других авторов. Однако, перечисляя посольства к Якуб-беку, Хаджи Юсуф ничего не говорит о посольствах самого Якуб-бека и не приводит сведений, характеризующих его внешнюю политику.

Во второй половине сочинения описываются походы Якуб-бека на Кучар, Урумчи, Манас, Турфан и Хами. Здесь, как и в первой половине книги, описываются с мельчайшими подробностями военные походы и сражения. Об организации управления и о налогах говорится мало, в самой общей форме. Приведены названия должностей, на которые Якуб-бек назначал чиновников, но поскольку не указаны обязанности чиновников, нельзя воспроизвести полную картину организации административного аппарата и систему управления в ханстве Якуб-бека. Заслуживает внимания неоднократное упоминание о взимании в больших размерах коналгу для содержания войск во время военных походов: „Аталык гази, получив письмо тюря, тотчас священное послание отправил: «На дунган Дахо, Шихо, Гума, Манаса наложите много коналгу и храните»“ (л. 33б а); „в Сайраме Мухаммед Эмин токсаба много коналгу приготовил“ (л. 342б).

Большое место отведено описанию борьбы Якуб-бека с дунганами. Благодаря Хаджи Юсуфу и другим авторам, можно будет выяснить во всех деталях известную пока лишь в общих чертах сторону взаимоотношений дунган и Якуб-бека. Если роль дунган в первый период восстания освещена хорошо, то в последующее время она выяснена слабо и поэтому дополнительные сведения по данному вопросу представляют интерес.

Хаджи Юсуф, судя по его сочинению, был в Кашгарском оазисе во время событий 60-х годов и в период правления Якуб-бека. Поэтому, естественно, возникает вопрос, на чьей же стороне его симпатии, как он относился к различным руководящим группам в стране?

Хаджи Юсуф о кучарских ходжах и Хабибулле пишет как посторонний и бесстрастный наблюдатель, не высказывая своего мнения о них. Что касается Бузрук-хана, то автор не впадает в восторженность при оценке его как правителя. Зато Хаджи Юсуф не скрывает своих симпатий к Якуб-беку. Он отмечает его большую роль в создании независимого государства, в „спасении ислама“. Якуб-бек, по его мнению, старался развивать торговлю с соседними странами и внутри своих владений. Он строил караван-сараи, мосты, улучшал дороги, принимал купцов, разбирал их жалобы, требовал,

чтобы налоги взимались по определенным нормам. Хаджи Юсуф пишет, что Якуб-бек выслушивал жалобы бедных людей и строго наказывал виновных чиновников.

Вот как Хаджи Юсуф характеризует деятельность Якуб-бека: „Великий аталык гази с радостью пришел в Кашгарское государство и в результате (воссел) на престоле султана. Справедливо разбирал жалобы вдов и бедных. Со всех концов из селений, с 18 караулов, с почтовых станций вызвал в Кашгар чиновников. Совершавших насилие и притеснение сяркеров и диван-бегов заслуженно наказал, установил справедливость" (л. 108б).

Высказывания подобного рода встречаются в сочинении Хаджи Юсуфа неоднократно. Он стремится представить Якуб-бека справедливым правителем, заботившимся о народе, удовлетворявшим нужды бедных. Можно, конечно, допустить, что были случаи, когда наказывались чиновники по жалобам неимущего населения, особенно в первое время правления Якуб-бека, но делалось это, разумеется, не ради заботы о бедняках, а просто для укрепления своего положения как нового правителя Кашгарии.

Для уяснения некоторых вопросов внутренней политики Якуб-бека автор приводит важные сведения об установлении тартука. Подарки подносились дорогие, они имели узаконенную форму и весьма способствовали росту личного богатства самого Якуб-бека. Вот несколько примеров: „Мухаммед Эмин токсаба собрал большой тартук и аталыку гази было очень приятно" (лл. 341б, 342а). „Некоторое количество золота, серебра, лучшего оружия, чая навьючили не одну арбу на верблюдов (и) в знак уважения направили в Кашгар аталык гази" (л. 299а).

Как видно из свидетельства Хаджи Юсуфа, тартук для Якуб-бека собирался с населения, причем чиновники, конечно, не забывали при этом и себя. Львиная доля из собранного оставалась у них самих. Подобные сборы проводились в неограниченных размерах, злоупотребления здесь получали полный простор.

Правление Якуб-бека продолжалось 14 лет, 4 месяца и 9 дней. Такое точное указание имеется только у Хаджи Юсуфа. „Джам ат-таварих" можно разделить на две части. Первая часть списка занимает 176 страниц. Она начинается с описания восстания дунган в западных провинциях Китая и заканчивается изложением событий в самой Кашгарии до прихода Якуб-бека. Вторая часть более обширна и составляет 530 страниц. Эта часть охватывает период

с момента прихода в Кашгар Якуб-бека до падения его ханства.

В свою очередь, каждая из этих частей распадается на более мелкие разделы, повествующие об отдельных событиях. Для того чтобы представить содержание материала в рукописи, достаточно будет привести порядок его распределения.

Часть первая

1. Вступление. Объяснение названия. Восстание дунган в западных провинциях Китая (лл. 1а—4б).
2. Восстание в Кучаре, провозглашение Рашид-ад-дина ханом и походы кучарских ходжей на Аксу, Уч-Турфан, Кашгар (лл. 4б—8а).
3. Военные походы на Карашахар, Турфан (лл. 8а—33а).
4. События в Кашгаре (лл. 33а—39а).
5. Прибытие Садык-бека с киргизами в Кашгар. Захват города. Отправление посольства в Коканд (лл. 39а—68б).

Часть вторая

1. Прибытие Бузрук-хана с Якуб-беком в Кашгар. Борьба Якуб-бека с предводителем киргизов Садык-беком. Бегство последнего в Янги-Гиссар (лл. 68б—85а).
2. Походы Якуб-бека на Яркенд и Маралбаши. Борьба со своими противниками в Кашгаре. Полная победа Якуб-бека. Рассказ о завоевании русскими Средней Азии (лл. 85а—148а).
3. Взаимоотношения Якуб-бека с Хабибуллой и захват Хотана (лл. 140а—186б).
4. Походы Якуб-бека против кучарских ходжей, занятие Аксу, Уч-Турфана, поражение Рашид-ад-дина и взятие Якуб-беком Кучара (лл. 186б—245а).
5. Войны с дунганами Урумчи и Манаса. Походы на Турфан (лл. 245а—309а).
6. Приход войск китайского императора, поражение Якуб-бека, смерть Якуб-бека, занятие страны войсками китайского императора (лл. 309а—353а).

Сочинение написано простым языком, на кашгарском диалекте. Оно доступно широкому кругу читателей. Сложные обороты употребляются иногда для украшения стиля или для характеристики поступков высокопоставленных лиц, когда автору кажется, что для этого простых, обычных слов недостаточно. Частые повторения и отдельные неточности несколько снижают научное и литературное достоинство сочинения Хаджи Юсуфа.

6. АНОНИМНАЯ РУКОПИСЬ (В 4018)

Среди уйгурских рукописей Института востоковедения имеется небольшое сочинение, посвященное событиям в Илийской долине и содержащее по отдельным вопросам истории таранчинского султаната весьма интересные данные.

Рассказ начинается с упоминания о том, как 6000 хозяйств было переселено в Илийскую долину из городов Кашгарии, а владельцы их сделаны таранчами-земледельцами. Земледельцы должны были обрабатывать отведенную им землю и снабжать расположенные здесь войска продовольствием и фуражом.

Положение таранчей все ухудшалось и, наконец, стало нестерпимым. Автор коротко, но ярко рассказывает об этом на третьей странице своей работы. Жалобы таранчей не выслушивались. На них никто не обращал внимания, все делалось так, как хотели беки. Высокопоставленные маньчжурские чиновники брали взятки от беков. Нищета народа достигла таких размеров, что население питалось только пшеном, а вместо чая употребляли коренья: „В двухстах хозяйствах, подчиненных одному беку, нельзя было найти две-три лошади“ (л. 2а).

Когда стало известно о восстании в Урумчи и Кучаре, таранчи и дунгане Илийской долины восстали и общими усилиями разбили маньчжуро-китайские гарнизоны и захватили Кульджу и Куре. Таранчи собрали войска около 7—8 тысяч человек, сделали две самодельных пушки, поставленные на арбы. Султаном стал Ма'азум-хан, но он скоро был убит другой группой, пытавшейся захватить власть.

Вскоре между руководителями таранчей и дунган произошел конфликт. Кульджинские дунгане обратились за помощью в Урумчи. Оттуда прибыло 300 человек. Однако силы таранчей оказались значительнее, и они одержали победу над дунганами. Едва закончилась борьба таранчей с дунганами, как прибыло 1500 кибиток калмыков. Султан выслал им навстречу 3000 солдат и разбил их.

Шибо и солоны пытались выступить против таранчей и поддержать маньчжуро-китайские правительственные войска, но серьезных успехов не имели. Скоро их сопротивление было подавлено. В Илийской долине базы восставших первоначально находились в мазарах. Здесь они получали питание и все необходимое для вооруженного выступления. Позднее, когда таранчи одержали победу, их базой стала военная крепость Куре, расположенная близ Кульджи.

С двадцатого листа начинается рассказ о прибытии в Кульджу русских войск. Автор указывает, что русские войска зла никому не причиняли и население было ими довольно (лл. 21, 25). О султане он пишет, что он отправился в Алма-Ата.

Когда русские войска стали выходить из Кульджи, много таранчей и дунган перешло в Россию в районы Токмака, Кара-Балим и Кок-Аксу (л. 25).

Описывая положение после победы таранчей, автор высказывает отдельные замечания об организации административного управления, о налогах. Он говорит, в частности, что казахи платили зякет, а торговцы и крестьяне вносили 5 ямбов. Но в Илийской долине, кроме казахов, кочевали калмыки и киргизы. Какую подать платили они — об этом данных нет. С чего вносилось пять ямбов оседлым населением, пояснений также не дается. Управление было организовано по шариату, во все селения султан назначил своих чиновников.

Рассматриваемая рукопись представляет интерес как для изучения истории таранчей, так и для изучения истории уйгурской литературы.

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Боровков. Учебник уйгурского языка. Л., 1935.

М. Ф. Гаврилов. Странички из истории Якуб-бека бадаулета — правителя Кашгарии. Сборник „В. В. Бартольду", Ташкент, 1927.

Н. Н. Пантусов. Война мусульман против китайцев, вып. 2. Казань, 1881.

Н. Н. Пантусов. Стихотворение о Якуб-беке государе Кашгарии, и о событиях его времени. Казань. 1901.

И. Первышев. Ресалэ-и Якуби (воспоминания о Якуб-беке Кашгарском Камиль-хане-Ишана). Истор. марксист. 1940, кн. 3.

К. Усманов. Уйгурские источники о восстании в Синьцзяне. Вопросы истории, 1947, № 2.

К. А. Усманов. К вопросу о роли русской исторической науки в изучении Синьцзяна (XIX в.). Труды Московского института востоковедения, № 6, 1951.

Н. Д. МИКЛУХО-МАКЛАЙ

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ XIII в. НА ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

(Новый источник по исторической географии Азербайджана и Армении)

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ РУКОПИСИ

Рукопись Института востоковедения Академии Наук СССР под шифром А 253 (старый шифр 603 bcc) представляет значительный интерес для советских историков; она содержит неизвестный доселе труд на персидском языке, заключающий довольно много ценных сведений по исторической географии ряда стран и в том числе Азербайджана, Армении и др. Рукопись эта была куплена известным русским востоковедом Н. В. Ханыковым 23 мая 1859 г. в г. Исфахане у книготорговца Сейида Муḥаммеда, как это видно из карандашной приписки, сделанной самим Ханыковым на л. 1а; в том же 1859 г. рукопись поступила в Азиатский музей Академии Наук.[1]

Размер рукописи 19 × 12.2 см, листов 229, пагинация европейская, переплет восточный картонный, обтянутый гладкой кожей коричневого цвета. В одном переплете заключено два больших однотипных по содержанию сочинения, составленных и переписанных в разное время.

Листы 1б—86а рукописи занимает известное географическое сочинение на персидском языке „Сувар ал-аḳāлīм“ („Изображение климатов“), названное в нашей рукописи „Сувар ал-аḳāлīм-и сабʿа“ („Изображение семи климатов“). Труд этот был написан в 784/1347=1348 г. и посвящен правителю Кермана и Фарса музаффариду Мубāриз ад-дīну

[1] Mélanges Asiatiques, IV, 1863, стр. 54.

Мухаммеду (1313—1359). Автор не установлен. Это сочинение не имеет никакого отношения к знаменитому одноименному труду на арабском языке Абу Зейда Ахмеда ал-Балхи (X в.), оно до сих пор не издано; списки его встречаются во многих рукописных хранилищах мира.[1]

Бумага рукописи восточная, довольно плотная, гладкая, желтоватого оттенка. Текст писан черной тушью, мелким, но четким наста'ликом; заглавия — красными чернилами, строк на странице 14. Рукопись была реставрирована, старые поля обрезаны и подклеены новые широкие, также из восточной бумаги; последние лл. 83—86 не имеют обрезанных полей. Писаны тем же почерком (наста'лик), но другой рукой на более новой восточной бумаге; несомненно, эти листы восполняют лакуну в тексте. Переписка этих листов датирована 8 зу-л-ка'да 1046 (5 апреля 1637 г.). Основной текст рукописи более старый, повидимому не ранее XVI в. Место переписки рукописи не указано; судя по почерку и внешнему виду, вероятно Иран.

На л. 86б имеется небольшая заметка географического характера под названием „Масахат-и дунйа“ („Поверхность земли“). Она состоит из 17 строк, причем последняя строка заканчивается на полях; писана она мелким, четким наста'ликом, но другой рукой, чем текст предыдущего сочинения. В ней сообщаются краткие, особого интереса не представляющие данные о поверхности земли. Автор не указан. Заметка начинается словами: „Так говорит мавлана Тадж ад-дин мунаджджим“.

На первый взгляд заметка может быть принята за начало второго сочинения, находящегося в рукописи. Но, повидимому, она не имеет к нему отношения. Заметка носит вполне законченный характер и имеет свое название, в конце нет кустоса; писана иной рукой, чем следующее за ней сочинение.

Листы 87—228 заняты вторым сочинением также географического характера, не имеющим в рукописи ни начала, ни конца. Строк на странице 14, поля узкие. Бумага восточная, плотная, гладкая, более новая, чем в первом сочинении. Текст писан тушью, заглавия красными чернилами; заглавия

[1] Mélanges Asiatiques, VI, 1873, стр. 574; VII, 1874, стр. 43; Ch. Rieu. Catalogue of Persian Manuscripts, I. London, 1879, стр. 420—421; E. Blochet. Catalogue des manuscrits persans, I. Paris, 1905, стр. 385; H. Ethé. Catalogue of the Persian Manuscripts. Oxford, 1903, стр. 365—366; W. Ivanov. Concise Descriptive Catalogue of the Persian Manuscripts. Calcutta, 1924, стр. 120.

во многих местах опущены, но для них оставлены пробелы в тексте (см. лл. 191а, 192а и др.). Рукопись писана наста'-лӣқом, но почерк более крупный и жирный, чем в первом сочинении рукописи. Дата и место переписки не указаны; судя по почерку и внешнему виду, время переписки — вторая половина—конец XVII в.; по тем же признакам, место ее переписки — Иран.

На полях л. 86б имеется довольно большая приписка, датированная 1239/1823-1824 г. В еще более расширенном виде, сделанная той же рукой и датированная 22 раби'-ал-ахир 1239/27 декабря 1823 г., она повторяется на л. 229б. В приписке говорится об окончании какой-то книги; приписка носит сугубо шиитское содержание и не имеет никакого отношения к находящимся в настоящее время в рукописи сочинениям.

НАЗВАНИЕ СОЧИНЕНИЯ

Предметом исследования настоящей статьи является второе сочинение описанной рукописи; имя его автора в рукописи не указано, однако название самого сочинения один раз упомянуто в тексте — „'Аджа'ӣб ад-дунйа" („Диковинки мира"). Наличие этого сочинения в составе исследуемой рукописи было в свое время отмечено акад. К. Г. Залеманом в большом примечании к одной из его статей.[1] К. Г. Залеман не привел никаких данных об авторе сочинения и не установил времени написания сочинения; он только указал, что по своему характеру оно схоже с первым трудом, имеющимся в рукописи, т. е. с „Сувар ал-ақалӣм"; приведя затем большую цитату, заключающую вышеуказанное название интересующего нас сочинения, К. Г. Залеман высказал предположение, что это то же самое произведение, которое автор XVI в. Сурӯрӣ в своем труде „Ми'йар-и джамалӣ" называет „'Аджа'ӣб ал-булдан" („Диковинки стран").

Для доказательства своего предположения К. Г. Залеман привел замечание Сурӯрӣ о городе Бабиле (Вавилоне), сделанное им со ссылкой на труд, называемый „'Аджа'ӣб ал-булдан", и сопоставил его с замечанием о том же городе, имеющимся в нашем сочинении. Сходство между обоими замечаниями и послужило для К. Г. Залемана основанием

[1] C. Salemann. Bericht über die ausgabe des Mi'jar-i jamali. Mélanges Asiatiques, IX, St.-Petersburg, 1880—1888, стр. 493—494. прим. 1.

высказать догадку о тожественности рассматриваемого сочинения с упоминаемым Сурӯрӣ трудом „ʿАджа'ӣб ал-булдан".

Смысл этих замечаний (схожих не текстуально, а по содержанию) сводится к тому, что на греческом языке город Бабил будто бы назывался Муштарӣ (т. е. Юпитер). Следует, однако, иметь в виду, что это замечание в исследуемом сочинении отнюдь не оригинальное; оно заимствовано из предшествующих трудов, по всей вероятности из труда Наджӣба Хамаданӣ (о нем ниже), из которого автор нашего сочинения, как мы покажем далее, почерпнул многие свои сведения. Следовательно, нет никаких оснований считать, что Сурӯрӣ мог заимствовать приводимое им замечание о городе Бабиле только из сочинения нашего автора; скорее всего Сурӯрӣ, как и наш автор, заимствовал его из труда Наджӣба Хамаданӣ. Это обстоятельство делает весьма сомнительным предположение К. Г. Залемана об использовании Сурӯрӣ исследуемого сочинения, а следовательно и о тожественности его с трудом, называемым „ʿАджа'ӣб ал-булдан". Рассмотрение трудов, известных под указанным названием, также не подтверждает пока догадки К. Г. Залемана. Таких сочинений имеется несколько.

1) Знаменитый труд на арабском языке Закарийа ал-Казвинӣ (ум. в 682/1283-1284 г.) „ʿАджа'ӣб ал-маχлӯқат ва ғара'ӣб ал-мавджӯдат" („Диковинки сотворенного и редкости существующего"), переводы которого на персидский язык в некоторых рукописях называются „ʿАджа'ӣб ал-булдан".[1]

2) Сочинение некоего Ибн ал-Джаззара, упоминаемого Ҳаджджӣ Ҳалӣфой, о котором у нас нет никаких сведений.[2]

3) Небольшой доселе считавшийся анонимным трактат космографического и географического характера начала XVI в., рукописи которого были подробно описаны Рье[3] и Эте.[4] В собрании Института востоковедения Академии Наук СССР имеется один список этого трактата (шифр А 254). Как нам удалось установить, автором его является известный астроном конца XV—начала XVI в. Низам ад-дин ʿАбд ал-ʿАлӣ ибн Мухаммед ибн Ҳусейн ал-Бирджандӣ (ум. после 930/1523-

[1] Blochet. Catalogue des manuscrits Persans de la Bibliotheque Nationale, t. I. Paris, 1905, стр. 387.

[2] Haji Khalifae. Lexicon, IV. London, стр. 186, № 8060. В дальнейшем цитируется: Ҳаджджӣ Ҳалифа.

[3] Ch. Rieu. Catalogue, I, стр. 417a.

[4] H. Ethe. Catalogue of the Persian Manuscripts in the Bodleian library, p. I. Oxford, 1889, стр. 404.

1524 г.), комментатор астрономических сочинений Нāṣир ад-дӣна Ṭӯсӣ (XIII в.) и Улуғ-бека (XV в.).

4) Космографическое сочинение неизвестного автора, составленное после 968/1560-1561 г.[1]

Перечисленные здесь труды не имеют отношения к нашему сочинению. Правда, мы ничего не знаем о труде Ибн ал-Джаззāра, но и он вряд ли может быть отожествлен с исследуемым сочинением. Судя по имени автора, труд был написан по-арабски, тогда как наше сочинение написано на персидском языке и нет никаких оснований считать его переводным.

Обратимся теперь к трудам, носящим то же название, что и исследуемое сочинение, т. е. „ʿАджā'ӣб ад-дунйā". Ḥāджджӣ Ḫалӣфа приводит имена трех авторов, имевших труды с этим названием: 1) Мухаммед ибн Ḫусейн ал-Масʿӯдӣ, 2) Шейх Азерӣ ал-Исфара'йнӣ (ум. в 279/892-893 г.) и 3) Ибрāхӣм ибн Ваṣӣф-шāх.[2]

Первый из названных здесь авторов, по всей вероятности известный арабский историк и географ Абӯ-л-Ḫасан ʿАлӣ ибн Ḫусейн ал-Масʿӯдӣ (ум. в 345 или 346/956 г.), историко-географическое сочинение которого „Мурӯдж аз-захаб ва маʿādин ал-джавāхир" („Промывальни золота и рудники драгоценных камней") в позднейших переделках известны под различными названиями.[3]

Относительно второго автора — шейха Азерӣ ал-Исфара'йнӣ — следует указать, что Ḥāджджӣ Ḫалӣфа допустил ошибку (отмеченную еще Б. Дорном),[4] датируя его смерть 279 г. х.; в действительности он умер в 861/1456-1457 г. Одно из его сочинений космографического характера, написанное в стихах, в некоторых рукописях носит название „ʿАджā'ӣб ад-дунйā".[5]

Третий из авторов, Ибрāхӣм ибн Ваṣӣф-шāх жил в Египте в XIII в. (дата его смерти точно не установлена); его труд

---

[1] Maulavi Abdul Muqtadir khan Saheb. Catalogue of the Arabic and Persian Manuscripts of the orientale public library at Bankipure, vol. VII. Patna, 1921, стр. 195—196.

[2] Ḥāджджӣ Ḫалӣфа, IV, стр. 186, № 8062.

[3] The Encyclopaedia of Islam, III, стр. 404.

[4] B. Dorn. Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliotheque Imperiale publique de St.-Pétersbourg. St.-Pétersbourg, 1852, стр. 39.

[5] A. Sprenger. Catalogue of the Arabic Persian and Hindustani manuscripts of the library of the King of Oudh, vol. I. Calcutta, 1854, стр. 315—316; H. Ethe. Catalogue of the Persian Manuscripts in the Bodlean library, I, стр. 404; H. Ethe. Catalogue of the Persian Manuscripts, I, стр. 375—376.

на арабском языке (имеющий название, указанное Ḥāджджӣ Ḫалӣфой) сохранился в нескольких рукописях.[1]

Анализ нашего сочинения показывает, что оно не имеет ничего общего с перечисленными здесь трудами. Весьма вероятно, что исследуемое сочинение могло быть известно и под другими названиями, отличными от того, которое ему дается в нашей рукописи. В связи с этим нами были просмотрены аналогичные по типу с нашим сочинением арабские и персидские труды, доступные по печатным изданиям и рукописям или известные по различным отечественным и зарубежным каталогам и библиографическим пособиям. Однако среди них нам пока не удалось обнаружить какого-либо труда, тожественного с нашим сочинением.

АВТОР

Начало сочинения, включая, вероятно, имевшееся к нему предисловие, утеряно в рукописи. Вследствие этого нет возможности получить обыкновенно находящиеся в предисловии сведения об авторе, об обстоятельствах и причинах составления его труда. Лишь в одном месте (л. 188б) автор приводит вышеуказанное название своего сочинения — „ʿАджāʾӣб ад-дунйāˮ („Диковинки мираˮ).

О себе автор неоднократно упоминает при описании тех или иных событий или местностей. К сожалению, эти данные очень кратки и отрывочны, но все же они дают некоторое представление об авторе, во всяком случае о времени его жизни.

Самой ранней датой, под которой упоминает о себе автор, является 602/1205-1206 г. Эту дату он приводит в рассказе об одном городе; название города в нашей рукописи опущено. Описан город следующим образом: „Это — город хороший, проточные воды, много садов, фрукты приятные, воздух здоровый. Рядом с городом была крепость, очень сильная. Название ее Ḫайдарийэ. В 602/1205-1206 г. государь, падишах ислама, победоносный в мирских и религиозных делах — да возвеличит Аллах его победу и счастье — вблизи нее сразился с ʿАлӣ-шāхом, сыном Текеша хорезмшаха, поразил его, убил и перебил множество народу. После этого он приказал, чтобы крепость разрушили и стены ее сбросили

[1] V. Rosen. Notices sommaires. St.-Pétersbourg, 1881, стр. 167—173; Ch. Rieu. Supplement to the Catalogue of the Arabic Manuscripts of British Museum. London, 1894, стр. 468—469, № 687; C. Brockelman. Geschichte der arabischen Literature, B. I. Weimar, 1898, стр. 335—336.

в ров (ḫандаḳ), и еще (поныне) она разрушена. Я (ман-и бандэ) в то время находился там. Его (города) товары: розовая вода (гулāб) и āб-и бӣд,[1] очень хорошая, так что говорят, в настоящее время во всем мире нет такой хорошей" (190б).

Приведенное описание города позволяет без труда установить его название. Ḫамдāллах Мустаӯфӣ Казвӣнӣ сообщает, что крепость по имени Ḫайдарийэ была построена Бехā ад-дӣном Ḫайдаром из рода атабека Нӯштегӣна Шӣргӣра в городе Абхаре, находящемся между городами Казвином и Зенджаном в области Ирака персидского на границе с Азербайджаном.[2]

Какой правитель имеется в виду в цитированном отрывке под пышным титулом „государь, падишах ислама, победоносный в мирских и религиозных делах"? Судя по времени и месту, речь идет об азербайджанском атабеке Абӯ-Бекре (587—607/1191—1210) из династии Ильдегизидов. Однако не исключено, что здесь речь идет о преемнике Абӯ-Бекра, азербайджанском атабеке Узбеке (607—622/1210—1225), поскольку автор в дальнейшем, не называя Узбека по имени, обозначает его только этим титулом (лл. 197б, 203а); за такое предположение говорит и лаḳаб (почетное прозвание) Узбека — Музаффар ад-дӣн. Возможно, что автор задним числом наименовал Узбека титулом, который прилагал к нему впоследствии как к самостоятельному государю.

Что же касается второго лица, названного автором, ʿАлӣ-шāха (полное его имя Тāдж ад-дӣн ʿАлӣ-шāх), сына хорезмшāха Текеша (568—596/1172—1200), то он в те времена был правителем в Курдистане.

Таким образом, в 602/1205-1206 г. наш автор находился в северо-западной части Ирака персидского в городе Абхаре.

При описании Арз-и Рума (Эрзерум) автор указывает (л. 192а), что он прибыл в этот город в 603/1206-1207 г. Из этих дат видно, что к началу XIII в. он был уже взрослым человеком и что, следовательно, его рождение может быть отнесено ко времени не позднее последней четверти XII в.

---

[1] Āб-и бӣд буквально значит „ивовая вода" или „ивовый сок", но что представлял в действительности продукт, обозначаемый этим термином, — неизвестно.

[2] Hamdallah Mustawfi of Qazwin. Nuzhat-al-Qulub. Edited by G. Le Strange, Leuden—London, 1915. GMS., XXIII, I, стр. 59. В дальнейшем цитируется: Ḫ. Казвӣнӣ.

Автор нередко упоминает разных современных ему правителей Средней Азии, Ирана, Азербайджана, Месопотамии и других стран, причем, как, правило, говорит о них с большим почтением; так, хорезмшаха Мухаммеда (596—617/1200—1220) он называет (л. 203а) „великим султаном" (султа̄н-и му'аззам); правившего в Ирбиле (Месопотамия) представителя династии Бегтегинидов (539—630/1144—1233) — Музаффар ад-дӣна Кукберӣ[1] (586—630/1190—1233) именует (л. 193а) „победоносный в мирских и религиозных делах" (Музаффар ад-дунйа̄ ва-д-дӣн).

Однако наибольшее почтение у автора — по отношению к представителям династии Ильдегизидов, правившей Азербайджаном (531—622/1136—1225); их имена он сопровождает всякого рода благочестивыми пожеланиями (см. лл. 128б, 190б и др.); а при описании Тебриза и Нахичевани указывает (лл. 198а и 226б), что своего расцвета эти города достигли в „августейшее время" ('ахд-и хума̄йӯн) основателя династии Ильдегизидов Шемс ад-дӣна Ильдегиза (531—568/1136—1174); своего современника ильдегидиза Узбека автор именует (лл. 190б, 197б) „государь и падишах ислама, победоносный в мирских и религиозных делах" („Худа̄венд ва па̄дша̄х-и-исла̄м-и-музаффар ад-дунйа̄ ва-д-дӣн").

Отсюда можно предположить, что автор был как-то более близко связан с династией Ильдегизидов. Такое предположение еще более усиливается тем обстоятельством, что в рассматриваемом сочинении основному владению Ильдегизидов, Азербайджану, уделяется значительное место, а некоторым городам, например Тебризу и в особенности Нахичевани, дается подробное и даже восторженное описание, тем более заставляющее предполагать связь автора с Азербайджаном.

Анализ сочинения позволяет выявить еще один очень существенный момент для характеристики автора, а именно то, что он много путешествовал. О его пребывании в Абхаре и Эрзеруме говорилось уже выше. Автор отмечает еще ряд городов и стран, которые он посетил. Когда он описывает некоторые родники, находящиеся в Азербайджане и Армении, он указывает, что видел их сам (лл. 92б, 93а); рассказывая о горе Харис (Большой Арарат) в Армении, замечает, что сам наблюдал текущие с нее потоки воды (л. 96б).

Автор был (правда в качестве пленника) в Грузии, как это можно заключить из следующих его слов (л. 107а): „В ша'ба̄не 606 г. (январе—феврале 1210 г.), когда я был

[1] В нашем тексте вместо Кукберӣ стоит Кулберӣ.

в руках неверных (кāфирāн), к царю Абхаз[1] прибыл посол от Мелика Ашрафа ибн ʿĀдила".[2] О пребывании в Грузии автор рассказывает в другом месте своего труда: описывая мост через реку (под которым проходят суда), находящийся в одном из городов Андалусии (Испании), автор замечает, что подобные мосты есть в Багдаде и Тифлисе и что он их сам видел (л. 111б). Побывал автор и в Ираке арабском. Однако он упоминает о себе как об очевидце только при описании двух пунктов — места гибели и могилы ʿАлӣ, возле которой, по его словам (л. 121б), построили город (Неджеф), и Бāбиля (развалины Вавилона) (л. 124а).

В 613/1216-1217 г., как указывает сам автор (л. 94б), он совершил путешествие в Хиджаз; тогда же, повидимому, он посетил Мекку: описывая этот город, он дважды ссылается на собственные наблюдения (лл. 118б и 119а).

Побывал автор и в прикаспийских областях, в частности — в Табаристане. Рассказывая об одном необычайном дереве, растущем в Табаристане, он добавляет, что наблюдал целые леса подобных деревьев и даже привез с собою кусок такого дерева (л. 88б). Наконец, посетил автор и Индию, как это можно заключить из его слов, что он сам видел много раз диковинное дерево, растущее в Индии (л. 90б).

К сказанному можно добавить, что автор был человек образованный или, во всяком случае, начитанный и любознательный. О его начитанности свидетельствуют многочисленные ссылки на книги при рассказе о тех или иных вещах или явлениях (см. лл. 94, 117а и др.); о его любознательности говорят расспросы о посещаемых им странах (см. л. 94б), которые он делал во время своих путешествий.

В заключение следует отметить, что, повидимому, автор был шиитом или, во всяком случае, симпатизировал шиизму. Такой вывод позволяет сделать следующий факт: упоминание имени основателя династии Омейядов — ненавистного шиитам Муʿāвии (41—60/661—680), автор сопровождает про-

---

[1] Имеется в виду грузинский царь Георгий IV Лаша (1212—1223), бывший с 1207 г. соправителем своей матери, знаменитой царицы Тамары (1184—1212). Абхаз — Абхазия, страна к северо-западу от Грузии; поскольку отсюда вышла правящая Грузией в средние века династия Багратидов, арабоязычные и персоязычные авторы нередко распространяли название Абхазии — „Абхаз" — на всю Грузию. В слове „Абхаз" (Грузия) в тексте рукописи неправильно поставлены диакритические точки.

[2] Эйюбидский правитель Ашраф Музаффар ад-дӣн Мӯсā в Месопотамии (с 607/1210 г.), затем в Дамаске (с 626/1228 г.) и, наконец, в Египте (648—650/1250—1252).

клятием (л. 169а), в то время как его тон в отношении ʿАлӣ и его потомков весьма почтителен (см. лл. 121б и 160а).[1]

Таковы основные сведения, которые удалось получить об авторе из его же сочинения. Хотя в них не содержится никаких прямых данных о социальном положении автора, вряд ли можно сомневаться в том, что он принадлежал к представителям господствующих классов или, во всяком случае, к социальным слоям, близким к ним. За это говорит все его сочинение, не выделяющееся по своему характеру из общей массы литературных произведений подобного рода, вышедших из чиновничьей или купеческой среды; об этом же свидетельствует, как мы указывали выше, весьма почтительный тон автора в отношении „власть имущих".

Особый интерес, проявляемый автором при описании различных городов и стран к производящимся в них товарам (о чем ниже), позволяет высказать предположение о его связи с торговлей. Впрочем, надо иметь в виду и то обстоятельство, что в данном случае автор мог просто следовать традиции географической литературы того времени, уделявшей этому вопросу большое внимание.

ВРЕМЯ НАПИСАНИЯ СОЧИНЕНИЯ

Когда было написано сочинение „ʿАджа'ӣб ад-дунйā"? К сожалению, ни прямых, ни достаточно веских косвенных указаний на этот счет в рукописи нет. Автор сообщает о начале монгольского нашествия на Иран; он пишет: „В это время, когда я собирал (джамʿ кардам)[2] в 617/1220-1221 г., татарские тюрки[3] выступили, прибыли в Ирак (персидский) и совершили (там) безмерную резню" (л. 135а). Указанная в этом отрывке дата — 617 г. х. — является наиболее поздней из упоминаемых в рукописи дат.

Правда, описывая город Тифлис (Тбилиси), автор замечает: „Теперь (акнӯн) около (қарӣб) ста десяти лет есть как грузины (в тексте „гурдж") владеют (Тифлисом)" (л. 199а). Как известно, Тбилиси был освобожден грузинами от тюрок-сельджуков в 515/1121-1122 г. Если прибавим к этой дате указанные здесь автором 110 лет, то получим 625/1227-1228 г. Однако принять полученную дату за год написания сочинения нельзя, так как сам автор указывает, что приводимая

[1] Не исключено, что анафема Муʿāвию — позднейшая вставка переписчика-шиита.

[2] Непонятно, что имел в виду автор, — очевидно в тексте пропуск.

[3] В тексте „тюрк-и тāтāр" — так автор называет монголов.

им цифра 110 лет дана неточно, приблизительно. Действительно, неточность этой даты легко обнаруживается; еще в 623/1226 г. Тбилиси на несколько лет был захвачен у грузин хорезмшахом Джелāл ад-дīном (617—628/1220—1231).

Из сказанного следует, что 617 г. х. есть единственно точная самая поздняя из упоминаемых в рукописи дат, т. е. дата, ранее которой не могло быть составлено сочинение.

О возможной наиболее поздней дате написания рассматриваемого труда можно высказать лишь предположения. Автор пишет только о начальном этапе монгольского нашествия на Иран, сообщает о действиях монголов в Ираке персидском; о Чингис-хане (имя которого не приводит) рассказывает как о некоем волшебнике, способном переправлять войска через реки (л. 135а). Очевидно, автор в момент писания своего труда еще очень мало знал о монголах и писал о них лишь по первым слухам. Вряд ли автор ограничился бы только вышеприведенными сведениями о действиях монголов в Ираке персидском, если бы писал свой труд после того, как монголы, с гибелью хорезмшаха Джелāл ад-дīна в 628/1231 г., окончательно утвердили свою власть в Ираке персидском и Азербайджане.

Отсюда следует, что сочинение могло быть написано между 617/1220-1221 и 628/1230-1231 г., иными словами, в 20-х годах XIII в. Некоторым подтверждением этой датировки может служить приведенное выше замечание автора о 110 годах, протекших со времени восстановления власти грузин в Тифлисе. Выводимая в связи с этим дата 625/1227-1228 г., как уже отмечалось, неточна и не может быть использована для определения г о д а написания сочинения. Однако вряд ли допущенная в ней ошибка превышает десять лет; поэтому для приблизительной его датировки, в пределах десяти лет, эта дата служить может, а она также указывает на 20-е годы XIII в. как на время составления сочинения. Конечно, все это только более или менее вероятные предположения. Надо надеяться, что дальнейшая работа над рукописью или обнаружение полного экземпляра этого сочинения даст возможность притти к более точным и определенным выводам.

ИСТОЧНИКИ СОЧИНЕНИЯ

Какие источники были использованы автором при написании им своего труда? Для полного решения этого вопроса потребуется еще долгая и кропотливая работа. Источники

рассматриваемого нами труда можно разделить в основном на три категории: 1) письменные, 2) устные, 3) личные наблюдения автора.

Письменные источники. Уже отмечалось, что автор был человек образованный. В своем труде он неоднократно ссылается на книги, например, рассказывая об одном диковинном камне, автор замечает, что видел в книгах описание свойств этого камня (л. 94б).

Переходя к описанию стран и городов, автор отмечает, что на эту тему уже составлены „пространные книги" (л. 188б). Несомненно, письменные источники были широко им использованы; он часто сам называет источники, откуда были почерпнуты сведения. Так, при описании грота, находящегося в Андалусии, имеется ссылка на Абӯ-л-Ḥасана Медāʾинӣ (л. 87б); полное имя этого автора — Абӯ-л-Ḥасан ʿАлӣ ибн Муḥаммед ал-Медāʾинӣ; жил он в IX в., оставил произведения на исторические темы, не дошедшие до нас, но использованные позднейшими авторами (например известными историками ал-Белāзурӣ и аṭ-Ṭабарӣ).

Важнейшим источником для автора (на что он сам прямо указывает, см. лл. 117а, 143а и др.) являлся труд Наджӣба Хамадāнӣ „ʿАджāʾиб ал-маḫлӯқāт" („Диковинки сотворенного").

Здесь, как мы покажем ниже, речь идет о составленном во второй половине XII в. сочинении космографического и географического характера, одном из первых больших произведений такого рода на персидском языке. Списки его очень редки; в собрании Института востоковедения Академии Наук СССР имеются два его списка (шифры А 453 и Д 129). Рукописи этого труда были описаны В. Перчем, Г. Флюгелем и В. Р. Розеном.[1] Полное его название совершенно такое же,

[1] W. Pertsch. Die persischen Handschriften der herzoglichen Bibliothek zu Gotha, I. Wien, 1859, стр. 58—61; G. Flügel. Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften in der Kaiserlich-Königlichen Hofbibliothek zu Wien, II. Wien, 1865, стр. 513, 514; V. Rosen. Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires ètrangeres, II. St.-Pétersbourg, 1886, стр. 114—115; W. Pertsch. Die Handschriften-Verzeichnisse der Königlichen Bibliothek zu Berlin. Berlin, 1888, стр. 366—376. — Судя по описанию Блошэ, старейшая и прекрасно оформленная рукопись этого сочинения находится в Парижской Национальной библиотеке; она была переписана в 799/1388 г. в Багдаде для библиотеки джелаирида Аḫмеда ибн Увейса (788—813/1382—1410). Парижская рукопись не содержит имени автора. Блошэ не заметил, что описываемая им рукопись тожественна по содержанию с произведением, уже хорошо известным в науке по другим его рукописям, исследованным В. Перчем, Г. Флюгелем и В. Р. Розеном

как и знаменитого труда XIII в. Закарийā Ḳазвӣнӣ „ʿАджā'-ӣб ал-маx̮лӯḳāт ва ґарā'иб ал-мавджӯдāт“ („Диковинки сотворенного и редкости существующего“). Ни в одном из известных ныне списков автор не указан. Перч и Флюгель вслед за Хаммером отожествили это сочинение с одноименным трудом, упоминаемым Х̣āджджӣ Х̮алӣфой, автором которого он называет некоего Мух̣аммеда ибн Мах̣мӯда ибн Ах̣меда ат̣-Т̣ӯсӣ ас-Салмāнӣ.[1] В. Р. Розен усомнился в правильности подобного отожествления; он указал, что автор, повидимому, был жителем Хамадана, как об этом свидетельствует его подробное и даже восторженное описание названного города, в то время как его рассказ о Тусе краток и бледен, что может говорить против тусского происхождения автора.

Сопоставление описания Хамадана в „ʿАджā'ӣб ал-маx̮лӯḳāт“ с описанием этого города в нашей рукописи дает возможность совершенно точно решить вопрос о том, кто был автором „ʿАджā'ӣб ал-маx̮лӯḳāт“. Рассказывая о Хамадане, автор „ʿАджā'ӣб ал-маx̮лӯḳāт“ в одном месте упоминает о разговоре с отцом и о своем наставнике. Приводим это место из „ʿАджā'ӣб ал-маx̮лӯḳāт“ по рукописи Института востоковедения Академии Наук СССР (Д 129):

و من از پدر خود پرسیدم که چرا ملوک همدان را مقام گاه کنند گفت
مرا نود سال ست و پدر (109a) مرا صد سالست هرگز همدان را تابستان
از ملوک خالی ندیده ام روزی من با استاد خود امام سعید مجد الدین
ابو الفتح الطائی رحمة الله حاضر بودم (109a)

'Я спросил у своего отца: „Почему цари делают Хамадан (своим) местопребыванием?“. Он сказал: „Мне девяносто лет, моему отцу сто лет (?) и я никогда не видел Хамадана летом без царей“. Однажды я находился со своим наставником покойным имамом Маджд ад-дӣном Абӯ-л-Фатх̣ом ат-Т̣āйӣ (да помилует его Аллах)'.

В нашей рукописи это место воспроизводится почти текстуально и передается следующим образом:

نجیب همدانی گوید از پدر خویش پرسیدم که ملوک چرا قصد همدان
کنند و مقام کاه سازند گفت مرا نود سال است و پدرم را صد سال عمر
بود هرگز همدان بتابستان از ملوک خالی نبود و هم نجیب همدانی

(E. Blochet. Catalogue des manuscrits Persans, t. II. Paris, 1912, стр. 79, № 814). Насколько известно, Хаммер и Дорн первые широко использовали это сочинение в своих исследованиях (B. Dorn. Auszüge aus vierzehn morgenländischen Schriftstellern betreffend das Kaspische Meer. Mélanges Asiatiques, VI, 1869, стр. 627—669).

[1] Х̮āджджӣ Х̮алӣфа, IV, стр. 188, № 8071.

گوید که (228a) من روزی بر استاد خویش امام سعید مجد الدین ابو الفتح الطائی حاضر بودم (л. 228б).

ʿНаджӣб Хамадӑнӣ говорит: „Я спросил своего отца: «Почему цари стремятся к Хамадану и делают (его) своим местопребыванием?». Он сказал: «Мне девяносто лет, моему отцу было сто лет жизни и никогда Хамадан летом не был без царей»“. Также Наджӣб Хамадӑнӣ говорит: „Однажды я находился у своего наставника, покойного имама Маджд ад-дӣна Абӯ-л-Фатҳа ат-Ṭӑӣӣ“.

Приведенные места из двух рукописей с полной очевидностью показывают, что автором „ʿАджа'ӣб ал-маḫлӯқӑт“ является Наджӣб Хамадӑнӣ. Кто был Муḥаммед аṭ-Ṭӯсӣ ас-Салмӑнӣ, которому в течение почти ста лет европейской наукой приписывалось это сочинение, — сказать трудно. Возможно, Ḥӑджджӣ Ḫалӣфа по ошибке принял переписчика или какое-либо другое лицо с этим именем за автора сочинения; не исключено и другое, а именно, что Муḥаммед аṭ-Ṭӯсӣ ас-Салмӑнӣ был автором какого-то не дошедшего до нас труда, носящего название „ʿАджа'ӣб ал-маḫлӯқӑт“. Одно несомненно — Муḥаммед аṭ-Ṭӯсӣ ас-Салмӑнӣ не имеет никакого отношения к известному нам космографическому и географическому сочинению XII в. „ʿАджа'ӣб ал-маḫлӯқӑт“, которое, как было установлено выше, бесспорно принадлежит Наджӣбу Хамадӑнӣ.

Наш автор широко использовал сочинение Наджӣба Хамадӑнӣ. У последнего, например, он заимствовал многие свои сведения о различных племенах и народностях и, в частности, любопытный рассказ о тюркских кочевых племенах (лл. 134б—135а).[1]

Труд Наджӣба Хамадӑнӣ послужил одним из главных источников для нашего автора в описании им ряда городов

[1] Ср.: Наджӣб Хамадӑнӣ. Аджа'ӣб ал-маḫлӯқӑт ва гара'ӣб ал-мавджӯдӑт. Рукопись ИВ АН, Д 129, лл. 179а—179б. Сведения о тюрках до начала XIII в. см.: Ибн Фадлан. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. Перевод и комментарии, под редакцией академика И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1939; Mahmud al-Kashghari. Divan lughat al-Turk, Istanbul, 1933—1935; Гардизи. Китӑб ал-аḫбӑр (текст и перевод рассказа о тюрках у В. В. Бартольда; Отчет о поездке в Среднюю Азию 1893—1894 гг. СПб., 1897); Тахир Мервези. Sharaf al Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic text (circa A. D 1120) with an English translation and commentary by V. Minorsky. Royal Asiatic Society, London, 1942; Муḥаммед Ауфӣ. Джӑмиʿ ал-ḥикӑйӑт ва лӑмиʿ ар-ривӑйӑт. Рукопись Ленинградского Гос. университета, № 648, лл. 158а—159а (текст главы о тюрках издан у В. В. Бартольда: Туркестан, I, Тексты. СПб., 1898, стр. 83—101).

и стран, например Исфахана (лл. 188б—189а),[1] Багдада (лл. 193а—194б),[2] Бадахшана (л. 195а),[3] Дамаска (лл. 203а—204а)[4] и др.

Однако наш автор не был простым компилятором; это можно показать на многих примерах. Ограничимся только одним: описание автором Хамадана (лл. 227б—228б) по существу представляет сокращенный пересказ данных об этом городе, заимствованных у Наджиба Хамадани,[5] но к ним сделано следующее дополнение: „Величие Хамадана в древности достигло крайнего предела; с тех пор, как счастливый атабек Пехлеван[6] (да будет над ним милость аллаха!) скончался, [Хамадан] стал приходить в упадок и ныне он находится в упадке. У Хамадана хорошо возделанные окрестности (савад), много округов, проточная вода; много приятных фруктов; никогда он не лишен образованных и ученых людей" (л. 228б).[7] Из этого видно, что автор не довольствовался заимствованными у своих предшественников сведениями, но дополнял их новыми, относящимися к его времени ценными наблюдениями, в данном случае об упадке Хамадана в конце XII—начале XIII в.

Есть в рукописи указание и на использование труда под названием „Фирдаус ал-хикме" („Райский сад мудрости"); автором его назван ʿАли Нурин (л. 174а). Здесь имеется в виду одноименное произведение Абу-л-Хасана ʿАли ибн Сахла Раббана ат-Табари (ум. около 241/855 г.), бывшего, согласно традиции, учителем известного Мухаммеда ибн Закарийа ар-Рази (ум. в 311/923-924 г.).[8] Что касается указанного в рукописи имени ʿАли Нурин, то это результат искажения переписчика.

Иногда автор называет источники довольно неопределенно, например: „Тарих-и султан Махмуд" („История султана Махмуда", л. 141б) или „Тарих-и мулук-и Андалус" („История царей Андалусии", л. 172а).

Под первым из указанных здесь произведений следует, повидимому, понимать известное сочинение Абу Наср

[1] Ср.: Наджиб Хамадани, ук. рук., лл. 86б—77а.
[2] Ср.: Наджиб Хамадани, ук. рук., лл. 80б—81а.
[3] Ср.: Наджиб Хамадани, ук. рук., л. 81б.
[4] Ср.: Наджиб Хамадани, ук. рук., л. 88а—88б.
[5] Ср.: Наджиб Хамадани, ук. рук., лл. 169а—169б.
[6] Имеется в виду атабек Азербайджана из династии Ильдегизидов Мухаммед Пехлеван Джахан (1172—1186).
[7] На этом обрывается описание Хамадана и текст всей рукописи.
[8] C. Brockelman. Geschichte der arabischen Literatur. Erster Supplementband, Leiden, 1936, стр. 414—415.

Мухаммеда ибн ʿАбд ал-Джаббара ал-ʿУтби (ум. 413/1022 г.) „Ал-Китаб ал-Йемини“ („Книга десницы державы“), посвященное истории султана Махмуда Газневи (388—421/998—1030). Какое сочинение скрывается под названием „История царей Андалусии“ — остается неясным.

Несомненно, автор был знаком с трудами Абу ʿАли ибн Сина (Авиценны), о чем свидетельствует его ссылка на последнего (л. 18б), но в какой степени и с какими именно трудами знаменитого ученого — выяснить не удалось.

Перечисленными здесь сочинениями далеко не исчерпываются использованные автором письменные источники, однако установить их бывает нелегко. Часто автор ограничивается простой ссылкой: „говорит такой-то“. Откуда взято называемое при этом лицо — из письменного источника, или это просто устный информатор нашего автора, — нередко остается неясным в тех случаях, когда называется совершенно не известное имя. Подобных случаев в рукописи очень много.

Но чаще автор вовсе не указывает источников; между тем многие приводимые им сведения безусловно восходят к письменным источникам. Например, содержащийся в рукописи рассказ о походе Исмаʿила I Саманида (279—295/892—907) против гузов и о дождевом камне (л. 150б) весьма близок к рассказу о том же событии у Ибн ал-Факиха в его сочинении „Китаб ахбар ал-булдан“ („Книга рассказов о странах“),[1] написанном в начале X в. Наш автор, несомненно, либо заимствовал свой рассказ у Ибн ал-Факиха, либо из одного общего с ним источника. Некоторые сведения автора о Дербенде, Тебризе и других городах также восходят к письменным источникам, что отмечается нами ниже. Однако далеко не всегда удается установить письменный источник многих сообщаемых автором сведений.

Устные источники. Значительное количество сведений, находящихся в рассматриваемом сочинении, были получены автором из устных рассказов. В этом легко убедиться хотя бы на следующем примере: будучи в 606/1209-1210 г. в плену в Грузии, автор (о чем он сам пишет) слышал от прибывшего к грузинскому царю эйюбидского посла рассказ

[1] Ибн ал-Факих. Китаб ахбар ал-булдан. Мешхедская рукопись. Фотокопия в Рукописном отделе Института востоковедения Академии Наук СССР, лл. 172а—173а. Перевод этого рассказа см.: Материалы по истории туркмен и Туркмении, I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 154—155.

о взятии Иерусалима Ṣалāḥ ад-дīном (в октябре 1187 г.) и об изгнании оттуда крестоносцев. Этот рассказ наш автор и приводит в своем труде (л. 107а).

Во время своего путешествия в Хиджаз в 613/1216-1217 г. автор расспрашивал тамошних жителей о диковинках Красного моря и вкратце сообщает их рассказы (л. 94б).

Личные наблюдения автора. Выше указывалось, что автор довольно много путешествовал и его личные наблюдения нашли, без сомнения, отражение в составленном им труде. Правда, их не всегда можно отделить от сведений, полученных из письменных источников или из устной информации. Однако думается, что описания ряда местностей, родников и городов Азербайджана и Армении, а также отчасти Грузии и Малой Азии в значительной мере основаны на личных наблюдениях автора; это касается и содержащегося в рукописи подробного описания Мекки. То же самое можно сказать и о некоторых других разделах труда автора.

Основанием для подобного вывода служат: во-первых, указания самого автора (они отчасти уже были приведены выше, когда говорилось об его путешествиях), во-вторых, несомненно оригинальный характер некоторых сведений, сообщаемых автором.

ПЛАН СОЧИНЕНИЯ

Ввиду дефектности рукописи невозможно представить с полной точностью план сочинения. В рукописи нет разделения на главы или отделы. Однако по своему содержанию и характеру сохранившаяся рукопись с полным основанием может быть разделена на две части.

Первая часть (лл. 87а—188а) представляет собрание рассказов о всякого рода диковинках (по-арабски ʿаджāʾиб); отсюда, несомненно, происходит название сочинения — „ʿАджāʾиб ад-дунйā“ („Диковинки мира“). Рассказы не имеют особых названий, только перед каждым стоит слово „еще“ (дīгар), которым они и отделяются друг от друга; иногда вместо „еще“ стоит слово „рассказ“ (ḥикāйат; лл. 174б—178а).

Вторая часть (лл. 188б—228б) заключает краткое описание городов и стран мира, данное в алфавитном порядке их названий.

Повидимому, других частей в сочинении не было, поскольку на них нет ссылок. Можно предполагать, что сочинение имело еще предисловие (или введение) и заключение.

СОДЕРЖАНИЕ СОЧИНЕНИЯ

Первый отдел. Рассказы, находящиеся в первом отделе, носят самый разнообразный характер. Здесь есть рассказы о диковинных деревьях и растениях, о необыкновенных животных и птицах, о различных родниках и горах и т. п. Здесь же мы встречаем и рассказы об отдельных народах, их нравах и обычаях, о различных сооружениях — храмах, мечетях и т. д. Наконец, имеются рассказы, повествующие о некоторых исторических событиях. Географический кругозор автора был достаточно широк: он сообщает о самых разных странах от Андалусии на западе (л. 87б) до Китая (Чӣн) на востоке (л. 8а) и от Руси на севере (л. 129а) до Индии (л. 88а), Йемена (л. 188а) и Египта (л. 96а) на юге.

Материал расположен без всякой последовательности и системы: сведения о деревьях и растениях перемежаются с рассказами о людях, с описаниями храмов и мечетей, и т. д.

Несомненно, рассказы в значительной своей части носят фантастический характер. Вместе с тем имеются и рассказы, содержащие описания совершенно реальных вещей и явлений.

В тогдашних представлениях в понятие „диковинок“ (ʿаджа̄ʾиб) входили и вполне реальные вещи (какое-нибудь выдающееся архитектурное сооружение прошлого или необыкновенное растение и т. д.) и самые фантастические (вроде легенд о живой воде, волшебстве и т. д.). Поэтому в сочинениях подобного рода реальные сведения, как правило, перемешаны с фантастическими рассказами. То же самое мы наблюдаем и в нашем сочинении.

Каким рассказом начинался первый отдел рассматриваемого сочинения — неизвестно, ввиду дефектности рукописи. В нашей рукописи первый рассказ (от предшествующего рассказа сохранилось только его окончание) начинается словами: „Муḥаммед Аййӯб говорит: «На берегу Китайского моря (дарйа̄й-и Чӣн) есть птица, ее называют Хӯша̄, она больше голубя»“ (л. 87а).

Последний рассказ этого отдела начинается словами: „В пределах Йемена нашли один перстень“ (л. 188а).

В первом отделе обращают на себя внимание: рассказ о взятии Иерусалима Ṣала̄ḥ ад-дӣном (Саладином) в 583/1187 г., записанный со слов участника этого события (л. 107а, л. 106а—106б), в основном совпадающий с известиями арабских исторических источников, довольно подробное описание

Мекки и в особенности Ка'бы, основанное на личных наблюдениях автора. Эти рассказы, как и некоторые другие, свидетельствует об умении автора точно изложить факты.

Второй отдел. Вторую часть сочинения автор начинает кратким предисловием или введением, где он пишет: „Этим последним рассказом (имеется в виду рассказ о перстне, найденном в Йемене) закончена книга «'Аджа'ӣб ад-дунйā». После этого я напомню об особенностях городов и товаров (в них производящихся). Хотя в этом отношении составили пространные книги, но подробностей всех дать не могли, ибо мир велик; каждый день что-нибудь делается и совершается какое-нибудь событие и такие проявляются диковинки, которых ни один разумный и способный (человек не поймет) и не допустит. Я довел в кратком изложении книгу до конца; о тех городах, которые известны по названию и от нас дальше, я сообщил раньше, кроме тех городов, где имелись какие-либо диковинки или откуда к нам привозят какие-либо товары.

„(Ниже) я упоминаю то, что мне известно и достоверно выяснено; названия городов приводятся в алфавитном порядке с помощью Аллаха всевышнего“ (л. 128б).

Из приведенных слов автора видно, что он знал богатую к тому времени географическую литературу, но не был удовлетворен имеющимися в ней сведениями. Правда сведения, приводимые самим автором, по своему объему далеко уступают данным, которые имеются в классических географических сочинениях более ранней эпохи (главным образом на арабском языке). Достаточно, например, отметить, что под первой буквой арабского алфавита — алифом — у нашего автора описано всего около 30 стран, областей и городов, тогда как у Йāḳӯта[1] под той же буквой несколько сот, правда включая в это число и описание очень мелких городов и даже отдельных деревень. Это объясняется тем, что наш автор считал главной частью сочинения первую, т. е. рассказы о разного рода диковинках, вторую же часть рассматривал только как своего рода приложение или дополнение к ней. Вместе с тем следует указать, что, несмотря на краткость и неполноту своих сведений, нашему автору удалось в ряде случаев пополнить новыми данными существовавшую до него географическую литературу.

---

[1] Jacut's geographisches Wörterbuch herausg. von Wüstenfeld, I—VI. Leipzig, 1866—1870. В дальнейшем цитируется: Йāḳӯт.

Это прежде всего относится к сведениям автора об Азербайджане и Армении; они занимают большое место в сочинении, особенно если учесть его общий объем и стремление автора охватить все страны и города известного тогда ему мира (конечно, в первую очередь мусульманского). Заслуживают внимания сведения автора о некоторых городах Ирана (особенно западного), Месопотамии, Сирии и Малой Азии. В сочинении есть данные о Восточной Европе, собственно о Руси (см. лл. 129а—129б, 206а—206б) и о булгарах (см. лл. 175а, 175б, 195а и др.), но они очень краткие и носят компилятивный характер. Имеется также довольно много в массе компилятивных сведений о городах и местностях Средней Азии.

Алфавитный порядок, принятый автором при изложении географических сведений о различных городах и странах, не проведен им последовательно до конца. Он соблюдается только в отношении первой буквы, остальные же буквы при распределении материала не принимаются во внимание. Например, описание Исфахана (л. 188б) дано ранее описания Искандерийэ (Александрии в Египте, л. 189б), описание Тифлиса (л. 198б) — ранее описания Тебриза (л. 199а), и т. д. Подобных примеров можно было бы привести множество.

Названия городов и стран, выписанные красными чернилами, в тексте частично опущены, но для них оставлено место. Нередко бывает весьма затруднительно с полной точностью восстановить эти опущенные названия городов и областей из-за слишком общего характера их описания.

Описания городов, как правило, даны кратко; известное исключение в этом отношении составляет описание таких городов, как Исфахан (л. 188б), Багдад (л. 193а), Тифлис (л. 198б), Тебриз (л. 199а), Дамаск (203а), Мекка (222а) и некоторых других. Рассказы автора об этих городах сравнительно подробны и нередко снабжены разного рода любопытными деталями.

При описании городов их долготы и широты не указываются, так же как и „климаты“, к которым они относятся. Обыкновенно сообщается только страна или область, где расположены тот или иной город или область. Например: „Āмуль и Сāрī — два города в Мазендеране“ (л. 192б); „Бухара — это город в Мавера'аннахре“ (л. 194б). Иногда местоположение города определяется по реке или морю, например: „Балх — это город на берегу Джейхуна“ (л. 195а).

При описании городов данные о различных знаменитых людях, происходивших из них, у автора совершенно отсут-

ствуют. Истории городов отводится довольно скромное место. Главное внимание автор обращает на общее состояние городов (размеры, населенность и т. д.), их укрепления, природные условия (климат, вода, растительность и т. д.), а также на производившиеся в городах товары.

Первым по порядку идет рассказ о городе Исфахане; он начинается словами: „Исфахан — это город приятный, климат хороший и благодатный, вода здоровая, люди — ремесленники (сāни') и знатные (бузург)" (л. 128б). Рассказом о каком городе заканчивалась рассматриваемая часть сочинения, мы не знаем из-за дефектности рукописи; в нашей рукописи последний рассказ посвящен описанию города Хамадана; окончание этого рассказа отсутствует,[1] начало его следующее: „Хамадан — это город большой в Ираке (персидском)" (л. 227б).

Чтобы дать представление об этой части сочинения, помещаем перевод тех его мест, которые относятся к Азербайджану (советскому и иранскому), Армении (советской и турецкой), а также отчасти к Грузии и Дагестану. Сведения об этих странах носят во многих случаях оригинальный характер и представляют несомненный интерес для нашей исторической науки.[2]

При переводе мы стремились, насколько это возможно, не нарушая норм русского языка, точно воспроизвести оригинал и особенности его стиля. Язык сочинения прост и лаконичен. Но иногда, вследствие излишней лаконичности стиля, а также небрежной переписки, перевод отдельных мест бывает затруднителен. Трудности встречаются и при передаче некоторых терминов, точнее, названий различных реалий; они вызываются, с одной стороны, еще недостаточным знанием нами многих реалий того времени, а с другой — отсутствием в русском языке адэкватных терминов. Поэтому при передаче тех или иных терминов на русский язык рядом с ним в скобках сохраняется их персидский эквивалент; многие же термины в интересах точности оставлены без перевода и к ним даны пояснения в примечаниях.

Названия многих городов и областей в тексте опущены переписчиком и могут быть восстановлены только с известной долей вероятности.

---

[1] Перевод последних сохранившихся в нашей рукописи строк из описания Хамадана был дан на стр. 189.

[2] См. фотокопии отдельных листов из рукописи „'Аджā'йб ад-дунйā" на стр. 214—219.

Вследствие всех этих причин оказалось необходимым снабдить перевод примечаниями. В них: 1) отмечаются непереведенные места и слова в тексте, слова, чтение которых вызывает сомнения и, наконец, случаи, когда в чтение текста вводится известный корректив; 2) даются краткие пояснения к терминам, оставленным без перевода;[1] 3) сообщаются краткие пояснения к географическим названиям и собственным именам, встречающимся в тексте; 4) делаются попытки восстановить опущенные в тексте географические названия.

При переводе изложение материала дается в той же последовательности, что и в рукописи, т. е. в порядке арабского алфавита. Так же как и в рукописи, при переводе названия городов и областей, помещенные под определенной буквенной рубрикой, начинаются на указанную в рубрике букву. Эта буква передается в русской транскрипции, рядом в скобках ставится ее арабское название.

ПЕРЕВОД

А (Алиф)

Ардебиль — это город большой; его сады не имеют плодов и (их) сюда привозят из других мест. В 613 (1216-1217) г. вследствие нападения[2] грузин (гурдж) ему построили высокую стену. Город древний (*л. 190а*); люди (Ардебиля) щедрые. Его товары: изящные черные парчевые ткани (джāмэ), деревянные изделия (алāт-и чӯбӣнэ), гребни (шā'нэ), ṭабаḳи,[3] кāсэ,[4] приятные сазы,[5] повозки (гардӯн) и добрые быки.

Говорят: в Ардебиле есть большой камень, если по нему ударяют рукой, получается приятный звук; во время, когда не идет дождь, тот камень выносят из города и тотчас же

---

[1] Приношу благодарность И. А. Орбели и Е. М. Пещеревой за оказанную помощь при установлении значений некоторых терминов.

[2] Слово „нападение" (худжӯм) в тексте читается предположительно. О нападении в те времена грузин на Ардебиль упоминают и другие источники, а именно грузинские, согласно которым поход грузин на Ардебиль имел место в 1210 г.: M. Brosset. Histoire de la Géorgie, p. I. St.-Pétersbourg, 1849, стр. 468—470; Житие Сефӣ ад-дӣна Ардебильского „Сафват-ас-Сафā". Рукопись Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина по каталогу Дорна № 300 (B. Dorn. Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliotheque Imperiale publique de St.-Pétersbourg, 1852).

[3] Ṭабаḳ — блюдо или большая чашка для употребления жидкой пищи.

[4] Кāсэ — большая чаша.

[5] Саз — струнный музыкальный инструмент.

идет[1] дождь, когда вновь (камень) приносят в город, дождь не идет (*л. 190б*).

...[2] Это два города в Азербайджане, близкие друг другу; много хорошей зелени, луга и пастбища; проточная вода (аб-и равāн); сады без числа. Это большая область (вилāйат); тюрки в большом количестве поселились в той стране; они — люди смелые.

Тамошние товары: нат̣ʿ,[3] подушки (бāлиш), орехи, сӣмāк̣,[4] мед, масло, фӯт̣э[5] (*л. 191а*).

...[6] Это два города также в Азербайджане.

Его товары: кафӣл[7] и хороший войлок в большом количестве (*л. 191а*).

...[8] столица (дāр ал-мулк) Армении; место укрепленное, большую крепость возвели из камня. Город населенный (ғалабэ), много базарных мест; там попадаются товары всего мира, (в том числе) лучшие из товаров Шāма (Сирии) и Рӯма (Малая Азия, Византия). Много садов. Тамошние яблоки больше

---

[1] Сведения о „диковинном камне", бывшем в Ардебиле, мы находим уже у автора X в. ал-Мукаддасӣ (Al-Mokaddasi. Descriptio Imperii Moslemici. Ed. M. J. de Goige. Lugdnuni Batavorum, 1872, BGA, III, стр. 380), а также у автора XI в. ал-Ғарнāтӣ (Abu Hamid al-Andalusi al-Garnati. Tuhfat al-Albab editè G. Ferrand. Journal Asiatique, juillet—septembre, Paris, 1925, стр. 82).

[2] Названия городов в тексте опущены, возможно, что речь идет о городах Урмии и Ушнуйэ (или Ушну), ныне в иранском Азербайджане, лежащих к западу от озера Урмии (ныне Ризаийэ). Ср.: Йāк̣ӯт, I, стр. 219, 284—285; Х. Қазвинӣ, XXIII, I, стр. 85—86.

[3] Нат̣ʿ — в данном случае, повидимому, кожаный коврик, служащий как скатерть или подстилка для игры в шашки и шахматы.

[4] Сӣмāк̣ — повидимому, в тексте ошибка, возможно, надо читать сумāк̣; сумāк̣ (сумах) — кожевенное или дубильное дерево (RH. Cariaria).

[5] Фӯт̣э — кусок материи, могущий служить поясом или чалмой; кусок ткани, которым опоясываются бедра в бане. Здесь, повидимому, фӯт̣э употреблен в первом значении. О термине фӯт̣э („фота") см. также: Афанасий Никитин. Хождение за три моря. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 12 и 37.

[6] Названия городов в тексте опущены, возможно, имеются в виду города Анāд и Арджāк ныне в иранском Азербайджане к юго-западу от горы Сабелāн или Анāд (у Йāк̣ӯта Анāр) и Ахер. Последний — также в иранском Азербайджане. (Ср.: Йāк̣ӯт, стр. 367, 409; Х. Қазвинӣ, XXIII, I, 83).

[7] Кафӣл — повидимому, в тексте ошибка, может быть надо читать кафал — попона.

[8] Название города в тексте опущено, судя по описанию и местоположению, речь может итти только о двух городах—Ахлāт̣е и Арджӣше, лежащих к северу от озера Ван (ныне турецкая Армения), но скорее всего об Ахлāте, так как Арджӣш никогда не был столицей Армении. (Ср.: Йāк̣ӯт, II, стр. 199, II, стр. 458; Х. Қазвинӣ, XXIII, I, стр. 100).

года остаются свежими. Много муṭрибов;[1] открытый разврат.[2] Мусульман и армян много, так что их нельзя различить; по этой причине все говорят на армянском языке.[3]

На краю города длинное озеро,[4] в нем рыба; самую мелкую из рыб вывозят во все (страны) мира.[5] Когда солнце вступает в созвездие Тельца, рыбы из озера рассеиваются; есть река;[6] она впадает в озеро с восточной стороны; рыбы подобно целой черной горе устремляются к той реке. (Люди) устроили (там) плотину и ловят рыбу; ежегодно (за это) они дают падишаху несколько тысяч динаров.[7]

Несколько других рек впадает в это озеро, (но рыба) не идет ни в какую другую реку, как только в эту восточную реку. Когда проходит сорок дней, рыба исчезает (*л. 191б*).

Арз̣-и Рӯм,[8] его называет также Ḳāлӣḳалā,[9] пишут в книгах Ḳāлӣкала; это город укрепленный, возведен из камня, сделан глубокий ров (х̮андаḳ). Он — пограничный (город) Рӯма. Область весьма возделанная и обильная благами. Говорят — она самая высокая во всем мире, по этой причине говорят, что она является источником (серчешмэ) Евфрата, Куры и Аракса, и (эти) три реки текут отсюда; вода по необходимости течет с высоты в низину. В окрестностях Арз̣-и Рӯма есть больше десяти тысяч источников; все они подобны зулāлу.[10] Воздух (Эрзерума) умеренный. Люди того города постоянно носят шубы (пӯстӣн). Разврат и распущенность открыты.

---

[1] Муṭриб — музыкант, танцор.

[2] Имеются в виду дома терпимости.

[3] Согласно Нāс̣ир-и Х̮усрау, автора XI в., в городе Ахлате говорили на трех языках — арабском, персидском и армянском (Nassiri Khosrau. Sefer Nameh. Relation du Voyage de Nassiri Khosrau. Publ., traduit et annotè par Ch. Schefer. Paris, 1881, стр. 6).

[4] То есть озеро Ван.

[5] О вывозе в другие страны особого сорта мелкой рыбы (ṭиррӣх), вылавливаемой в озере Ван, сообщает уже автор X в. Ибн Х̣ауḳал (Ibn Haukal. Viae et Regna. Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1873, BGA, II, стр. 248).

[6] Повидимому, имеется в виду река Бенд и Мах-и чай или Хошаб (Карасу).

[7] Ибн ал-Фаḳӣх, автор X в., сообщает, что еще в VIII в. омейядские правители Армении захватили в свои руки право на рыбную ловлю в Ванском озере (Ibn al-Fakih al-Hamadhani. Kitab al boldan. Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1885, BGA, V, стр. 292).

[8] Т. е. Эрзерум — город, ныне в турецкой Армении, обычное его название в арабоязычных и персоязычных источниках Арз̣-ар-Рӯм или Арзан-ар-Рӯм.

[9] Ḳāлӣкалā от Карин-Кала'к, армянского названия Эрзерума.

[10] Зулāл — холодная, прозрачная вода.

Его товары: бараны, мед, воск, сосновое дерево (дераχт-и ṣанаубер), добрые мечи (шамшӣр); однако с фруктами трудно.

В 603 (1206-1207) г. я достиг того места и поразился государству...[1] войску и великолепию владения, каким образом устроили в одном городе все это. Когда я был там, солнце находилось в середине (*букв.* в сердце) созвездия Льва; в этот сезон привозили в город каждый день сто χарвāров[2] фиалок (банафшэ). Не проходило недели, чтобы один-два раза не шел бы дождь. Говорят, зимой снег (здесь) в десять локтей и остается в течение семи месяцев (*л. 192а*).

Аррāн.[3] Благословенное место, полное благ: оно было зимним местопребыванием царей (*л. 192а*). В населенной части мира (нет) стольких построек (имāрет), как имеется в Аррāне. Ни в каком другом месте нет такого количества тюрок: говорят, там есть сто тысяч тюркских всадников.

Длина и ширина Аррāна приблизительно 30 на 40 фарсангов; говорят, длина Куры до (впадения) Аракса находится в пределах Аррāна.

Его товары: шелк, рис, бараны, быки и лошади в большом количестве (*л. 192б*).

Аланийэ.[4] Это город между Абхазом (Грузия) и Кыпчаком;[5] в нем много мусульман.

Его товары: рабы (ġулāм), девушки-рабыни (кенӣзек), и мерлушка (*л. 192б*).

Анджāн[6] суровая, трудно доступная местность; гора в пределах города; сильная крепость. В древности там жили в известном количестве христиане.

---

[1] Неразборчивое слово в тексте.

[2] Χарвāр — груз осла, служащий мерой веса (около 18 пудов).

[3] В тексте вместо Аррāн ошибочно стоит Азāн; Аррāн у средневековых арабоязычных и персоязычных авторов — название области между реками Курой и Араксом, составляющей ныне часть Азербайджанской ССР.

[4] Повидимому, речь идет о знаменитых Аланских воротах (Дарьяльское ущелье, через которые шел путь, связывавший Грузию с Северным Кавказом; под городом здесь имеется в виду какое-нибудь селение, лежавшее на этом пути. Ср.: Χудӯд ал-ʿĀлем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда, Л., 1930, лл. 8а, 38а; Hudūd al-ʿĀlam. Translated and explained by Minorsky, London, 1937, GMS, N. S., XI, стр. 401, 446).

[5] Қыпчāк (в тексте Қыфчāк) — степи, лежащие к северу от Черного, Азовского и Каспийского морей.

[6] Повидимому, в тексте ошибка. Может быть, вместо Анджан надо читать ابخاز Абχāз. Тогда речь идет о городе и крепости в районе города Куба (Азербайджанская ССР). Ср.: Hudūd al-ʿĀlam, GMS, N. S., XI, стр. 403, 404, 406—410.

Его товары: изящные ткани (джāмэ), платки (дастарчэ), хорошие покрывала (мӣзер), зӣлӯ,[1] хорошие чулки (джӯрāб) (*л. 192б*).

Арзенгāн[2] — это город приятный; в двух переходах (манзил) от Арэ̣-и Рӯма; много садов и фруктов, народ приятный; там попадаются все товары. (Город) имеет скверную почву, ежегодно там строят дома (*л. 193а*).

Б (ба)

Бāб ал-абвāб (Дербенд). Это город большой; вблизи него имеется триста шестьдесят ворот (дарвāзэ),[3] сто десять находится в руках мусульман и сто пятьдесят[4] у тюрок.

Его товары: бобёр, соболь, белка; рабы и очень красивые девушки-рабыни (*л. 196а*).

...[5] Это город в области Ширвāна на берегу моря. Всю ночь земля его горит, как огонь; ставят на нее котел и вода на земле его закипает.

Его товары: нефть черная, белая, зеленая(?) и соль (*л. 196а*).

...[6] Это город в Азербайджане, маленький, крайне мрачный; много проточной воды и мест, обильных источниками.

Его товары: птица м-ш-м-н(?) (*л. 196а*).

---

[1] Зӣлӯ — особый сорт ковра, палас.

[2] Ныне Эрзинджан — город в турецкой Армении.

[3] Имеется в виду известная Дербендская стена; сведения о 360 замках (у нашего автора — ворот) есть уже у автора X в. Ибн Хордāдбеха: Ibn Khordadhbeh. Kitab al-Masalik wa'l-mamalik. Lugduni Batavorum, 1889, BGA, VI, стр. 123.

[4] В тексте описка — вместо 150 ворот надо читать 250 ворот. Ибн ал-Фаḳӣх сообщает, что в его время 110 замков находились в руках мусульман, остальные же были в землях Сарӣр и Фӣлāн (средневековое название двух областей в Дагестане в районе Дербенда) (Ибн ал-Фаḳӣх, BGA, V, стр. 286—287). Наш автор повторяет, по существу, эти сведения, только с той разницей, что он указывает на тюрок как на хозяев части проходов в Дербендской стене. Эти последние данные он заимствовал у Наджӣба Хамадāнӣ (Наджӣб Хамадāнӣ, ук. рук., л. 78а); под тюрками понимаются здесь кыпчаки-половцы и хазары, о которых упоминают грузинские источники еще в XII в. (M. Brosset, ук. соч., стр. 396—397).

[5] Название города в тексте опущено. Судя по описанию, речь несомненно идет о Баку. Ср.: Йāḳӯт, I, стр. 477; Х. Ḳазвӣнӣ, XXIII, I, стр. 83.

[6] Название города в тексте опущено; возможно, речь идет о городе Берзендэ к северу от Ардебиля в иранском Азербайджане или о городе Бесева в районе Мераги (также в иранском Азербайджане); оба эти города ныне не существуют. Ср.: Йāḳӯт, I, стр. 562, 563, 626; Х. Ḳазвӣнӣ, XXIII, I, стр. 87, 90.

...[1] Это город в Армении; садов много, воздух подходящий; горы хорошие. Летом тюрки Азербайджана поселяются там, устраивают пастбища и дают (продукты?) тому городу.

Тамошние товары: рыба и вкусное приятное вино (шераб) (*л. 197а*).

...[2] Это благословенное место в пределах Азербайджана (*197а*); там есть мечеть, которую, говорят, построил Хизр, мир над ним; его люди гостеприимны (*л. 197б*).

Бардаʿа[3] — это город, древний и большой в центре Арран; много благ, проточная вода; леса и луга в большом количестве, приятные фрукты. Рядом с городом есть пастбище, которое называется Баг-и сафид (Белый сад). (Бардаʿа) есть местопребывание царей. Хорошее место охоты. В Бардаʿа есть мечеть, в которую неверные несколько раз бросали огонь, и она не сгорела.

Ее товары: қазз,[4] шелк и хорошие сладкие гранаты в большом количестве (*л. 197б*).

...[5] Это город, также относится к тому городу (т. е. Бардаʿа); был большой город.[6]

Во времена покойного султана Абу-Бекра[7] и государя, падишаха ислама, победоносного в мирских и религиозных делах[8] (город) весьма обстроился; там построили множество

---

[1] Название города в тексте опущено, возможно, что речь идет о городах Баргари (Бергри) или Битлисе (ныне турецкая Армения), однако, скорее всего, о Баргари: этот город находился вблизи озера Ван, славившегося рыбной ловлей; наш автор, перечисляя товары описываемого города, на первом месте ставит рыбу. Ср.: Х. Қазвини, XXIII, I, стр. 101.

[2] Название местности в тексте опущено; судя по указанию автора на связь описываемой местности с легендой о Хизре — это Баджарван — ныне не существующий город в северной части Мугана (советский Азербайджан). Ср.: Йақут, I, стр. 454; Х. Қазвини, XXIII, I, стр. 90.

[3] Ныне развалины на реке Тертер, недалеко от впадения ее в Куру вблизи селения Бардаʿа (Азербайджанская ССР).

[4] Қазз — шелк-сырец, шелковые очесы, шелковое сырье второго сорта.

[5] Название города в тексте опущено; судя по описанию, речь идет об известном городе Байлакане (ныне не существует), находившемся недалеко от места слияния реки Аракса с Курой (Азербайджанская ССР). Ср.: Йақут, I, стр. 797—798; Х. Қазвини, XXIII, I, стр. 91.

[6] В тексте: شهر يست هم از در آن شهر شهری معظم بود

[7] Абу-Бекр (587—607/1191—1210) — атабек Азербайджана из династии Ильдегизидов.

[8] Имеется в виду атабек Азербайджана Музаффар ад-дин Узбек (607—622/1210—1225).

дворцов (каср) и кӯшков.[1] В древности в этом городе не было воды и по этой причине люди того города страдали; несколько (*л. 197б*) протоков (джӯй) текут туда из Аракса. Рассказывали, что тот город приобрел блеск от их (Абӯ-Бекра и Узбека?) благословенных действий(*букв.* благословенных стоп — қудӯм). Построили множество зданий, и вельможи (бузургӑн) там поселились. В нем (городе) обилие благ и большое количество базарных мест.

Его товары: қазз-кашӣдэ,[2] хорошие гранаты, виноград, апельсины (? наранҗ); много куропаток, фазанов и рыбы. Тамошние товары, (товары) Ширвана и Дербенда — все там в изобилии.

Зимой воздух там подобен райскому: не холодный и не жаркий. (Город) постоянно был местопребыванием царей (*л. 198а*).

Т (та)

Тифлис — это город большой, укрепленный, расположенный в трудно доступном ущелье. (Через) реку,[3] которая проходит по середине города, построили большой мост в один пролет, возле моста устроили много базарных мест.[4] Хорошо устроенная крепость против города, в крепости построили дворцы царей, много сторожевых вышек (манзар). Река проходит мимо самой крепости, так что все, что сыплют и бросают из маленьких ворот (*л. 198б*), падает в реку. Тифлис относится к Аррӑну; (им) владели мусульмане; ныне уже около ста десяти лет, как (им) владеют грузины (гурдж).[5] Население его — мусульмане, ревностные единобожники в религии и дружественные к иноземцам (ғарӣбдӯст); много мечетей, и призывают к намазу хорошо. Построили много мельниц (асиӑ)

---

[1] Кӯшк, или кешк, — первоначально укрепленная усадьба знатного человека; впоследствии — дворец, загородный дом, павильон. Здесь, видимо, термин „кушк" употреблен в последних двух значениях.

[2] Қазз-кашӣдэ — вышитая шелком ткань(?).

[3] Имеется в виду река Кура.

[4] В тексте: پلی عظیم کرده اند یک چشمه و بر پل و بازارگاه غلبه ساخته Наличие вава между словами „пул" и „базаргах" совершенно не оправдано, и при переводе мы его опускаем.

[5] Тифлис был занят грузинами в 1121 г. (M. Brosset, ук. соч., стр. 365—367; Ibn al-Athiri. Chronicon quod Perfectissimum inscribitur, X, ed. C. J. Tornberg. Lugduni Batavorum, 1864, стр. 398—399).

и (их) держат на реке, прикрепив цепями.[1] Дӯлӑбы[2] и множество садов, обильных благами. В нем 65 бань (гермӑбэ); вода всех (бань) горячая без огня; сотворил (ее такой) всевышний бог; там не дают платы (музд) за баню. (В Тифлисе) женщины носят шапочки (кулӑх), сидят перед лавками и не закрывают лица, кроме мусульманок.

Тамошние товары: седла, уздечки, колчаны (кӣш), футляры для луков (кирбӑн), инкрустированные слоновой костью; мед, расписные сладости, воск, много гранатов; бобёр, выдра,[3] рабы, девушки-рабыни; стекло (шӣшэ), пиалы, хорошие хрустальные изделия (алат-и ӑбгӣнэ) (*л. 199а*).

Тебриз — это город большой, расположенный в Азербайджане. Зубейдэ-ҳӑтӯн, жена Хӑрӯна ар-Рашӣда,[4] (его) построила. В 161 (777-778) г.[5] он был разрушен землетрясением. Амир Хастӯн ибн Муҳаммед ал-Вӑдӣ[6] (*л. 199а*) (его) заселил (ӑбадӑн кард). Абӯ Ṭӑхир Ширӑзӣ Мунаджджим предсказал, что в такой-то день, когда пройдет время последней вечерней молитвы (намӑз-и ҳуфтан), Тебриз перевернется. Амир Хастӯн объявил, чтобы все из города ушли и наблюдали на горе Сурхаб. Затем между заходом солнца (шӑм) и последней вечерней молитвой (ҳуфтан), поднялось землетрясение, и город мгновенно опрокинулся.[7] В 434 (1042-1043) г. Хастӯн тому же Абӯ Ṭӑхиру приказал, чтобы выбрали час (для строительства города), и он установил это строительство,

---

[1] Повидимому, имеются в виду так называемые пловучие мельницы, устроенные на плотах, о существовании которых в Грузии на реке Куре упоминает уже автор X в. Ибн Ҳаукал (BGA, II, стр. 242—243).

[2] Дӯлӑб — водоподъемное колесо, употребляемое для орошения полей и садов.

[3] В тексте буквально „водяная собака" (сег-и абӣ).

[4] Хӑрӯн ар-Рашӣд (170—193/786—809) халиф из династии Аббасидов (132—656/750—1258). Согласно Ҳамдӑллаху Қазвӣнӣ, Тебриз был основан в 175/791-792 г. (XXIII, I, стр. 75).

[5] Эта дата ошибочна: сам автор связывает постройку Тебриза с Хӑрӯном ар-Рашӣдом, который вступил на престол в 170 г. х. Следовательно, разрушение города землетрясением могло иметь место только после этой даты. Упоминаемое источниками первое крупное землетрясение, разрушившее Тебриз, произошло в 244/858-859 г. (Ҳ. Қазвӣнӣ, XXIII, I, стр. 75).

[6] Амир Хастӯн ибн Муҳаммед ал-Вӑдӣ — несомненно искаженное переписчиком имя владетеля Тебриза из династии Раввадидов Абӯ Манṣӯра Вахсӯдана ибн Мамлӯна ал-Аздӣ (420—450/1029—1058), при котором и произошло упоминаемое нашим автором землетрясение, разрушившее Тебриз.

[7] Согласно Нӑṣир-и Ҳусрау, землетрясение в Тебризе произошло 17 рабӣ' I 434/5 декабря 1042 г. (Нӑṣир-и Ҳусрау, ук. соч., стр. 6). Согласно Ҳ. Қазвӣнӣ — 14 сафара 434/4 октября 1042 г. (XXIII, I, стр. 75).

которое есть счастливое, — под знаком Скорпиона. Абӯ Ṭāхир сказал: „Невозможно, чтобы снова (Тебриз) разрушился землетрясением, однако относительно (разрушения) от наводнения (сейл) я не обещаю".[1] Тебриз в августейшее время Ильдегиза[2] приобрел полное величие и сделался столицей (дāр ал-мулк); в нем поселились иноземцы (со всего) мира. Нет ремесла (санāʿат), которое не практиковали бы в Тебризе. Его постройки изо дня в день увеличиваются.

Его товары: атлас, хорошие қабā,[3] золотом тканая китайская парча (дӣбā-и ҳиṭāӣ), наҳ,[4] кӣмхā,[5] ҳазз[6] ...,[7] покрывала (шаʿр), золотом шитые,[8] печати (мухр), орнаментированные резчиками, переплеты (джилд).

В городе и области (вилāйат) много садов, приятные плоды. Ученые и отшельники в нем (Тебризе) в большом числе; места паломничества благоуханные и испытанные (*л. 199б*).

Х (ха)

...[9] Это область (вилāйат), трудно доступная, среди гор и лесов; принадлежит к округам (аʿмāл) Аррāна; там есть армяне; люди Абхаза (Грузии) называют их падишаха тагавер,[10] они устраивают мятежи с абхазами (абҳазāн) (*л. 202б*). Они имеют сильную крепость. Государь[11] падишах ислама

[1] Рассказ нашего автора о землетрясении в Тебризе в 1042 г. и о последующем восстановлении города очень сходен (иногда почти дословно) с изложением этих событий у Х. Қазвӣнӣ; последний заимствовал свои сведения из не дошедшего до нас сочинения кадия Рукн ад-дӣна Ҳувайӣи(?) под названием „Маджмаʿ арбāб ал-мулк". Повидимому, это же сочинение послужило источником и для нашего автора (XXIII, I, стр. 75).

[2] Ильдегиз — Шемс ад-дӣн Ильдегиз (531—568/1136—1174), первый атабек Азербайджана из династии Ильдегизидов.

[3] Қабā — род кафтана, длинная мужская одежда.

[4] Наҳ—особый сорт ковров; нитки. Здесь, повидимому, термин „наҳ" употреблен в первом значении.

[5] Кӣмхā — сорт шелковой ткани (русская „камка").

[6] Ҳазз — сорт шелковой ткани.

[7] Неразборчивое место в тексте.

[8] Шаʿр — также означает название особого сорта шелковой ткани.

[9] Название области в тексте опущено. Повидимому, речь идет о Хачене (или Арцахе) — самостоятельном армянском княжестве, возникшем в Аррāне в бассейне реки Хачен-чай и отчасти реки Тертер в середине XII в. и просуществовавшем до середины XIII в. (И. А. Орбели. Хасан Джелал князь Хаченский. СПб., 1909).

[10] Тагавер (армянское тагавор — „венценосец", „царь"—заимствовано из персидского языка) — довольно обычное наименование у мусульманских авторов восточных христианских государей вплоть до византийских императоров включительно.

[11] Судя по времени и месту, Музаффар ад-дӣн Узбек, атабек Азербайджана из династии Ильдегизидов.

победоносный в мирских и религиозных делах в 611 (1214-1215) г. совершил поход в середину ущелья (дарэ); его войска одержали победу и произвели всеобщую резню; они привезли рабов и богатую военную добычу (ганимат) и сожгли все дома и жилища тех многобожников; (так) проявилось полное величие (падишаха).

Тамошние товары: приятные вина, ароматные яблоки, виноград и сладкие гранаты (*л. 203а*).

Д (даль)

...[1] Это город маленький в Азербайджане; много садов, проточная вода.

Его товары: миндаль и фрукты в большом количестве (*л. 205а*).

С (син)

Сурмари.[2] Это город на границе Армении, расположенный на высоком склоне на берегу реки Аракса; в тех странах нет укрепленнее места: вне города находятся здания, базар и дома; он является местопребыванием тюрок; там всегда обилие благ. Население его мусульмане, мужественные и смелые, бойцы за веру (гази). Кругом города все держат тюрки.

Его товары: превосходные быстрые кони, седла, колчаны, оружие,[3] молитвенные коврики (седжадэ), хорошие цветные попоны (кафал-пуш), бараны, быки, масло, мед, приятное вино (шераб). Тамошние люди пьют вино, красятся хной,[4] однако выполняют намаз (*л. 209а*).

Сарир[5] — это область (вилайат) между Абхазом (Грузией), Кыпчаком, Ширваном и Дербендом; область большая,

---

[1] Название города в тексте опущено, возможно, что речь идет о городе Деххаракане к югу от Тебриза (ныне иранский Азербайджан). Ср.: Йакут, II, стр. 636; Х. Казвини, XXIII, I, стр. 87.

[2] Другие формы этого названия — Сулмари и Сурбмари, позднее Сурмалу, — маленький город, ныне в турецкой Армении. О Сурмари см.: Йакут, III, стр. 182.

[3] В тексте стоит استخوان كارد. Возможно, имеется в виду секира. Ср.: F. Wolff. Glossar zu Firdosis Schahname. Berlin, 1935, стр. 60.

[4] Слово خضاب („крашение рук и волос хной") в тексте не имеет диакритических точек.

[5] Сарир — название у арабоязычных и персоязычных авторов области в Дагестане (по течению реки Койсу), бывшей в период раннего средне-

очень возделанная, трудно доступная, с большим количеством населения; люди (ее) грубые, среди них нет ученых и знания, однако они прямые; если какой-нибудь ученый туда прибудет (*л. 209б*), они ему хорошо услужают. Их падишах древнего рода и щедрый. Там есть престол (таχтгāх),[1] корона (тāдж) и показывающий мир кубок (джāм) Кей Χусрау.[2] Есть обычай, что в день Нового года (падишах) идет туда, где находится престол, садится на него, дает обещания, заключает договоры, приносит обеты и (затем) возвращается; престол сделан таким образом, что каждый, кто там что-либо возьмет, не найдет пути для выхода.

Его товары: бараны, кожи, бобёр, рабы, девушки-рабыни и ...[3] (*л. 210а*).

Салмас и Хой[4] — два города в пределах Азербайджана; много садов, зелени; проточная вода; большое количество приятных плодов; тамошние абрикосы и маусул[5] приносят для подарков вельможам.

Товары Хоя: парча (дӣбā), одежда (кисвет) из тонкого полотна (карбāс), хорошие фӯṛэ, хорошая медная посуда (*л. 210б*).

Серах[6] — это город в Азербайджане, полный благами, бесподобная проточная вода, приятные источники; воздух очень тяжелый.

Его товары: бобы (бāқиллā) белые, хорошие, большие, однако люди его (Сераха) весьма наглые и ...[7] (*л. 210б*).

Салсуруд(?)[8] — это маленький город в Азербайджане.

Его товары: мед и жирные бараны (*л. 211а*).

вековья самостоятельным владением. О Сарире см.: Йāқӯт, III, стр. 8; Χудӯд ал-ʿĀлем, лл. 33а—38б.

[1] О престоле правителя Сарира сообщают уже авторы X в. Ибн Руста (Ibn Rosteh. Kitab al-A'lak an-nafisa. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1892, BGA, VII, стр. 147), Истāхрӣ (Al Istakhri. Viae Regnorum. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1870, BGA, I, стр. 223) и „Χудӯд ал-ʿĀлем", л. 38б и др.

[2] Согласно легенде, кубок Кей Χусрау обладал волшебным свойством показывать все происходящее в мире.

[3] Неразборчивое место в тексте.

[4] Салмас и Хой, существующие и ныне города в иранском Азербайджане.

[5] Маусул — название сорта абрикосов, см.: Йāқӯт, I, стр. 822.

[6] Серах — ныне Сераб или Серав, город в иранском Азербайджане.

[7] Неясное слово в тексте.

[8] „Салсуруд" в тексте написано неясно. Чтение предположительное. Салсуруд, согласно Х. Қазвӣнӣ (XXIII, I, стр. 79), — большое селение в Тебризском округе, равное по величине маленькому городу.

Ш (шин)

Ширван[1] — это область, населенная на берегу моря,[2] имеет узкую площадь; Нӯшӣрвāн[3] справедливый (ее) благоустроил. Жители его (Ширвана) жадные (*букв.* с узкими глазами) и не надежные; они носят черные кулāхи.

Тамошние товары: девушки-рабыни, тюркские рабы, бараны, рыба и много черной нефти (*л. 211б*).

Шемаха[4] — это город в Арāне; жители в делах веры весьма ревностные; очень укрепленное место (*л. 211б*).

Шиз[5] — это был город между Мерагой и Зенджаном, (им) владели гебры: ныне (от него) остался только след (*212а*).[6]

Шаберан[7] — эта область населенная, между Ширваном и Тифлисом, полная благами. Его товары: большое количество шелка (*л. 212а*).

Шамкур[8] и ...[9] — два города вблизи Ганджи (*букв.* на горизонте Ганджи); да сохранит (их?) Аллах всевышний! Там есть инжир, гранаты, дыни, салат (кāхӯ), хорошие глиняные кувшины (кӯзэ), добрые ножи (*л. 212б*).

К (каф)

...[10] Это область (вилāйат), трудно доступная, в горах и лесах, имеет много крепостей; неверные владели (ею). Атабек

---

[1] Ширван — название области, занимавшей в средние века северо-восточную часть советского Азербайджана.

[2] Имеется в виду Каспийское море.

[3] Нӯшӣрвāн — Хосрой I Ануширван (537—579), персидский царь из династии Сасанидов (224—651).

[4] Шемаха — ныне районный центр Азербайджанской ССР.

[5] Шиз — город в иранском Азербайджане, где находился главный зороастрийский храм; разрушен нашествием арабов в VII в., его развалины известны под названием „Тахт-и Сулеймāн". Сведения о Шизе заимствованы автором у Наджӣба Ҳамадāнӣ (Наджӣб Хамадāнӣ, ук. рук., л. 94а). О Шизе см. еще: Йāқӯт, III, стр. 353 и сл.

[6] Опускаем рассказ о золотом троне Кей Ҳусрау, находящемся в Шизе и погибшем при завоевании города арабами.

[7] Шаберан — первоначально было название главного города в Ширване к северо-западу от Шемахи (Азербайджанская ССР).

[8] Шамкур — ныне Шамхор, районный центр в Азербайджанской ССР.

[9] Название второго указанного здесь города не удалось установить.

[10] Название области в тексте опущено. Повидимому, речь идет об округе и городе Капане, у арабоязычных и персоязычных авторов — Каббан (ныне Кафан — районный центр в Азербайджанской ССР, севернее г. Ордубада). Капан составлял одну из областей армянского царства Сюник в Карабаге, завоеванного в 50—60-х годах XII в. войсками атабека Ильдегиза. О Капане в XII—XIII вв. см.: Йāқӯт, IV, стр. 26; St. Orbelian. Histoire de la Siounie. Traduite de l'armenien par Brosset, 1-r livraison, St.-Petersbourg, 1844, стр. 191.

Ильдегиз[1] захватил (ее) и совершенно уничтожил неверных (*л. 219а*).

...[2] Это город на берегу Аракса, имеет сильную крепость, стена возведена из камня. Несколько лет неверные осаждали то место и захватили с большим трудом.

Его товары: седла, колчаны, инкрустированные слоновой костью, шерстяные изделия (ālат-и пашмīнэ), попоны, чепраки (джул), бараны, мед (*л. 219б*).

...[3] Это город в Армении; климат имеет умеренный и и приятный; пастбища хорошие; народ приятный. Летом является местопребыванием тюрок. Аллах самый знающий и самый мудрый! (*л. 219б*).

Г (гаф)

...[4] Это город большой, в Арранe и (его) столица (дāр ал-мулк), имеет укрепление и сильную крепость; населенный и цветущий (город); высокая стена и глубокий ров. Сельская округа (савāд) хорошая, зелень, много проточной воды. Его люди способные и остроумные. Много садов и больших деревьев; много приятных фруктов (*л. 220б*), как то: виноград, гранаты, инжир, дыни, бобы и тут.

Его товары: атлас, парча (дīбā), хлопок, қазз-кашīдэ, шелк.

Оружие сюда привозят со всех концов мира по той причине, что он (город) хорош. Его молодые люди храбрые стрелки из лука и бойцы за веру; они хорошо тянут луки и обстругивают стрелы. Бóльшая часть молодых людей носит на голове бетлэ, т. е. войлочную шапку (кулах) (*л. 221а*).

---

[1] Атабек Азербайджана Шемс ад-дин Ильдегиз.

[2] Название города в тексте опущено; возможно речь идет о городе Карсе (хотя в этом случае местоположение его на р. Аракс указано не точно), который грузины осаждали в 603/1206-1207 г. Ср.: Йāқӯт, IV, стр. 54; M. Brosset, ук. соч., стр. 365—367; Ибн-ал-Асйр, XII, ук. соч., стр. 169; Х. Қазвīнī, XXIII, I, стр. 94—95.

[3] Название города в тексте опущено, может быть речь идет о местности и крепости Қал'а, лежащей, согласно Истахрī, в 12 фарсахах восточнее Тифлиса, или, согласно Худӯд ал-'алем, между Арменией и Арранoм (Истаҳрī, BGA, I, стр. 193; Худӯд ал-'ālем, л. 33а).

[4] Название города в тексте опущено. Речь идет о городе Гандже, ныне Кировабаде в Азербайджанской ССР. Ср.: Йāқӯт, II, стр. 132; Х. Казвīни, XXIII, I, стр. 92—93.

М (мим)

...[1] Это город в Армении, укрепленный; крепость возведена из камня, трудно доступное место; сельская округа (савād) очень каменистая (225а).

...[2] Это область (вилāйат) обильная, в Армении (*л. 225а*).[3] Ее товары: зīлӯ, ṭабаḳи, цветные деревянные кāсэ (*л. 225а*).

Н (нун)

Нахчеван[4] — это город в Азербайджане, большой и населенный, расположен на высоком месте, очень укрепленный. (Там) построили много дворцов (сарай), кушков и айванов,[5] около города построили крепость из камня; и в крепости построили медресе и мечети; в крепости есть приятный источник. Говорят, на земле нет города населеннее, чем этот; все постройки сделаны из алебастра (гедж) и жженого кирпича. Бóльшая часть кушков в три и в четыре этажа (ṭабаḳэ) подобно крепостям. Сельская округа города (савād) хороша; проточная вода; садов и зелени много. Река Аракс проходит в пределах города. Плоды — приятные; говорят: во всем мире нет лучше и полезнее винограда, чем в Нахчеване.

В августейшее время Ильдегиза (*л. 226б*) (Нахчеван) получил полное величие. Там сделали царскую резиденцию (дāр ал-мулк) и (построили) правительственные здания (давлат ẖāнэ). (Однажды) передняя нога его (Ильдегиза) коня попала

---

[1] Название города в тексте опущено, возможно речь идет о городе Муше в турецкой Армении, о котором автор в первой части своего сочинения писал: „В Армении есть город, его называют Муш; население того города одну половину составляют мусульмане, другую неверные, и они очень красивы“ (л. 179а). О Муше см.: Йāḳӯт, IV, стр. 682; Ḫ. Казвīнī, XXIII, I, стр. 106.

[2] Название области в тексте опущено, но оно легко восстанавливается благодаря приводимому автором рассказу о пленении там византийского императора Романа Диогена. Речь идет об области и городе Мелазджирде (армянское название Манзикерт, греческое Манзикерт) к северу от Ахлата на левом берегу восточного рукава Евфрата (ныне турецкая Армения).

[3] Опускаем рассказ о взятии в плен сельджукским султаном Алп-Арсланом (455—465/1063—1072) в 1071 г. византийского императора Романа IV Диогена (1067—1071).

[4] Ныне столица Нахичеванской АССР, Нахичеван на р. Аракс.

[5] Айван — крытая галлерея, портик, терраса, балкон; в данном случае, вероятно, постройка дворцового типа с открытой фасадной частью в виде галлереи.

в какую-то дыру; он (Ильдегиз) счел это за счастливое предзнаменование и сказал: „Здесь я построю дом" (ḫānə), и сделал так.

Люди его (Нахчевана) приятные по характеру и красивые; суннитского и шиитского толков; они бойцы за веру (ġāzī), храбры, стрелки из лука и гостеприимны к чужеземцам; язык (их) приятный, нахчеванцы могут говорить на всех языках, а на их языке никто не может разговаривать.[1]

Его (Нахчевана) товары: китайские ткани (джāмə-и ḫитāй), хорошо сработанные (?),[2] тонкие покрывала (шаʿр-и нафīс), войлок, чӯḳā (?),[3] фӯṭə, кāсə, ṭабаḳчэ[4] деревянные, раскрашенные, очень хорошие, так что их по всему миру развозят в качестве подарков. Товары армянские и румские там (в Нахчеване) попадаются. Добрые ремесла (ṣанʿатха-и ḫӯб) (здесь) знают и живут с удобствами.

Говорят, подобного нахчеванскому кладбищу нигде нет кладбища; там лягушки поют на деревьях и это одна из диковинок. В деревне и городе нет стольких зданий, как на нахчеванском кладбище: мечети, медресе, мавзолеи и множество садов и в них поселились сторожа (*л. 227а*).

Приведенные сведения о городах и местностях Азербайджана, Армении, Грузии и Дагестана позволяют выяснить значение рассматриваемой части сочинения как источника по исторической географии названных стран.

Обращает внимание в ряде случаев краткость сведений о некоторых городах. Например о Баку, Шемахе и др. сказано всего одна-две фразы, не содержащих иногда почти ничего нового, что не было бы уже известно из других источников.

Отсутствуют сведения о ряде городов. Например, из грузинских городов говорится только о Тифлисе (Тбилиси). Вовсе нет сведений о таком крупном городе, как Мерага в южном Азербайджане, и о таких знаменитых средневековых городах Армении, как Ани и Двин (Дабиль мусульманских авторов). Возможно, эти недостатки в отдельных слу-

---

[1] Повидимому, имеется в виду существование в Нахичеване особого диалекта.

[2] В тексте стоит كار بناهای خوب — букв. „сделанный на хорошей основе".

[3] Чӯḳā — повидимому, имеется в виду „чуха" — название верхней мужской кавказской одежды.

[4] Ṭабаḳчэ — маленькая чаша, блюдо.

чаях произошли не по вине автора, а по вине переписчика. Как уже отмечалось, многие географические названия в тексте опущены; некоторые города описаны так кратко и общо, что пока невозможно не только восстановить опущенные названия, но даже сколько-нибудь точно их локализовать. Не исключено, что среди них есть и некоторые азербайджанские, армянские и грузинские города, которые мы пропустили при переводе. Мы отнесли к Азербайджану, Армении, Грузии и Дагестану только те города и местности, в описании которых имелись прямые или достаточно веские косвенные указания на этот счет. Может быть, дальнейшая работа над рукописью (или обнаружение лучшего списка этого сочинения) позволит установить принадлежность еще некоторых городов к перечисленным выше странам. Однако вряд ли их окажется много; для этого объем сочинения в целом слишком невелик. Есть еще один недостаток, который следует отметить, относящийся уже не к сочинению, а целиком к переписчику его. При пропуске переписчиком названия трудно бывает во многих случаях точно установить, о каких именно городах Азербайджана или Армении идет речь, из-за слишком краткого и общего характера приводимых о них сведений. Примечания, сделанные к помещенному выше переводу, говорят об этом достаточно ясно.

Несмотря на все указанные недостатки, значение рассматриваемой части сочинения как источника по исторической географии велико. Едва ли будет преувеличением считать, что эта часть сочинения, наряду со знаменитым географическим словарем Йāқӯта, может явиться для Азербайджана и Армении важнейшим источником по их исторической географии конца XII — начала XIII в. Особенно ценны содержащиеся в ней данные экономического характера. Правда, сведения автора по экономике, подобно большинству его предшественников, по существу сводятся к перечню товаров и продуктов, производящихся в описываемых городах. Для Азербайджана и Армении автор дает довольно полную сводку таких данных, и они позволяют в известной степени судить о характере, а отчасти и уровне техники, ремесла, торговли, сельского хозяйства этих стран в конце XII — начале XIII в.

Среди товаров, производившихся в Азербайджане и Армении, сравнительно большое место занимала деревянная посуда высокого качества, шедшая даже на экспорт. Например, о деревянной посуде, изготовлявшейся в Нахичевани, говорится, что она вывозилась во все страны. Такого рода све-

дения, насколько известно, для XII—XIII вв. в других источниках не встречаются.

Очень ценными являются описания некоторых городов, в частности Ахлата, Эрзерума, Тифлиса, Тебриза и Нахичевана. По своей полноте они не уступают, а в некоторых случаях и превосходят (например в отношении Байлакана, Сурмари и Нахичевана) данные, содержащиеся в других источниках, в том числе и в словаре Йāқӯта. Весьма интересно свидетельство автора о высоком уровне развития в этих городах ремесла и торговли в начале XIII в.

Заслуживают внимания также сведения автора о большом строительстве, происходившем в ряде городов в XII — начале XIII в., например в Байлакане и Нахичеване. Следует особо выделить указание автора на строительство в Нахичеване дворцов-замков из жженого кирпича и алебастра высотой в 3—4 этажа. Такого рода сведений нет ни в одном известном нам источнике.

Не лишены интереса (особенно учитывая, что речь идет о начале XIII в.) указания автора на большую близость, несмотря на конфессиональные различия, между мусульманским и христианским населением Азербайджана и Армении. Сказывалась она в быте, культуре и языке. Особенно ярко она проявлялась в городе Ахлате, где, по словам автора, мусульман нельзя было отличить от христиан (в данном случае армян), видимо одевавшихся одинаково и не носивших опознавательных знаков, и где все жители говорили по-армянски.

Факт этот тем более интересен, если принять во внимание, что такое сближение встречало противодействие со стороны представителей господствующего класса феодалов и в первую очередь со стороны мусульманского и христианского духовенства, заинтересованных в существовании конфессиональной розни среди населения. Повидимому, отражением этой борьбы духовенства против сближения мусульман и христиан явился краткий, но достаточно определенный по своей направленности рассказ о городе Муше, приводимый автором в первой части своего труда (см. л. 179а).

Имеют значение и некоторые приводимые автором сведения чисто исторического характера. Рассказывая об Ардебиле, автор сообщает о постройке городских стен в 613/1216-1217 г. для обороны города от внешних врагов. Этих сведений нет в известных нам источниках, между тем сообщаемый автором факт представляет весьма существенный эпизод в истории одного из крупнейших городов средневекового Азербай-

джана, тем более важный, что он проливает дополнительный свет на историю взаимоотношений Грузии с феодальными правителями Азербайджана в начале XIII в.

При описании города Абхар автор рассказывает о произошедшей под его стенами битве между ильдегизидом Узбеком и ʿАлӣ-шāхом, сыном хорезмшаха Текеша, в 602/1205-1206 г., закончившейся поражением и гибелью последнего. Насколько нам известно, другие современные источники ничего не сообщают об этом сражении, имевшем немаловажное значение в истории Азербайджана.

По словам автора, атабек Азербайджана Музаффар ад-дӣн Узбек в 611/1214-1215 г. совершил поход на армянское княжество Хачен в Карабаге и сильно разграбил его. Об этом походе нет сведений в армянских, персидских и арабских источниках, между тем это событие представляет интерес, учитывая большую роль в истории средневековой Армении княжества Хачен.

Таковы наиболее ценные факты для истории Азербайджана, Армении, Грузии и Дагестана.

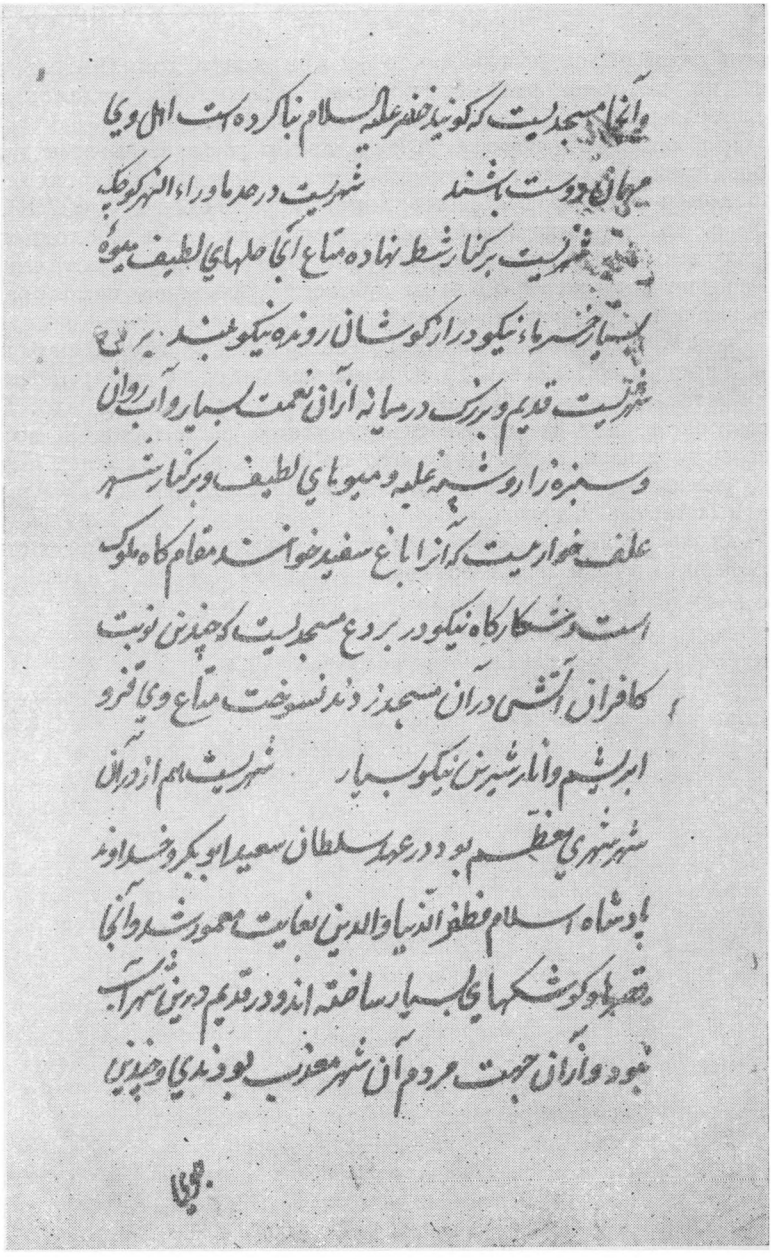


Рис. 1. Описание города Барда'а и города Байлакана (начало), л. 197б. Перевод см. на стр. 201.

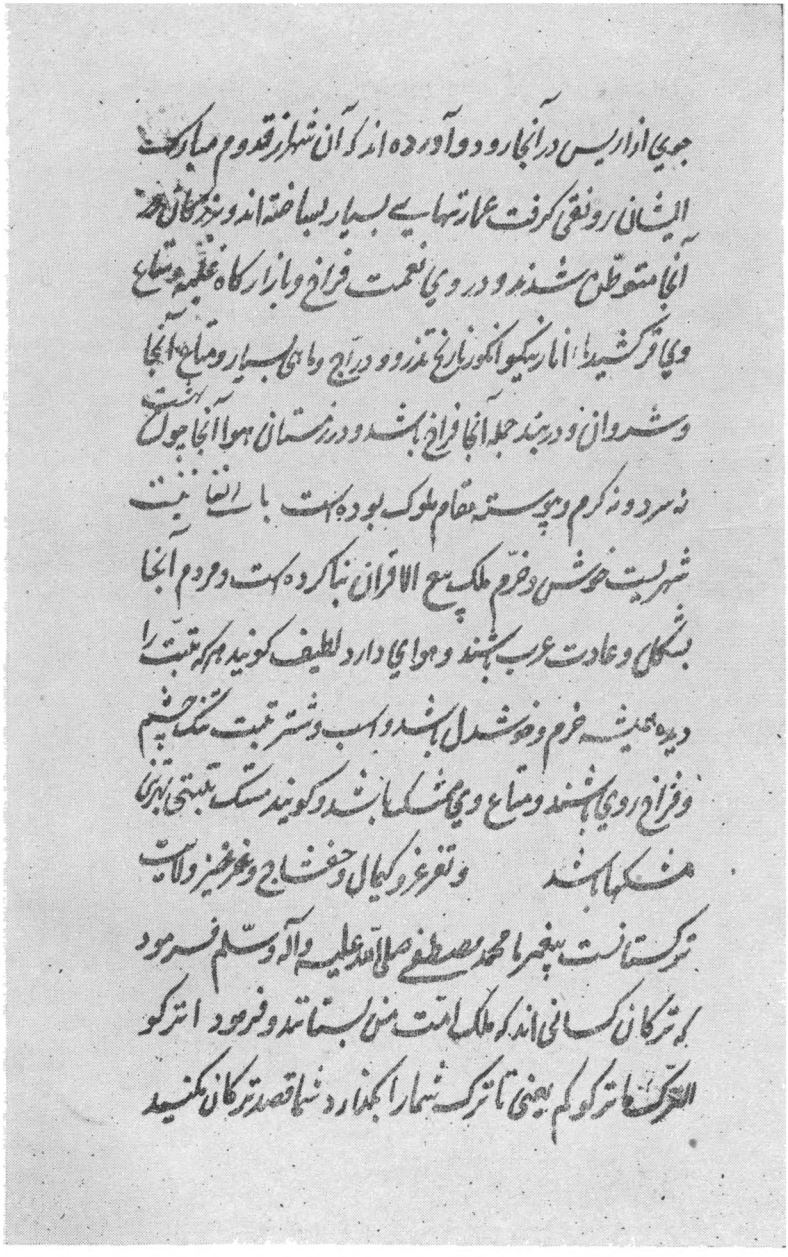


Рис. 2. Описание города Байлакана (окончание), л. 198а.
Перевод см. на стр. 202.

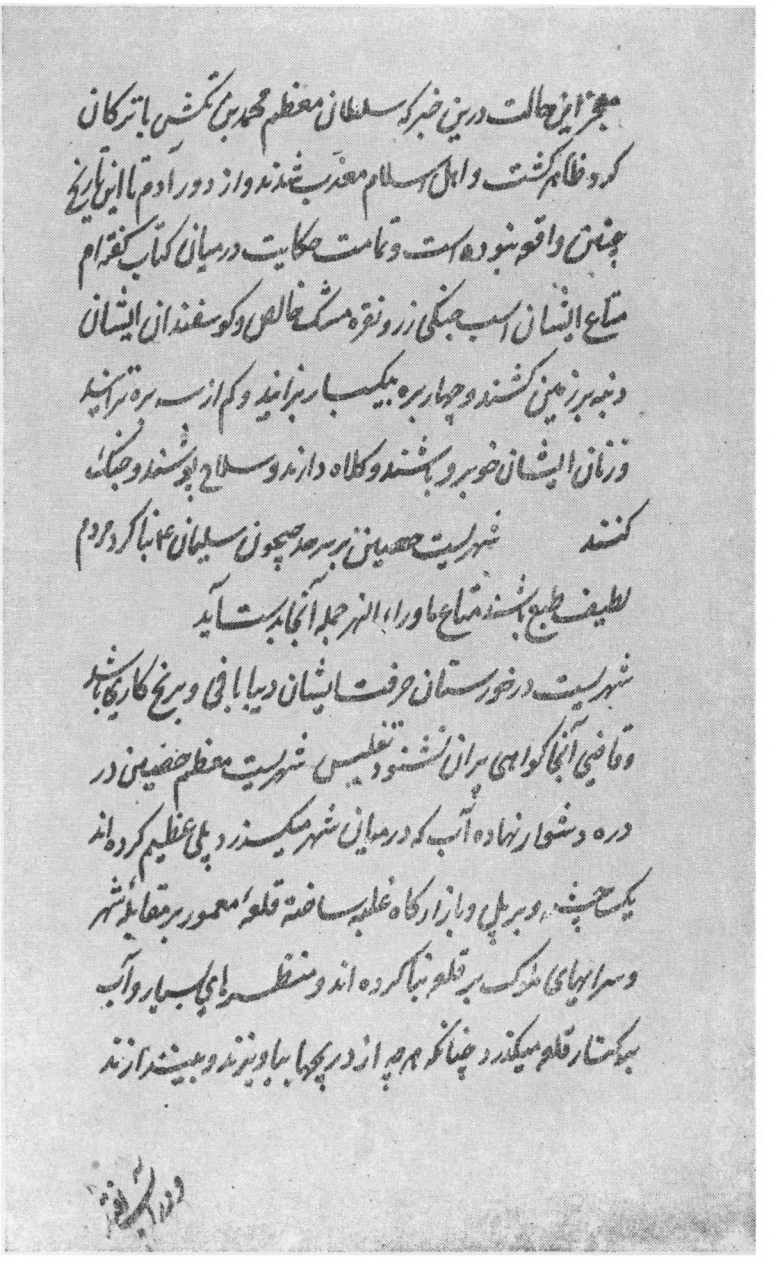


Рис. 3. Описание города Тифлиса (начало), л. 1986.
Перевод см. на стр. 202.

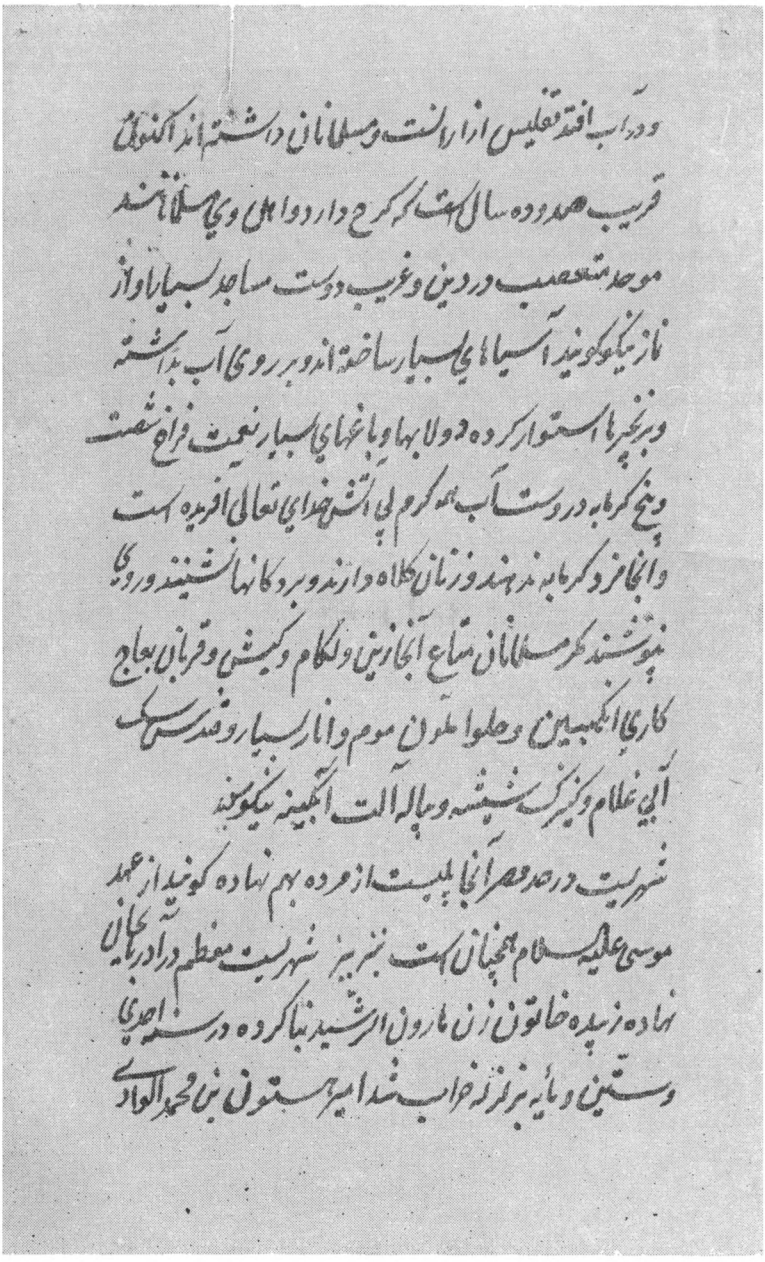


Рис. 4. Описание города Тифлиса (окончание), л. 199а.
Перевод см. на стр. 202—203.

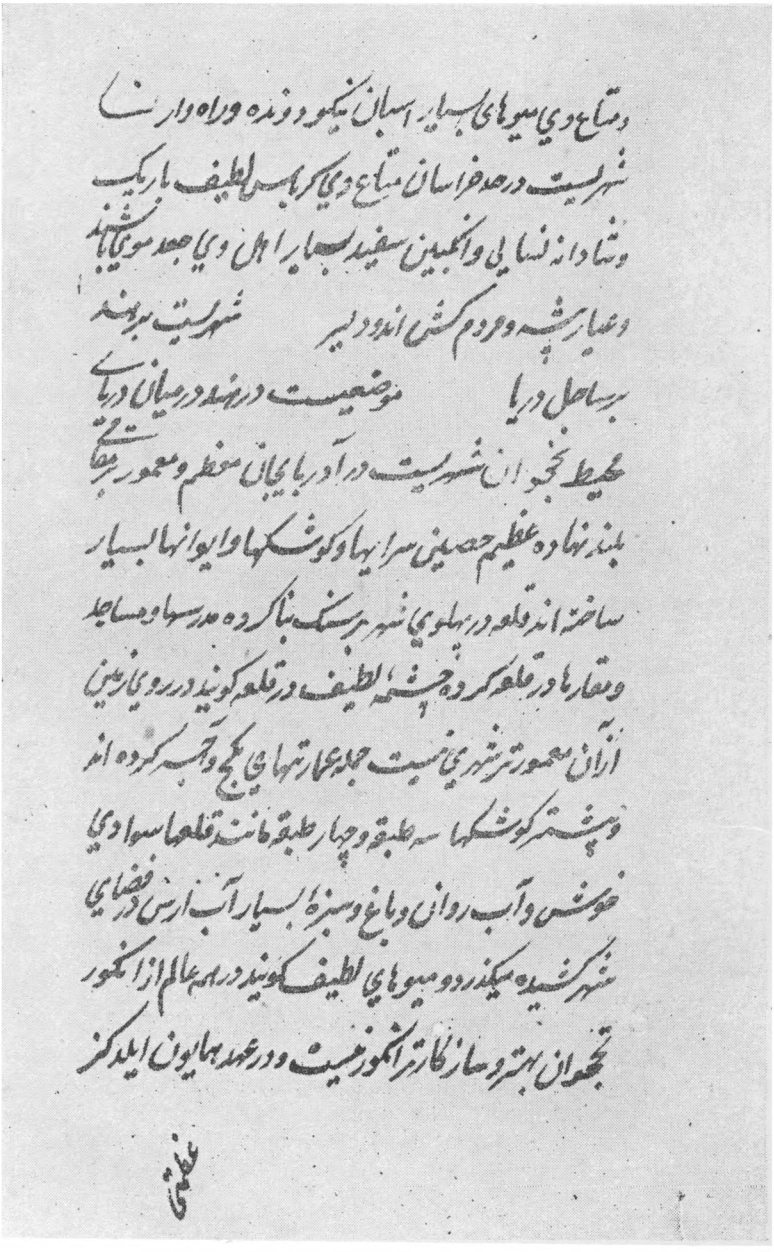


Рис. 5. Описание города Нахчевана (начало), л. 226б.
Перевод см. на стр. 209.

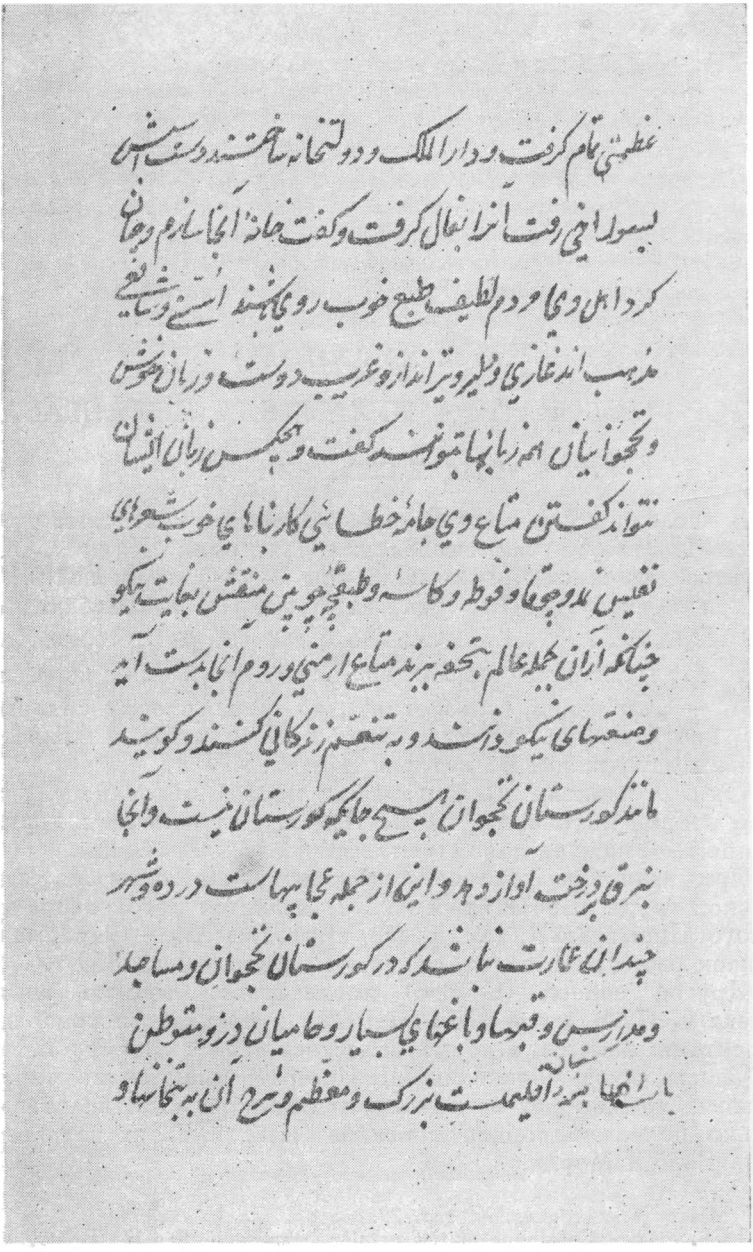


Рис. 6. Описание города Нахчевана (окончание), л. 227а.
Перевод см. на стр. 209—210.

А. М. МУГИНОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРУД МУḤАММЕДА ШЕБĀНГĀРА'Ӣ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

В числе рукописных памятников Сектора восточных рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР имеются два списка Муḥаммеда бен ʿАлӣ бен аш-шейḫ Муḥаммед бен Ḥусейн бен Абӯ-Бакр аш-Шебāнгāра'ӣ محمد بن علی بن الشیخ محمد بن حسین بن ابو بکر الشبا نگارۀ. Хотя этот труд автором озаглавлен مجمع الانساب („Маджмаʿ ал-ансāб" — „Собрание генеалогии"), но он по своему содержанию представляет краткую всеобщую историю и является важным источником по истории Ирана XIV в.

Он был написан Шебāнгāра'ӣ в первой половине XIV в., а во второй половине того же XIV в. был дополнен другим автором — Ḡийāṣ ад-дӣном бен ʿАлӣ Нāиб Фарӣӯмадӣ.

При изучении удалось установить, что один из этих списков труда Шебāнгāра'ӣ (С 372) является автографом как самого Шебāнгāра'ӣ, так и его продолжателя — Фарӣӯмадӣ. Список был привезен из Бухары П. Лерхом[1] в 1859 г.

Другой список (С 1096) представляет точную копию списка С 372 с датой 876/1471-1472 г., правда с некоторыми дефектами: лакуны, в конце недостает нескольких строк.

Списки этого сочинения Шебāнгāра'ӣ имеются во многих крупных хранилищах восточных памятников. Однако сравнительно более подробное описание дают в своих каталогах лишь Рьё[2] и Морли.[3]

---

[1] Mélanges Asiatiques, X, стр. 28.

[2] Ch. Rieu. Cataloque of the persian manuscripts in the British Museum, t. I. London, 1879, стр. 83.

[3] W. Morley. A Descriptive catalogue of the Historical Manuscripts in the Arabic and Persian Languages. London, 1854, стр. 28—30.

Другие же авторы каталогов — Эте,[1] Е. Блоше,[2] В. Иванов,[3] Е. Броун[4] — ограничиваются весьма краткой характеристикой труда Шебāнгāра'ӣ. Этот источник был использован многими исследователями. Например, Б. Дорн использовал часть сочинения в своей работе „Каспия“,[5] посвященной эпизоду преследования монголами предпоследнего Хорезмшаха султана ʿАлā ад-дӣна Мухаммеда бен Текеша, скрывшегося на одном из островов Каспийского моря — Абескуне.[6]

В. В. Бартольд,[7] характеризуя отношение некоторых историков Востока к трудам Рашӣд ад-дӣна, упоминает и труд Шебāнгāра'ӣ. Тем не менее нельзя признать, что труд Шебāнгāра'ӣ изучен в такой степени, какой он заслуживает, а список, хранящийся в Институте востоковедения Академии Наук СССР, не описан совсем. Поэтому и считаю необходимым более подробно остановиться на этом списке и указать его особенности, которыми он отличается от списков, уже известных по имеющимся описаниям.

Прежде всего обратимся к спискам Рьё и Морли. Как они сообщают в своих описаниях, их списки заканчиваются временем смерти Абӯ Саʿӣда Бахāдур-хāна и в них ничего не говорится о дополнении как самого Шебāнгāра'ӣ по истории преемников Абӯ Саʿӣда, так и продолжателя его труда Фарӣӯмадӣ, излагающего историю правления Ṭугāй Ṭӣмӯра до Сербедāров. В списках Рьё и Морли после Сасанидов следуют Дейламиты. Следовательно, в них отсутствует история халифов от первого халифа до ʿАббāсидов, Саффāридов, Самāнидов и Газневидов. Кроме того, в списке Морли не

---

[1] Hermann Ethé. Catalogue of persian Manuscripts in the library of the India office, v. I. Oxford, 1903, 21, 22; он же. Catalogue of the persian, turkish, Hindūstānī, and pushtū manuscripts in the Bodleian library. Oxford, 1889, 31.

[2] E. Blochet. Catalogue des manuscripts persans de la bibliotheque Nationale, t. I. Paris, 1905, стр. 269.

[3] W. Ivanow. Concise descriptive Catalogue of the persian manuscripts. Calcutta, 1924, N 7.

[4] E. Brown. Persian literatur under tartar dominion, III. Cambredge, 1920, стр. 103.

[5] B. Dorn. Caspia. Über die einfalle der alten russen in Tabaristan. St.-Petersbourg, 1875, стр. 108.

[6] По имеющимся у меня сведениям, индийский ученый Мухаммед Нāзим использовал в своем труде, вышедшем в 1939 г. в Кабуле и посвященном государству Газневидов, главу сочинения Шебāнгāра'ӣ о Газневидах, в частности „Наставление Себуктегӣна своему сыну Махмӯду“.

[7] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1909, стр. 47.

упоминаются также и правители династии Шебангара'и. Надо полагать, что все эти разделы отсутствуют, вероятно, не только в этих двух списках, но и в других, упомянутых мною выше списках, так как авторы описаний последних, ссылаясь на Рьё, никаких исправлений и дополнений не вносят. Следовательно, их списки также идентичны со списками Рьё и Морли.

О том, что эти списки являются неполными, а сокращенными, говорит также их объем и количество листов. Список Рьё, например, имеет 134 листа разм. 22.5×12 см по 19 строк длиной 7.5 см, а у Морли количество листов 145 разм. 22.5×15 см по 15 строк, в то время как наш список имеет 249 листов разм. 28×18 см по 24 строки, длиной 13 см. Что же касается другого нашего списка С 1096, то количество листов в нем 336, разм. 24×16 см по 21 строке длиной 10.5 см.

Следует отметить еще одно весьма существенное обстоятельство — дату второй редакции этого сочинения. Дата его первой редакции не вызывает спора. Она была закончена в 736/1432-1433 г. Касаясь этого вопроса, Рье отмечает, что на листе 95б его списка встречается дата текущего 743/1439-1440 г. Отсюда Рьё, а вслед за ним и другие авторы каталогов делают заключение, что вторая редакция этого сочинения была написана не раньше 743 г. Между тем на листе 206б нашего списка имеется дата 738/1434-1435 г. — дата окончания написания сочинения.

Относительно даты 743 г., имеющейся на листе 95б в списке Рьё, можно с уверенностью утверждать, что она является следствием того, что переписчик, а может быть и сам доктор Рьё, не разобрались в чтении этого места текста. Дело в том, что лист 95б по Рьё относится к началу главы истории монголов, что соответствует листу 207а нашей рукописи.[1] И действительно, на этом листе имеется единственная дата текущего года, где автор пишет: „Сегодня, когда пишется это сочинение, с момента появления Чингиз-хана на арену прошло сто тридцать и несколько лет" — صد و سی و اند سال Появление же Чингиз-хана на исторической арене относится к 603/1205-1206, 604/1207-1208 г. Если под словом „несколько" будем подразумевать 4 года и сложим 130 + 4 + 604,

[1] Такой большой разрыв в листаже (95 и 207) объясняется тем, что глава по истории монголов в нашей рукописи перемещена вопреки плану автора почти на конец списка, вероятно по ошибке при переплете после реставрации.

то мы получим как раз дату второй редакции этого сочинения — 738 год, имеющуюся на лл. 193б и 205б нашего списка. Остается единственное и вполне вероятное предположение, что один из переписчиков, не разобрав слово اند 'несколько', принял его за очень похожее слово نه 'девять' и написал вместо صد و سی و اند سال 'сто тридцать и несколько лет' — صد و سی و نه سال 'сто тридцать девять лет'. И, таким образом, в списке Рьё образовалась новая дата 139+604=743 г. По мнению Рьё, эта дата является самой последней датой, встречающейся в сочинении, в то время как в нашем списке встречается несколько более поздних дат, в частности, например, на л. 238б (последняя часть дополнения Фарӣумадӣ) есть дата текущего 783/1381-1382 г., что также свидетельствует об отсутствии этой части сочинения в списках Рьё и Морли, о дефектности их списков и о полноте нашего списка.

Я уже указывал выше, что наш список является автографом Шебāнгāра'ӣ. Об этом упоминали К. Залеман,[1] В. В. Бартольд,[2] а вслед за ними английский ученый С. А. Стори.[3] Но ни один из указанных авторов не занимался научным описанием данного списка труда Шебāнгāра'ӣ. Поэтому естественно, что они не приводят в своих сообщениях и факты, на основании которых они могли бы утверждать, что этот список является автографом автора. Считаю необходимым обратить внимание лишь на два неоспоримых факта, свидетельствующих о том, что этот список действительно является автографом автора. Прежде всего на л. 205б читаем:

تما م شد تحریر این کتاب بردست ضعیف نحیف مؤلف این مجموعه محمد بن علی بن الشیخ در یوم الثلثا ثانی عشر بن فی شهر جمادی الاولی لسنة ثمان و ثلا ثین سبعمایه الهجر یه النبویه المصطو فیه والحمد لله و حده.

„Кончилось написание этой книги слабой рукой автора этого собрания Муḥаммеда бен 'Алӣ бен аш-Шейḫа во вторник 22 дня месяца джумāди ал-улā, семьсот тридцать восьмого года хиджры".

Далее заслуживают внимания некоторые поправки автора, в частности, например, на л. 151а—151б в конце раздела, где описывается встреча в Самарканде султана Маḥмӯда газневидского с Ḳāдыр-ḫāном, после слов سلطان دران کی ماه چه تحمل و تکلفها کرده بود автором вычеркнуты семь строк о коли-

[1] Mélanges Asiatiques, X, стр. 288, № 28.
[2] В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 47.
[3] C. A. Storey. Persian literature. London, 1935, стр. 85.

честве и составе яств на пиршестве, устроенном в Самарканде по случаю этой встречи.[1] Неизвестно, по каким соображениям автор зачеркнул эти строки. Одно можно сказать, что сведения, сообщаемые им, маловероятны. Так, например, число столов, заставленных разными яствами, достигало 10000. Передают, заключает автор, что на это угощение было израсходовано двести тысяч золотых динаров.

Хотя некоторые слова не совсем поддаются чтению, все же я попытаюсь восстановить и привести здесь (см. рис.) эти зачеркнутые и, естественно, не вошедшие в последующие списки строки (ср. список С 1096, л. 197):

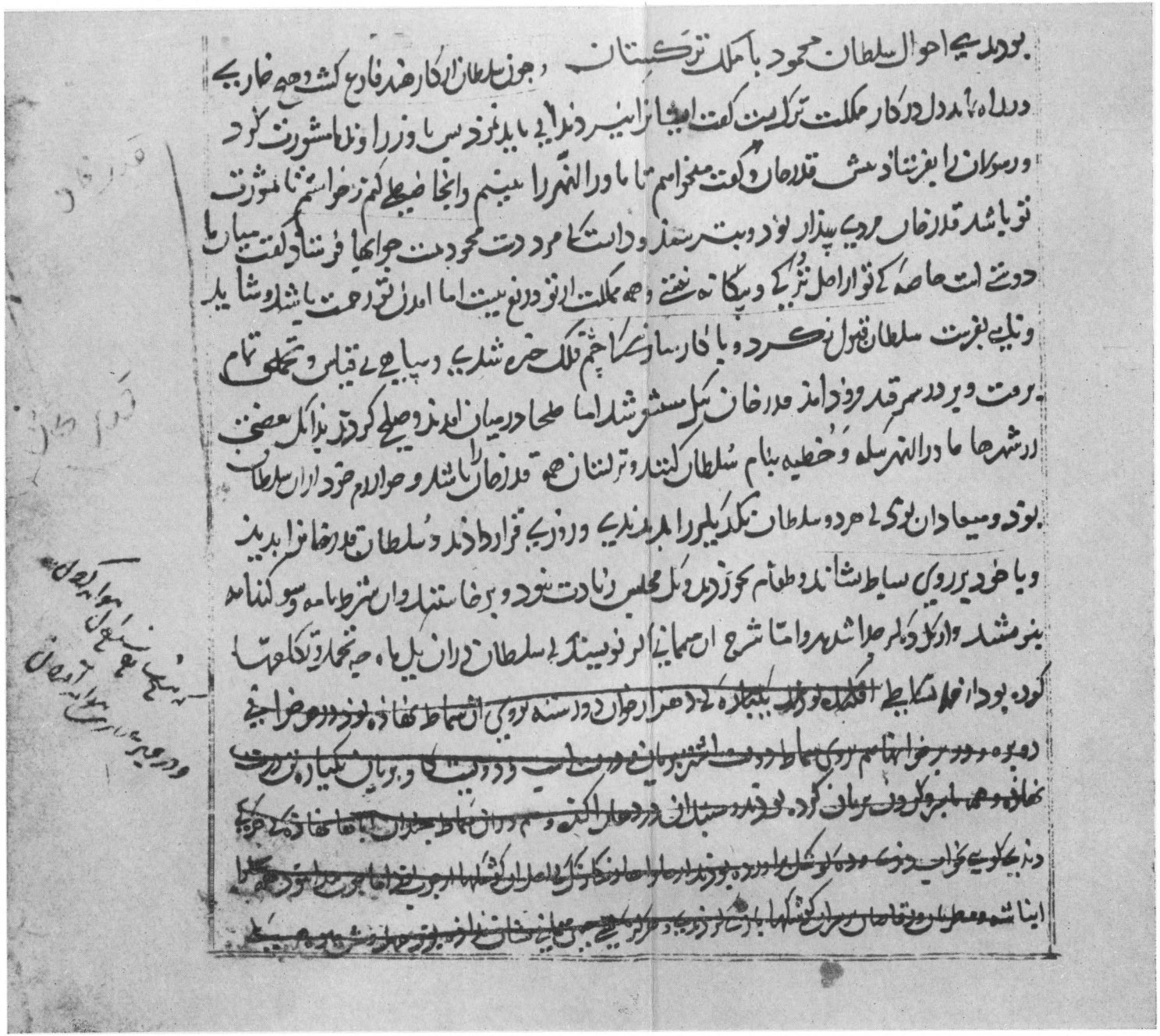
ز جمله بسا طی افکنده بودند یکبارکی دهزار خوان دو رسته بروی ان
اسماط نهاده بود در هر خوانی دو بره و در بر خوانها هم بر وی سماط
دویست اشتر بریان دویست اسب و دویست گاو بریان یکباره تن
درست نهاده وهمه با سر وگردن بریان کرده بودند وسنبلان در دهان
کده [افکنده?] ودران سماط چندان آباها نهاده کی هریکی دیدی گو یی
بهخواب دیدی و دهکو شك براورده بودند از حلواها رنکا رنک که اصل ان
کوشکها ازچو ب بود اما چوب پیدا نبود بحلوا انباشته و مطر بان
ووقاصان بر سر ان کو شکها بازی کردندی و هرکز کسی چنین مهمانی
نشان نداده بود [چهل و شش] میوه هریکی از مملکتی دوردست حاضر
کرده بودند سرد سیری وگرمسیری و ریا حین و اسپر غمها و ترها و گلها
بکواره به پشت چهار پایان اورده بود و گو یند دو یست هزار دینا ز
دران مهمانی بکار رفته بود

Что же касается дополнения, то эту часть я также считаю автографом ее автора — Фарйӯмадӣ. Хотя на это прямого указания самого автора не имеется, но, судя по его сообщению, рукопись данного труда Шебӑнгӑра'ӣ попала в руки везира (вероятно при дворе шаха Валия) Ҳоджи Ҳызр Байхаḳӣ, который после ознакомления с ней приказал Фарйӯмадӣ написать продолжение этого труда — историю последующих правителей вплоть до современных автору событий:

از ابتدا جلوس سلطنت پادشاه شهید مغفور طغا ی‌تیمو ر خان کساه
الله حلل المغفرة والغفران تاریخ سلاطین و ملوك و امرا و وزرا وذکر
وقایع واخبار و آثار ایشان الی‌یو منا هذا مسطو ر و مر قوم کردد ودراخر
این کتاب الحاق کرده شود

'Написать историю с момента вступления на престол покойного шаха Туғӑй Ṭӣмӯр-ҳӑна, да простит его..., историю по-

[1] О свидании Маҳмӯда Газневӣ с Ḳӑдыр-ҳӑном имеется подробный рассказ в „Зейн ал-аḫбӑр" Гардӣзӣ (перс. текст см.: В. В. Бартольд. Туркестан, ч. I, тексты. СПб., 1898, стр. 15—17; русск. перевод см.: там же, ч. II. СПб., 1900, стр. 298—300). — Рассказ Шебӑнгӑра'ӣ, однако, явно основан не на рассказе Гардӣзӣ, а на другом, неизвестном первоисточнике.



Автограф сочинения Шебангара'й „Маджма ал-ансāб“ л. 151а.

следних султанов, правителей, эмиров, везиров и связанных с ними событий, их памятников вплоть до наших дней и присоединить к концу этой книги' (л. 247).

Действительно, мы видим, что приказание Ходжи Хызра Байхакī автором было выполнено. Дело в том, что Шебāнгāра'ī после главы, посвященной вступлению на престол Мухаммед-хāна, предполагал продолжить повествование о войсках Хорасана, об уйгурских племенах. И эта глава заканчивается словами:

واین حکایة لشکر خراسان و جمعیت اقوام ایغور و غدر و مکر ایشان
که تقریر رود بعون الله تعالی و حسن تو فقه

'Дальше будет итти речь о войсках Хорасана, об уйгурских племенах и о их измене и интриге...' (л. 235а). Но вместо обещанного именно на этих же оставшихся белых листах, где прервано изложение Шебāнгāра'ī, неожиданно, без какого-либо предисловия или примечания следуют слова: جلوس مبارک سلطان اعظم طغا یتیمور خان انا رالله برها نه وتقبل الحسنات میزا نه

'Вступление на престол великого султана Ṭугāй Тīмӯр хāна...', написанные уже не рукой Шебāнгāра'ī, а другим лицом. В заключительной части (л. 247а) мы узнаем, что автором этой части является Ġийāṣ ад-дīн бен ʿАлī Нāиб Фарйӯмадī.

В пользу того, что это дополнение вписано именно самим его автором Фарйӯмадī, говорит то обстоятельство, что Шебāнгāра'ī раздел истории правления династии хорезмшахов, соответственно со своим планом, закончил правлением султана Ġийāṣ ад-дīна. Но оставшийся белый лист 182а дополнен историей правления последнего представителя династии хорезмшахов султана Рукн ад-дīна той же рукой, которой написано все дополнение Фарйӯмадī. А так как мы уже убедились, что основная часть нашего списка является авторским автографом Шебāнгāра'ī, то невозможно допустить вообще предположения о том, чтобы в автограф были вписаны дополнения другого автора рукой какого-либо переписчика, а не самого автора дополнения — в данном случае самого Фарйӯмадī.

Рукопись разм. 28 × 18 см, по 24 строки, длиной 13 см каждая. Количество листов 249. Рукопись не была пагинирована и не имела кустоса. Вследствие этого, надо полагать, что при частичной реставрации, которой она подвергалась, было переставлено в начале несколько листов, которые сейчас восстановлены. Прежний порядок: 1, 5, 6, 3, 4, 7, 8, 2, 9.

Рукопись в полукожаном переплете черного цвета, обведенном золотыми узорчатыми каемками, которые слегка стерты.

На первом листе рукописи имеются приписки и печати:

1. Заглавие сочинения, имя, фамилия автора, приписанные позже другой рукой;
2. „Автограф автора" тоже приписан другой рукой;
3. Шесть бейтов стихов на персидском языке, видимо поэта Амāнӣ;
4. Две криптограммы;
5. Две печати владельцев.

Особое внимание заслуживает манера письма рукописи. Рукопись в целом написана на хорошей, толстой восточной бумаге, черными, а заглавия красными чернилами. Причем хотя обе части написаны почерком насха, однако рукопись Шебāнгāра'ӣ написана не каллиграфическим, а своеобразным, характерным для его времени письмом. Часто пропускаются диакритические знаки, например: گفت = گفت، دموسمه = پیو سته и т. п. Как правило, не делается различия между буквами: ب и پ, ج и چ, ک и گ и часто, особенно в конце глаголов прошедшего времени, — между ذ и د: کوبذ، بو ذ и т. п. То же самое — нередко между определительными местоимениями که и вопросительными местоимениями کی — „когда" и „где"; немое ه заменяется ی, например: بجای رسید کی بغدادهم شهریکی (л. 223а, л. 111б). Отрицательная частица نه при глаголах заменяется частицей مه: مگو ید کی ما مردمان ترک ایم (л. 142б). Не пишется немое ه в конце союзных слов: چنانک، چندانک

В прошедшем несовершенном времени употребляется архаическая форма, например вместо می‌گفتند — گفتندی; в глаголе نوشتن вав و заменяется ب; изафет ی заменяется хамзой ء после слов, оканчивающихся на долгий алиф: امیر چوپان کی امیر الامرأ حضرت بو سعید خان‌بوذ (л. 223б).

Во многом отличается в этом отношении почерк последней части списка — дополнения Фарйӯмадӣ (лл. 235а—249б). Сходство здесь имеется лишь в некоторых случаях, в частности, например, в замене ی изафета хамзой ء после алифа и в том, что не употребляется немое ه в конце союзных слов: چنانچ 'چنانک, и т. д.: کارهأ بز رک اورا دست داد و مملک ت‌فارس چنانچ پیشتر ذکر رفته مستخلص کردانید (л. 240б), а также в пропуске иногда диакритических знаков при некоторых буквах. Других особенностей, присущих почерку Шебāн-

гара'и и особенно характерных до второй половины VIII (XIX) в. — отсутствие различия между буквами ز и ذ и употребление архаической формы глагола прошедшего несовершенного времени, — в этой части дополнения Фарйумади не наблюдается. Но написана она очень аккуратным и четким, почти каллиграфическим почерком насха.

ОБ АВТОРАХ СОЧИНЕНИЯ

К сожалению, нам ничего не известно ни о Мухаммеде Шебангара'и, ни о его продолжателе — Гийас ад-дине Фарйумади. Особенно загадочна биография Мухаммеда Шебангара'и. Какая судьба постигла его и какие обстоятельства помешали ему закончить свое сочинение? Кажется несколько странным и то, что его продолжатель Фарйумади также не дает никаких сведений о своем предшественнике. Во всяком случае, ясно лишь одно, что нет никаких данных о том, чтобы Мухаммед Шебангара'и уже в начале 739 г. оставался в живых.

О культурно-духовном облике и эрудиции Мухаммеда Шебангара'и мы можем судить, до известной степени, по тем лишь эпитетам, которыми сопровождает Фарйумади при упоминании имени нашего автора. Как говорит Фарйумади, Шебангара'и был, несомненно, большим ученым своего времени. Об этом свидетельствует, между прочим, не только его труд, представляющий огромный интерес как первоисточник, особенно по истории правителей — атабеков Фарса, Шираза, Иезда, Ормуза, Шебангара, Луристана и правителей отдельных областей, боровшихся между собой за свою независимость. Об этом свидетельствует также его прекрасный стиль и изящный язык. Как характеризует его Фарйумади, он является „искусным наездником на арене красноречия". Хотя, может быть, Шебангара'и и не был поэтом по профессии, каким пытается представить его доктор Рьё, тем не менее несколько поэм, посвященных им своим патронам, говорят о его бесспорном поэтическом таланте, а по определению Фарйумади, он — „соловей цветника изящества и красноречия". Своеобразное рассуждение Шебангара'и в разделе о сотворении мира показывает его знакомство и с вопросами философии, что тоже, вероятно, имеет в виду Фарйумади, когда он называет его „искателем жемчуга в море мудрости и истины".

Об участии Шебангара'и в политических и государственных делах никаких данных нет. Его сообщение о том, что первую редакцию своего труда, по окончании, он послал

Абӯ Саʿӣду через лицо, заслуживающее доверия, дает основание полагать, что он тесной связи и непосредственного доступа ко двору султана не имел.

Что же касается Фарйӯмадӣ, то он своего патрона х̮ōджа Х̮ызра Байхакӣ называет „старым закадычным другом“ (مخلص قديم). Хотя Фарйӯмадӣ, как это принято у восточных авторов, называет себя человеком „без способностей“, а выполнение порученного ему дела настолько трудным для него, что он сравнивает его с выжиманием масла из камня, все же он со своей задачей справился блестяще и, надо сказать, не хуже, чем его предшественник — основной автор Мух̣аммед Шебāнгāра'ӣ.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЧИНЕНИЯ

Предисловие Шебāнгāра'ӣ

Сочинение Шебāнгāра'ӣ снабжено двумя предисловиями и двумя введениями. Первое предисловие (лл. 1а—3б) посвящено истории составления второй редакции этого сочинения и некоторым событиям, происшедшим при жизни автора. Начало его: الحمد لله جعل الحمد مفتاحاً لذكره. В этом предисловии автор рассказывает, что он начал писать этот свой труд в 733/1332-1333 г., когда ему исполнилось 40 лет от роду, и закончил в 736/1335-1336 г. Так как труд был посвящен современнику автора султану Абӯ Саʿӣду Бахāдур-х̮āну, то по окончании он отправил свое сочинение последнему через заслуживающее доверия лицо. Сочинение было одобрено „беспримерным“ везиром Г̣ийāс̱ ад-дӣном, сыном знаменитого Рашӣд ад-дӣна Т̣абӣба, и рядом ученых и вельмож. Но, продолжает автор, не успел еще владыка мира (Абӯ Саʿӣд) доставить честь своим лицезрением этого сочинения, как неожиданно скончался (ум. 13 рабӣ' ал-āх̮ира 736/декабрь 1336 г.).

Далее автор оплакивает безвременную смерть молодого султана и гибель своего труда во время разгрома дома упомянутого, теперь также покойного везира Г̣ийāс̱ ад-дӣна, о чем сообщило ему через год письмом то же доверенное лицо, имени которого, как и в первом случае, он не называет.

После долгих переживаний и раздумий Шебāнгāра'ӣ принимает решение попытаться восстановить свое сочинение.

В последней части предисловия (л. 3) помещена поздравительная к̣ас̣ыда, посвященная вступлению на престол нового

шаха پادشاه[1] روی اعلی الله شانه تهنیت جلوس مبارک с продолжением в прозе, часть которой посвящена его везиру. Имена как первого, так и второго не упоминаются, но для них оставлены в обоих случаях чистые места. Это, вероятно, объясняется тем, что Шебангара'и сам очутился в затруднительном положении, так как после смерти Абу Са'ида в течение нескольких месяцев этого года, пока он продолжал писать вторую редакцию своего сочинения, сменились один за другим три правителя: Арпа-хан, Мусса-хан и Мухаммед-хан. Следует отметить, что в упомянутом выше втором нашем списке этого сочинения чистое место, предназначенное для имени нового правителя, заполнено позже другой рукой именем Мухаммед-хана.

Второе предисловие, которое начинается: حمد و ثنائی که اوراق اشجار واقطار امطار با شماران بی مقدار نماید, посвящено первой редакции сочинения. В нем содержатся хвалебные оды, посвященные единству бога, пророку Мухаммеду, современному султану, а также его везиру Гийас ад-дину (лл. 4б—9а). Здесь же указывается название сочинения — „Собрание генеалогий".

Шебангара'и не указывает использованных им источников при написании первой части своего труда, за исключением лишь одного, весьма авторитетного исторического труда Джувейни „Тарих-и джихангуша'и", на который он часто ссылается в особенности при изложении истории монголов. Он не упоминает даже такого капитального труда по истории, казалось бы, уже известного в его время, как труд Рашид ад-дина „Джами' ат-таварих". Если первая часть труда Шебангара'и не представляет особого интереса как первоисточник, поскольку она посвящена более раннему периоду истории, то последняя часть сочинения, излагающая события, происходившие при жизни автора, носит оригинальный характер; сюда относятся: история правителей Шебангара, история атабеков Фарса, Кермана, Луристана, Иезда, правителей Ормуза هرموز (лл. 193б—205б), история султана Улджайту и, особенно, история современников автора, султана Абу Са'ида Бахадур-хана, а также Арпа-хана, Багдад-хатун, Махмуд-шаха Инджу, Мусса-хана и Мухаммед-хана (лл. 222а, 235а). Вся эта часть его труда, как он сам неоднократно отмечает, написана на основе личных наблюдений и сведений, добытых от заслуживающих доверия лиц.

[1] Вероятно: روزی.

Введение

В первом введении рассказывается о сотворении мира, о четырех элементах, о сотворении человека и животного мира, о семи климатах и сообщаются некоторые географические, этнические и другие данные о главнейших родах человечества (л. 9а—17б). Начало: ذکر ابتدأ آفرینش عالم و بیان عقول و نفوس

Введение второе имеет заглавие اغاز کتاب مجمع الانساب („Начало книги Маджмаʿ ал-ансāб"). Сюда входит описание целей и задач, которые ставит автор при составлении сочинения и подробный план-оглавление, по которому оно должно быть составлено (лл. 17б—24б). Это оглавление делится на две части. Первая часть заключает историю пророков от Адама до Муḥаммеда, вторая — историю государей мира, начиная от Шишиāнидов до правителей Ормуза. Всех государей автор делит на две категории — ṭабаḳа, которые в свою очередь распадаются на отдельные группы — гурӯх, ветви, династии и т. д. При этом в каждом разделе дается полный перечень имен государей в хронологическом порядке и с подробной аннотацией каждого раздела (лл. 17б—24б). Начало: باید دانست که مراد از تأسیس این کتاب دانستن دو علم است

Содержание сочинения

Оно состоит из двух частей — ḳысм: часть первая содержит историю пророков от Адама до Муḥаммеда (л. 25а—67а). Начало: وبه نستعین والحمد للرب العالمین

Часть вторая посвящена истории царей: она делится на два ṭабаḳа (разряда) ملوک زمین دو طبقه اند, каждая ṭабаḳа — на гурух (группы), а последние — на ṭāʾифа (династии).

Ṭабаḳа I состоит из двух гурухов.

Гурӯх I делится на четыре ṭāʾифа:

I. Шишиāны, от Анӯша до Барда (л. 67б).

II. Киюмарсиды, от Киюмарса до Тахмӯраса (л. 68а—68б).

III. ʿĀдиāны, от ʿĀда до Фарауна (л. 68б—69б).

IV. Фарӣдӯниāны, от Фарӣдӯна до Зау бен Ṭахмāсп (л. 69б—71а).

Гурух II содержит два ṭāʾифа:

I. Кийāниды, от Кайḳабāда до Кайḫосроу (л. 71а—71б).

II. Лухрāспиды, от Лухрāспа до Александра Великого (л. 71б—73а).

Табака II делится на четыре гурӯха.

Гурӯх I состоит из пяти та'ифа:

I. „Мулӯк-и тавайф". Автор не перечисляет имена и ограничивается сообщением, что „Александр распределил между ними весь мир, их государства были велики. Все они происходят из рода Джамшида и Фаридӯна, царствовали четыреста лет; ни один историк не сообщает о их количестве и именах. В Шахнаме также не сказано больше" (л. 73б).

II. Греческие правители от Птолемея до Августа (л. 73б).

III. Римские императоры, от Тинарийӯса (Тиберия) طينارىوس до Ираклия هرقل (лл. 73б—74а).

IV. Правителей арабских стран: Ирака, Иемена, Абиссинии (лл. 74а—78б).

V. Ашканианы, 18 человек от Ашка до Ардуана (лл. 78б—79а).

Гурӯх II делится на два ша'ба — персы и арабы:

I. Персидские государи. Автор делит их на две династии: 1. Сасаниды от Ардашира Бабака до Кубада сына Фейрӯза (лл. 79а—83б); 2. Акасираиды от Анӯширвана до Ездегерда (лл. 83б—87б).

II. Арабские государи, состоит из трех та'ифа:

1. Хулафа-и Рашидин от Абӯ Бекра до Хусейна ибн 'Али (л. 88а);

2. Омейады от Му'авийа до Мервана (лл. 110а—115а);

3. 'Аббасиды до Му'тасим Биллаха (лл. 115а—138а).

Гурӯх III состоит из восьми та'ифа:

I. Саффариды до Тахира ибн Мухаммеда (л. 138а—139б).

II. Саманиды от эмира Исма'ила до эмира Абӯ Ибрахима (лл. 139б—141а).

III. Газневиды от Алптегина до султана Хосроу-шаха (лл. 141а—162а).[1]

IV. Дайлемиты, от 'Имад ад-даула до эмира Абӯ 'Али Кейхосроу (лл. 162—164а).

V. Сельджукиды, до султана Тугрула (л. 164а—173а).

VI. Гуриды, от султана 'Ала' ад-дина Хусейна до султана Шихаб ад-дина Махмӯда (л. 173а—б).

VII. Исмаилиты (Аламута) (малахида) от Хасана Сабаха до Рукн ад-дина Хуршаха (л. 174а—177а).

---

[1] В этом разделе обращает наше внимание один документ, помещенный автором под заглавием „Наставление эмира Себуктегина", составленный, якобы, последним для своего сына Махмӯда газневидского. — См. „Приложения" к данной статье.

VIII. Хорезмшахи, от Анӯштегӣна до Рукн ад-дӣна Аṛӯрсāнсӣ — اغور سانی (Гуршанчи) (л. 177а—182а).

Следует отметить, что последняя глава этого раздела, посвященная последнему представителю династии хорезмшахов султану Рукн ад-дӣну бен Аṛӯрсāнсӣ, дополнена на оставшемся белом листе 182а рукой упомянутого Фарйӯмадӣ. Шебāнгāра'ӣ закончил эту главу, как предусмотрено им в своем первоначальном плане, Ṛийāс̱ ад-дӣном Мӣрх̱āном.

Гурӯх IV делится на два ṣинфа. Причем ṣинф I, состоящий из двух ṭā'ифа по истории монгольских государей, по каким-то соображениям автор, вопреки первоначальному плану, перенес дальше после ṣинфа II (л. 206).

Ṣинф II состоит из шести ṭā'ифа — истории правителей областей ملوک اطراف.

I. Правители Шебāнгāра. Автор делит их на две династии — древнюю и новую ملوک قدیم و ملوک جدید.

В главе о древней династии (лл. 182б—188а) автор дает краткий исторический обзор происхождения династии Шебāнгāра и перечень имен их предков. Причем наиболее известным и способным правителем из династии Шебāнгāра он считает Низ̱āм ад-дӣн Х̣асан бен Ибрāхӣма (ум. в 470/1078 г.). Большое место уделено последнему правителю Муз̱аффар ад-дӣну Мух̣аммед бен Мубāризу (ум. в 659/1261 г.). Шебāнгāра'ӣ восторженно отзывается о его поэтическом таланте и приводит изрядное количество его стихов. Отмечает, что современник Муз̱аффар ад-дӣна, поэт Кемāл Исмаʿӣл, часто присылал посвященные ему ḳаṣыды. В качестве примера приводится два четверостишия, которыми они обменялись (л. 186б).

Новая династия потомков Шебāнгāра начинается с Ḳутб ад-дӣна Мубāриз бен Мух̣аммед бен Мубāриза и кончается современником автора Тāдж ад-дӣном Джамшӣд бен Исмаʿӣлом (лл. 188а—193а). Следует отметить, что С. Лэн-Пуль, касаясь династии Шебāнгāра'ӣ (Фазлуиды), с огорчением отмечает, что „точные хронологические сведения о Фазлуидах мы имеем только для монгольского периода".[1] Однако сведения Лэн-Пуля иногда расходятся с данными Шебāнгāра'ӣ и в отношении монгольского периода. Думается, что труд Шебāнгāра'ӣ может служить источником для восполнения в известной мере этого пробела.

---

[1] С. Лэн-Пуль. Мусульманские династии. Перевод, дополнения и примечания В. В. Бартольда, СПб., 1899, стр. 298. — Об атабеках Шебāнгāра см. также: E. de Zambaur. Manuel de genealogie et de Chronologie pour l'histoire de l'Islam. Hanovre, 1927, стр. 233.

В конце раздела имеется дата его написания: 738/1338 г.

II. Атабеки Фарса — салгариды от Салгар бен Маудуда до Абиша бент-и- (дочери) Са'да, л. 193б—195а.

III. Правители Кермана. Они также делятся на две категории: Мулук-и кадим и Мулук-и джадид древнего и нового периода а) Мулук-и-кадим — правители древнего периода, сельджуки от Кавард бен Дауд до 'Аджамшаха бен Динар, л. 195а—197а б) Мулук-и джадид — правители нового периода карахита'ӣ или Кутлуг-ханы, от Барака Кутлуг-хана до Шахджихана бен Джалал ад-дин Суюргамиш (л. 197а—200б).

В этой главе автор особо обращает внимание на падишаха Хатун Хасан шах бент-и (дочь) Кутб ад-дин Мухаммеда (л. 199а—199б) (убита в 694/1295 г.). Шебангара'ӣ о ней отзывается как о весьма образованной, мужественной и справедливой правительнице. Он отмечает также, что она хорошо писала стихи, и приводит некоторые образцы из ее стихов.

IV. Атабеки Луристана (курды). Дается очень краткий обзор образования этой династии, с выделением лишь двух атабеков: первого — эмир 'Алия и последнего — Нусрат ад-дина Пир Ахмада (лл. 200б—201б).

V. Атабеки Иезда. Дается краткий обзор, начиная от основателя династии 'Ата-хана, до времени самого автора. Приводятся также некоторые исторические сведения об образовании города Иезда. Более подробно излагается история лишь последнего представителя этой династии Рукн ад-дина Юсуф-шаха, низложенного Газан-ханом. Далее перечисляются последующие правители Иезда, в числе которых упоминаются Рашид ад-дин, Шамс ад-дин Иездӣ и здравствующий в момент составления автором труда один из сыновей Рашид ад-дина, известный по прозванию мир Шейхӣ (лл. 202б—204а).

VI. Правители Ормуза. Разделены также на два периода: древний и новый. На древнем периоде автор не останавливается подробно, а отсылает к оглавлению, где дан перечень их имен — от Дир Макуха до Шихаб ад-дина бен Махмуд 'Иса. Новый период начинается от Рукн ад-дин Махмуда Келатӣ и кончается современником автора Бухтан бен Карданшах بهتن بن كردانشاه и его братом Кишом قش (л. 204а—205б).

По сообщению автора, все эти разделы он составил по сведениям, добытым из достоверных устных источников.

По первоначальному плану автора сочинение должно было быть на этом закончено, о чем свидетельствует также приписка автора, помещенная в конце данной главы: „Кончилась эта книга слабой рукой автора этого собрания, Мухам-

меда, бен ʿАлӣ, бен Шейха во вторник 22 дня месяца джумāди ал-ӯлā 738 года хиджры" (1338 г.). Ниже его же рукой: ...صاحبه و مالكه 'автор и владелец ее...' (подпись неразборчива).

Но как уже отмечалось выше, глава, посвященная истории монгольских государей (ṣинф I), нарушая первоначальный план и хронологический порядок, была по неизвестным причинам перенесена или самим автором или переплетчиком после ṣинфа II этого раздела. Таким образом, со следующего листа 206а начинается эта самая глава — ṣинф I, история монгольских государей. Следует при этом отметить, что название главы, написанное крупным шрифтом, черными и красными чернилами на листе 206а, а также вступление к ней (л. 206б) написаны не рукой самого автора, а его продолжателем — Фарӣӯмадӣ.

Глава эта (ṣинф I) состоит из двух ṭā'ифа:

I. Великие ḫāāны. Начинается от Чингиз-ḫāна, кончается вступлением на престол Хубилая (лл. 206б—218б).

II. Ильханы хулагуиды. Начинается от Хулāгӯ-ḫāна, кончается смертью Абӯ Саʿӣда Бахāдур-ḫāна (лл. 218б—230а).

Дальше с л. 230а по л. 235а идет дополнение автора, не предусмотренное первоначальным планом, истории еще ряда правителей и государственных деятелей: Арпā-ḫāна, Багдāд-ḫātун, Маḥмӯд-шāха Инджӯ, Мӯсā-ḫāна и жившего еще при авторе Муḥаммед-ḫāна.

Необходимо отметить некоторые отдельные моменты, представляющие, с моей точки зрения, известный интерес для истории. В частности, например, наш автор в разделе, посвященном Султāну Абӯ Ṣаʿӣду, где он описывает эпизод казни Рашӣд ад-дӣна, приводит несколько бейтов, сочиненных, якобы, самим Рашӣд ад-дӣном и прочитанных им при казни. Хотя и мне не удалось убедиться в подлинности этих стихов, но так как подобные сведения о Рашӣд ад-дӣне встречаются в литературе впервые, считаю не лишним их привести:

سالها خاطر مرا زنشاط هیچ بروای قیل و قال نبود
ماه ملکم غم کسوف نداشت روز عیشی مرا زوال نبود
چرخ میخواست تاکند ضرری لیکنش قدرت و مجال نبود
حاصل الامر هر چه خواست بکرد بطریقی که در خیال نبود

'Долгие годы у меня в мыслях не было, никакой тревоги
волноваться за (свое) торжество,
Луна власти моей не имела боязни затмения,
благоденствию моему не было заката,
Захотелось судьбе как-то нанести вред,
но не было уже на то возможности и силы,

В конце-концов она совершила все, что хотела,
да так, что нельзя даже вообразить в мыслях' (л. 225б).

Шебангара'и уделяет исключительно большое внимание истории Абу Са'ида. Он не ограничивается всесторонним освещением его жизни и деятельности. В отличие от большинства восточных авторов, дает некоторые сведения также и о внешнем облике Абу Са'ида.

Дополнение Фарйумади

Дополнение Фарйумади (лл. 235а—249б) представляет не меньший интерес, чем последняя часть труда Шебангара'и, так как оно включает в основном историю событий, происходивших при жизни автора и, следовательно, написано на основании личных наблюдений автора и достоверных сведений, добытых от заслуживающих доверия лиц.

В нем даны история правления Туга Тимура, включая сюда два курултая с перечислением участвовавших там лиц (лл. 235а—237б), правителей областей, соперничавших между собой, эмиров и их потомков: шейха Хасан-бузурга Махмуд Айсан Кутлуга, шейха Хасан Кучука, их потомков, ойратских эмиров, 'Али-падишаха и Хафиза, эмира Артена, потомков эмира Барматана и Санги-таза, потомков эмира Айсана Кутлуга, эмира Акбука, потомков Махмуд-шаха инджу и др. (л. 237б—240а). Описано вступление на престол шаха Шуджа'а (лл. 240а—241а). Перечислены гератские правители: эмир 'Абдалла Мавлаии и его потомки, эмир Аргуншах и его эмиры, сыновья эмира Таукала, эмиры из рода Кадбука Нуйин, потомки эмира Кутлуг-шаха, эмир Нагмаш, везиры Хорасана и их потомки (лл. 241а—243б), конец царства Туга Тимура (л. 233б—244б), вступление на престол шаха Велия бен эмир шейха Хинду (л. 244б—247а) и заключение (л. 247а—247б).

Дальше излагается в весьма сокращенной форме обзор хронологии деятельности местных феодальных владетелей в Иране и сопредельных странах, восставших за свою самостоятельность:

1) в Ираке и в области его: Малик Кавус Ширван, Ходжа Тадж ад-дин 'Али Асил, эмир Науруз, Сейд Лутфалла Каши, эмир Шейх Хасан Курах, эмир Джалал Хорасани, эмир Мас'уд Везвайи وزوا بى, эмир Хаджи 'Али, Ахи Шуджа' Хорасани, эмиры уйгурские, эмир Газанафар и его брат Давлет-шах, эмир Махмуд Арани (л. 248а—248б).

2) в Хорасане и в Мазандеране: Сейид Тадж ад-дин Астрабади, из района Амул, Сари и Рустемдара — эмир

Джалāл ад-дӣн Мутмайиз, эмир ʿАлӣ Рамаз̣āн, эмир Утг̣уз, Пахлевāн Ḳарӯн, Малик ʿИз ад-дӣн, Малик ʿАдил Тафтā-Зāнӣ, эмир ʿАлӣ Ṭабасӣ, эмир Х̣асан Заркеш, х̮оджа Керим Кāржӣжӣ и Ṣāх̣иб Х̣аддāд (лл. 248б—249а); II — сардары области Байхаḳа, известные под названием сербадāлӣ (сербадары): ʿАбд ар-разāḳ Бāштинӣ, эмир Масʿӯд, шейх̮ Х̣асан Х̣ӯрӣ, эмир ʿИз ад-дӣн Саусʿандӣ, Ай-Тӣмӯр Мух̣аммед, Кулӯ Асфандиāр, Мавлāнā Х̣асан Ах̮ӣ, Х̣усейн Ах̮ӣ, эмир Шамс ад-дӣн, брат эмира Масʿӯдӣ, х̮оджа ʿАлӣ Шамс ад-дӣн, Ях̣ья Керāтӣ, х̮оджа З̣ахӣр Керāтӣ, Х̣айдар Ḳассāб и Лутфалла эмир Масʿӯд, Пахлевāн Х̣асан Дāмг̣āнӣ.

Конец рукописи: امیر لطف‌الله امیر مسعود دراواخر ذوالقعده سنه سبع و خمسین وسبعمایه بسبزوار امده بسرداری قیام نمود ودر اواسط ذوالحجه سنه تسع و خمسین سبع مایه پهلوان حسن دامغانی اورا عزل کرد

ʿЭмир Лутфалла [бен] эмир Масʿӯд в последних числах з̣уль Ḳаʿда 757 (1356) г. стал правителем Сабзавара, а в середине месяца з̣уль х̣иджа 759 (1357-1358) г. был низложен Пахлевāн Х̣асаном Дāмг̣āнӣʾ.

Как видно, конец сочинения необычен и здесь, скорее всего, недостает нескольких листов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

„НАСТАВЛЕНИЕ СЕБУКТЕГӢНА“ (лл. 144а—145б)

По словам автора, эмир Себуктегӣн задолго до своей смерти составил для своего сына эмира Мах̣мӯда упомянутое наставление, которое было написано рукой его везира Абӯл-Фатх̣а-Бустӣ.[1]

وسبتگین درحق امیر محمود پند نامه بنوشت بخط ابوالفتح بستی‌که وزیر سبکتگین بود

Хотя мне и не удалось пока установить подлинность этого документа, но поскольку он существенно отличается по своему содержанию и оригинальности от подобного рода многочисленных известных нам литературных памятников, считаю небезынтересным дать здесь его содержание в виде сокращенного перевода.

[1] См. о нем: C. Brockelmann. Geschichte der arabischen Litteratur, Bd. I. Weimar, 1898, стр. 251; H. Ethé, I. O., № 321.

Как сообщает автор, это наставление Маḥмӯд выучил наизусть как талисман и перечитывал ежедневно. Видимо, Шебāнгāра'ӣ не полностью приводит это завещание. Так, он отмечает: „Вот несколько из наставления, которое помещается здесь“ (بعضی از پند نا مه اینست که نو شته شد).

В начале своего наставления Себуктегӣн рассказывает свою краткую автобиографию. Он сообщает, что происходит из Туркестана из племени Барсаханидов (بر سخیان), которые когда-то пришли из Фарса и назывались первоначально Пāрсхāн (پارس خان). Отца его звали Джӯқ (جوق) и он был его третьим сыном.

Себуктегӣн рассказывает, как он сделался рабом, а затем эмиром. Однажды, когда его отец отправился на охоту, на становище его племени напало племя по имени наҳсāн (نخسان) и забрало с собой все имущество, женщин и детей, в том числе и его. Четыре года оставался он у них, пас скот, а затем его в числе нескольких других рабов увезли в города Мавераннахра и продали купцам. Себуктегӣна купил некий купец-мусульманин по имени Наср Чāчӣ из города Чāча[1] Самаркандского (ازشهر چاچ سمر قند). Потом он попал в город Нахшаб, где вследствие болезни Наср оставил его у одной старухи. После выздоровления он учился у сына этой старухи искусству применения оружия — фехтованию (سلاح شوری). Через год Наср забрал его опять, увез в Бухару и продал в числе девяти других гулямов Алптегӣну, у которого он впоследствии достиг крупных успехов на военном поприще и скоро достиг положения эмира.[2] Дальше Себуктегӣн переходит к непосредственному изложению отдельных пунктов наставления и с самого начала предупреждает своего сына, что властвовать над божьими рабами дело не маленькое (کاری‌کو چکنیست), царствование (پادشاهی) дело опасное (کاری خطر است). „Нужно бояться бога, тогда твои подданные и подчиненные будут бояться тебя. Ты должен быть благочестивым پا رسا با ش, ибо неблагочестивые государи и эмиры не пользуются почетом и уважением. Для того, чтобы удержать власть, необходимо, чтобы казна была богата — полна,

[1] Чāч-Шāш — ныне Ташкент.

[2] О пребывании Себуктегӣна на службе у Алптегӣна см.: Рассказ Низāм ал-Мулка „Сиасет нāмэ“ — книга о правлении вазира XI столетия Низāм ал-Мулька. Перевод, введение в изучение памятника и примечания проф. Б. Н. Заходера. М.—Л., АН СССР, 1949, стр. 111—112; перс. текст: Ch. Chefer, стр. 95—108.

без богатства никто не будет тебе подчиняться. Накопить богатство можно только посредством умных и честных людей, которые благосклонны к тебе. Сочувствие и благосклонность людей к себе приобретается добром, которое ты делаешь им как материально, так и посредством языка (добрым словом). Все эти качества зависят от высокой энергии и великодушия, потому что эти качества без нравственного величия не приобретаются. Нравственное величие подобно огню и ветру — им свойственно стремление подняться выше, в то время как увеселение и забава подобны песку на откосе — им свойственно стремление вниз.

Самым важным делом для тебя является накопление богатства — но добрым, достойным путем. И я не говорю тебе, чтобы ты отобрал силой у населения и пополнил казну. Богатство, собранное для пополнения казны незаконно, путем насилия, является врагом твоим и на этом и на том свете.

Я не говорю также, что ты не бери у людей и то, что полагается им отдавать государству, но бери по-доброму.

В делах, относящихся к наложению наказания, не выказывай беспечности, решай на основе закона и справедливости. Не применяй кнута там, где требуется меч, и, наоборот, не употребляй меча там, где требуется кнут. Не будь беспечным в своем государстве, не допускай, чтобы твои чиновники просиживали годами в областях и чтобы кто-либо жаловался на них, что они грабят их. У чиновника, который поработал несколько лет, потребуй отчет. Если будет установлено, что он незаконно отбирал у населения, отбери у него и верни владельцам, но ни в коем случае не клади эти средства в казну.

За первое преступление не увольняй чиновника, посылай его обратно, чтобы по этому примеру многие исправились, стали мягкими, трезвыми и чтобы они впредь стали добросовестными, говорили и писали правду.

А людей, совершивших преступление вторично, увольняй и никогда не принимай на службу, ибо такие люди никогда не исправятся. Будь в курсе дел армии, солдат, их вооружения и т. д. Изучай, как «Кул хуа-аллах...»,[1] журнал докладов-жалоб обязательно, чтобы ты знал каждого воина своего войска по имени, но так, чтобы ты имел представление о его занимаемом положении, родстве и образе.

---

[1] Сура Корана, которую выучивают наизусть мусульмане с детства и читают при совершении каждой из пяти молитв.

Изучай характер каждого племени, хорошо береги мужественных людей, обласкай их, чтобы они стали благосклонными к тебе.

Следи за тем, чтобы дороги были в порядке — безопасны. Это очень важно. Все, что отбирают в пустыне у купцов, считай, что отобрали у тебя из казны — и не ложись спать, пока не уничтожишь (*букв.* не убьешь) грабителя и не вернешь это добро владельцу. Сам займись судебным разбирательством по делам притеснения, в этих делах будь очень осторожен. Много людей, которые сами притесняют других, а перед тобой представляются такими, как будто более притесненных, чем они, нет. Поэтому глубже изучай жалобы на притеснения, не дай бог, чтобы ошибиться в этих делах, ты будешь держать ответ на том свете.

Будь в курсе торговых сделок и базарных цен, назначай верных людей, чтобы сохранить порядок — взаимоотношения между людьми на базаре. Таким же образом, как сегодня, твои подчиненные отвечают перед тобой за свои дела, точно так же и тебе придется держать ответ за свои дела перед творцом в день воскресения. И если в полночь в твоем государстве какое-либо живое существо заснет голодным, то тебе соответственно воздаст всевышний. Не совершай непристойных грехов; если ты сам будешь безнравственен, то ты не сможешь наказывать людей за безнравственность и разврат. Во всяком случае, не допускай притеснения. Если кто-нибудь объявляет, что намеревается вывести что-либо из своего богатства правителю какой-нибудь провинции и заявляет, что оно пойдет в пользу казны, то ни в коем случае не позволяй этого, ибо он не вынесет обещанного из своего дома; потому что, если бы это средство было бы у него в доме, то он сам этого не предложил бы. Следовательно, он это средство заберет у населения;[1] а когда население обеднеет, страна приходит к разрухе, и тогда о тебе останется дурная слава, а в руках захватчика — богатство.

Никогда не прощай двум видам преступников: лицам, которые жаждут овладеть твоим государством, их следует искоренить, если даже он твой собственный сын; лицам, покушающимся на чужое имущество, их убивай, а имущество верни владельцу. Остальных преступников наказывай каждого соответственно его преступлению. Прощение лучше всего — это качество всевышнего, если ты простишь преступнику,

[1] Содержание текста здесь не совсем ясно, очевидно речь идет о вновь назначенном правителе провинции.

то бог воздаст тебе добром. Сделай своим правилом щедрость и великодушие, потому что скупой правитель никуда не годен и если он из всякого дела извлекает деньги (واگردرهرهنر دیناری باسد), т. е. доход, то он, так же как скупой, никогда не приобретает славы. Щедрость создает человеку имя и славу. Не следует также допускать и расточительности, чтобы бесполезно всю казну пустить на ветер — разорять казну. Вознаграждай умеренно, заслуженно, жалуй только достойных людей, кто не достоин, тому не дари, ибо это подобно тому, как на шею свиньи повесить драгоценный камень. Давай назначение людям по достоинству. Если человека, способного быть везиром, назначишь фаррāшем (слугой), то по отношению к нему совершишь преступление, и, наоборот, если дашь фаррāшу везирство, также совершишь преступление — несправедливость. Испытай каждого и дай каждому по знанию и заслугам. Если, например, сын везира не обладает умом везиров, то ты не говори, что он сын такого-то везира. Точно так же если сын раба обладает умом везира, то (сразу) не назначай его везиром, следи, пока он станет благородным и искусным. Испытывай их подольше, чтобы они стали благородными и искусными. А если у кого есть знание и нет благородства, то воспитай его, чтобы он постепенно стал благородным. Но поручай дело по способностям и воспитание людей сделай основой. Людей, богатство-могущество которых перешло к тебе, не очень распускай — держи строже, потому что хотя они даже и знают, что причина их несчастья не ты, но они не свободны от зависти. Не будь беспечным и в отношении своих близких и братьев, ибо подстрекатели постоянно вдохновляют их в необходимости претендовать на власть. Необходимо, чтобы ты всюду в своем государстве назначал доносчиков и осведомителей, чтобы они осведомляли тебя о всем происходящем, потому что всякий вред и ущерб, которые наносятся государям, происходит из-за их беспечности и беззаботности.

Ты должен запомнить эти мои слова и руководствоваться ими, чтобы всевышний сделал тебя счастливым в обоих мирах".

Л. В. ДМИТРИЕВА

КРАТКИЙ ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ И ФРАГМЕНТОВ НА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ИЗ СОБРАНИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

В Секторе восточных рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР хранится ряд документов и фрагментов на языках Ближнего и Среднего Востока. Среди них свыше 500 на тюркских языках (уйгурском, узбекском, татарском, казахском, турецком); причем нужно заметить, что тюркологическая часть собрания — самая малочисленная, бóльшая его часть — персидская.

Настоящая статья представляет скромную попытку ознакомить читателей с характером имеющихся в Секторе восточных рукописей документов и фрагментов на тюркских языках.

Материал в обзоре расположен по языковому принципу и по степени важности этого материала.

УЙГУРСКИЙ ЯЗЫК

Большой интерес представляет архив юридических документов (39) одной местной (синьцзянской) канцелярии, характеризующих социально-экономические отношения в Синьцзяне в конце XIX—начале XX вв.: вакуфный документ о передаче 400 танапов земли племенных подразделений кыпчаков и хытаев степным мечетям округа, датированный 1295/1878 г., купчие крепости на землю, пшеницу, быков, документы об аренде, долговые и денежные, завещания и т. д.

Писаны они одним почерком (писцом местной канцелярии), датированы 1307—1337 (1889-1890—1918-1919) гг., имеют подписи, несколько печатей (главным образом, местных хакимов и кази). На полях многих документов восточная нумерация их по порядку „дел“ местной канцелярии. Составлены все

документы одинаково: цифрами и прописью дана точная дата (год, месяц, день) по хиджре, затем идут общие формулы, содержание (1—2 строки), опять общие формулы, подписи и печати.

Среди документов имеется копия с ярлыка Якуб-бека на право быть шейхом в провинциях Синьцзян, Яркенд и других, датированного 1273/1856-1857 г.

Необходимо также упомянуть о карте-схеме (в красках) Восточного Туркестана с обозначениями на китайском и уйгурском языках и русскими переводами русского консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского, известного знатока Среднего Востока. Карта включает маршрутные планы от Яркенда до Карашара, от Хотана до Аксу, список кишлаков Кашгара с указаниями расстояний и краткие описания этих кишлаков и объединяющих их районов и областей.

Интересна написанная неким М. Азимовым местная история Бадахшана (имена правителей отдельных районов, краткая родословная этих правителей, описание военных столкновений).

Любопытен небольшой отрывок из какого-то сообщения, содержащий краткие сведения о племенах Бадахшана и языках, известных им.

Названы следующие племена: утранчи таджик, употребляющие в равной мере языки таджикский и таранчей; каллух — два языка: один — общенародный (т. е. употребляемый и понятный во всем Бадахшане),[1] другой — известный только этому племени (т. е. особый племенной диалект или говор); чирик могул — два языка, которых никто, кроме этого племени, не знает; азора — особый племенной язык; чиххах — три языка, один из которых общенародный, а два — особые племенные.

Документы и фрагменты на уйгурском языке писаны насталиком (нечетким для архива юридических документов, но очень понятным в остальных случаях), простым разговорным языком, кроме особых „высоких" формул мусульманской юриспруденции. На многих из них пометки рукою Н. Ф. Петровского,[2] некоторые имеют старый инвентарный номер.

---

[1] В подлиннике: Бир тилини халк пилӓдир (транслитерация моя, — *Л. Д.*).

[2] Так как и во всех остальных случаях почерк совпадает с почерком пометок Н. Ф. Петровского на маршрутниках, можно предположить, что вся эта уйгурская коллекция приобретена через Н. Ф. Петровского (непосредственно или спустя некоторое время — из его материалов).

УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫК

Среди документов имеется большая книга из Андижана, содержащая юридические документы и копии с них на узбекском, персидском и арабском языках. В ней собраны документы, судебные решения о тяжбе, аренде, купчие крепости, вакуфные, долговые и денежные документы, датированные началом XX в.

В архиве уйгурских документов находится ярлык Мухаммед Рахим-хана (1810—1825 гг.) о жаловании землей за службу некоего Мухаммед Али.[1] Ярлык дан в Хорезме в 1127/1812 или 1237/1821-1822 г. Имеет печать Мухаммед Рахим-хана.

Документы на узбекском языке писаны обычным четким или скорописным среднеазиатским насталиком, официальным канцелярским языком.

ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК

Следует отметить деловую и частную переписку русского консульства в г. Монастыре (Болгария) с местными турецкими властями и духовенством, датированную 1279—1285/1862-1863—1868-1869 гг., фирманы турецких султанов и копии с них: фирман господарям Молдавии, Валахии об уравнении русских купцов с купцами западноевропейских стран во взимании не более 3% пошлины, копия с аналогичного фирмана, обозначенная: г. Яссы, 26 ноября 1722 г., фирман 1297/1879-1880 г. русскому генеральному консулу (Кожевникову?), „оригинальное верховного визира на турецком языке письмо к его сиятельству генерал-фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву-Задунайскому, от 20 ноября 1778 г.“ и т. д. Турецкие документы и деловые письма из коллекции Х. М. Френа (с его шифрами: в правом верхнем углу каждого документа по-латыни: №..., ex. Mus. Ch. M. Frehn), турецкие частные письма и фрагменты.

На турецком языке написаны 20 разрозненных казы-аскеровских дефтерей Крыма, объединенных в одном переплете. Эти дефтери выделены из фонда В. Д. Смирнова,[2] неодно-

---

[1] Старых инвентарных номеров не имеет, нигде не значится. Попал, видимо, в эту коллекцию Н. Ф. Петровского случайно и относится, скорее всего, к коллекции А. Л. Куна (см. фонд № 33 Архива востоковедов Сектора восточных рукописей Института востоковедения).

[2] См. фонд № 30 Архива востоковедов и Акт о выделении от 17 марта 1935 г.

кратно отмечавшего важность данного исторического источника.[1]

Документы и фрагменты (особенно большое количество последних) на турецком языке писаны мало разборчивым, но характерным для турецких документов и деловой переписки почерком дивани (мусальсаль),[2] фрагменты — преимущественно рикой. Язык официальный, канцелярский, с большим количеством арабских и персидских заимствований. Язык фрагментов и частной переписки проще, ближе к разговорному.

Некоторые документы на турецком языке имеют пояснения на русском и западноевропейских языках, иногда — старый инвентарный номер.

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК

Этот раздел представлен, главным образом, частной перепиской, отдельными фрагментами из коллекции А. А. Алимова.[3] Время — начало XX в. Язык — литературный, казанско-татарский. Насталик.

КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК

Небольшая папка содержит тетради, разрозненные листы с записями по фольклору: полная запись казахского варианта „Козы-Корпеч и Баян-Сылу", тетрадь казахских народных песен, записи пословиц, поговорок.

Материал этот, писанный обычным среднеазиатским скорописным насталиком, простым разговорным языком, представляет большой интерес для изучения как фольклора, так и языка казахов.

В коллекции Н. П. Лихачева также имеются документы и фрагменты на тюркских языках — две коробки. Они содержат, преимущественно, документы и переписку (деловую и част-

---

[1] В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887, стр. XXXIII; В. А. Гордлевский. Рукописи Восточного музея г. Ялты. Доклады АН СССР, 1927, № 1, стр. 223.

[2] На некоторых документах по-арабски внизу написано: почерк мусальсаль. В монографии Бабингера (F. Babinger. Das Archiv des Bosniaken Osman Pascha. Berlin, 1934) этот почерк назван дивани (стр. 36, табл. VI и др.).

[3] Согласно пометкам на фрагментах. См. еще фонд № 68 Архива востоковедов.

ную) на турецком языке: коробка фирманов (16) турецких султанов от Мухаммеда IV (1648—1687 гг.) до Абдуль-Меджида (1839—1861 гг.). Эти фирманы, насколько мне удалось установить, не являлись предметом специального исследования. Здесь же фирман султана Баязида II (1481—1512 гг.) на венгерском языке, датированный январем 1488 г.

В другой коробке находится деловая и частная переписка, в том числе несколько писем русских консулов к турецким властям, тетрадь копий турецко-итальянской переписки XVII в. (1676—1700 гг.), возможно связанной с именем знаменитого Пьетро делла Валле (Pietro della Valle),[1] и др.

Все эти документы писаны, обычно, почерком дивани (мусальсаль) официальным канцелярским языком, с обилием арабских и персидских заимствований.

Хочется надеяться, что даже этот краткий обзор даст возможность судить об определенной ценности указанных выше документов и фрагментов, которые могут быть использованы историками, географами, филологами и другими специалистами.

---

[1] Пьетро делла Валле (1586—1652)—автор замечательных в свое время путевых писем о Турции, Египте, Аравии, Персии и Индии, где он путешествовал с 1614 по 1625 г. Его путевые письма были изданы уже в XVII в. дважды на итальянском языке (Рим, 1650, 1662), в переводах — на немецком (Женева, 1674) и в XVIII в. (1745) — на французском языках. Письма эти свидетельствуют о разносторонних знаниях автора и являются, как известно, весьма ценным историческим источником. Хотя в данной тетради нигде прямо не обозначено имя Пьетро делла Валле и датировка писем слишком поздняя, все же наше предположение не снимается, так как в коллекции Н. П. Лихачева есть еще разрозненные листки копий с итальянских писем, на которых по-итальянски обозначено: „Переписка Pietro della Valle". Бумага, почерк (датировки нет) совпадают с таковыми нашей тетради.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Страница из книги корейской популярной литературы „Повесть о Ян Сан Бэке“	13
Колофон корейской рукописи, списка с энциклопедии Мунхон биго, изд. 1770 г.	25
„Жизнь Грузии“ (М 24)	32—33
Карта Грузии, составленная Вахушти Багратиони	40—41
Измененный и заново утвержденный кодекс законов эпохи „Небесного процветания“, л. 3	77
Фонетические таблицы	83
Тангутские названия основных указанных в статье сочинений	85
Летопись „Шара туджи“ (В 200). Первая половина XVII в.	104—105
Рукопись XIII—XIV в. из Хара-Хото. Расписка в получении пшеницы с обязательством вернуть ее в указанный срок. (Колл. П. К. Козлова, фрагмент № 1)	126—127
Рукопись „Каммавāчā“ на языке пали, лл. 1—2 (Кат. инд. рук., 451)	136—137
Две страницы батакской рукописи	144—145
„История Кашгарии“ Мухаммед Аляма на уйгурском языке, л. 60б.	151
Извлечения из рукописи „ʿАджāʾиб ад-дунйā“ (А 253)	214—219
Описание города Бардаʿа и города Байлакана (начало), л. 197б.	214
Описание города Байлакана (окончание), л. 198а	215
Описание города Тифлиса (начало), л. 198б	216
Описание города Тифлиса (окончание), л. 199а	217
Описание города Нахчевана (начало), л. 226б	218
Описание города Нахчевана (окончание), л. 227а	219
Автограф сочинения Шебāнгāраʾй „Маджмаʿ ал-ансāб“, л. 151а	224—225

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

О. П. Петрова. Собрание корейских письменных памятников Института востоковедения Академии Наук СССР 3

Р. Р. Орбели. Собрание грузинских рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР 30

З. И. Горбачева. Тангутские рукописи и ксилографы Института востоковедения Академии Наук СССР 67

Л. С. Пучковский. Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии Наук СССР . . 90

В. С. Воробьев-Десятовский. Собрание индийских рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР . 128

Д. И. Тихонов. Уйгурские исторические рукописи конца XIX и начала XX в. 146

Н. Д. Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке 175

А. М. Мугинов. Исторический труд Мухаммеда Шебангара'и . 220

Л. В. Дмитриева. Краткий обзор документов и фрагментов на тюркских языках из собрания Института востоковедения Академии Наук СССР 241

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *Е. П. Понугаева*
Технический редактор *Н. Г. Молодцова*
Корректор *Н. И. Тарноградская*

*

РИСО АН СССР № 35б—42В. Подписано к печати 12/VI 1954 г. М-37766. Бумага 60 × 92/16. Бум. л. 7 3/4. Печ. л. 15 1/2. Уч.-изд. л. 17.74+7 вкл. (0,54 уч.-изд. л.). Тираж 2 500. Зак. № 1045. Цена 12 р. 60 к.

1-я тип. Изд-ва АН СССР. Ленинград, В. О. 9 линия, д. 12.

ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
4	23 сверху	Тӧнгук	Тонгук
9	11 сверху	韻	韻
15	7 сверху	圖	國
17	18 сверху	甫	通
17	3 снизу	母	舟
22	8 снизу	Чэн Као	Чэн Хао
23	1 снизу	список с издания 1822 г.	список 1822 г.
23	16 снизу	甫	通
27	19 сверху	酢	許
162	5 снизу	فقرال ر قونكر	فقرالا ر يچنده قونكر
224	12 сверху	زجمله	از جمله
224	13 сверху	اسماط	سماط
224	22 снизу	اوده	اورده
230	7 сверху	مفوس	نفوس

12p 60k